

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Дошлуко Дохович Мальсагов

День за днем

Из эпистолярного наследия

Авторы-составители:

Л.Д. Мальсагова

М.С-Г. Албогачиева

Санкт-Петербург
2018

УДК 82-6+39(=35)
ББК 83.3(2)+63.5
М21

Рецензенты:
д.филол.н. *А.И. Халидов*
к.и.н *И.В. Стасевич*

Дошлуко Дохович Мальсагов: день за днем. Из эпистолярного наследия. —
СПб.: МАЭ РАН, 2018. — 208 с.

ISBN 978-5-88431-354-5

Издание эпистолярного наследия Дошлуко Доховича Мальсагова, кавказоведа, фольклориста и этнографа, языковеда, поэта, писателя, литературного критика. Публикуется научная переписка с видными советскими учеными (в том числе с сотрудниками Кунсткамеры) и письма, адресованные его семье, касающиеся его творческого наследия и частной жизни. Неопубликованный архив ученого — в стадии передачи на хранение в МАЭ РАН.

Книга предназначена всем интересующимся отечественным кавказоведением и историей науки.

ISBN 978-5-88431-354-5

© Л.Д. Мальсагова, М.С-Г. Албогачиева, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге использованы архивные материалы Дошлуко Доховича Мальсагова, ученого-кавказоведа, фольклориста и этнографа, поэта, писателя, литературного критика и языковеда, сохраненные и систематизированные его семьей — супругой Дзбантой Мусиевной Мальсаговой (Белхароевой), детьми: Якубом, Лидией, внуками.

В книгу включены письма ученых, друзей и соратников, официальных лиц и близких Д.Д. Мальсагова, письма самого Дошлуко Доховича, любезно предоставленные потомками адресатов.

Д.Д. Мальсагов состоял в деловой и дружеской переписке с выдающимися советскими и российскими учеными (языковедами, историками, этнографами, краеведами, кавказоведами), педагогами, искусствоведами, журналистами, художниками, поэтами. В их числе Василий Иванович Абаев, Борис Андреевич Алборов, Анатолий Несторович Генко, Николай Калининвич Гудзий, Уздиат Башировна Далгат, Гази-Магомед Албастович Даурбеков, Борис Николаевич Двинятинов, Юнус Дешериевич Дешериев, Игорь Петрович Еремин, Игнатий Юлианович Крачковский, Евгений Игнатьевич Крупнов, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Михаил Евграфович Лопухин, Иван Иванович Мещанинов, Никита Александрович Мещерский, Шихабудин Ильясович Микаилов, Александр Адрианович Назаревский, Михаил Яковлевич Немировский, Александр Владимирович Позднеев, Василий Павлович Пожидаев, Лидия Борисовна Панек, Сергей Петрович Писарев, Вячеслав Федорович Ржига, Леонид Петрович Семенов, Георгий Петрович Сердюченко, Адам Евгеньевич Супрун, Нина Петровна Тахо-Годи, Петр Иванович Харакоз, Арнольд Степанович Чикобава, Сергей Васильевич Шервинский, Николай Иванович Штанько и многие другие.

Начиная с января 1933 г., которым датировано первое письмо Хубиева Ислама Абдул-Керимовича (Ислама Карачайлы), известного кавказского журналиста, ответственного секретаря журнала «Революция и горец», и заканчивая 9 июля 1966 г., когда жизнь Дошлуко Доховича Мальсагова внезапно оборвалась и в адрес близких профессора, официальных органов Чечено-Ингушской АССР стали поступать многочисленные телеграммы с соболезнованиями, читатель может проследить жизнь этого удивительного ученого, без труда определить, чем был занят Д.Д. Мальсагов в тот или иной исторический период, понять, какой непростой, полной самоотречения и патриотизма была его короткая, яркая жизнь.

Выражаю сердечную благодарность всем, кто внес свою лепту в сбор и обработку материалов, дополнив семейный архив Д.Д. Мальсагова новыми неизвестными страницами.

Дочь Д.Д. Мальсагова профессор *Л.Д. Мальсагова*

ДОШЛУКО ДОХОВИЧ МАЛЬСАГОВ. ВЕХИ ЖИЗНИ

Дошлуко Дохович Мальсагов родился 23 декабря 1898 г. в селе Гамурзиево Терской области в семье Доха Мовсаровича Мальсагова и Кабихан Мальсаговой — дочери Куркъа Евлоева из селения Инаркъе. Отец Дошлуко, герой русско-турецкой войны, воевал в составе Ингушского дивизиона северокавказских горских конно-иррегулярных частей русской армии; за проявленные храбрость и мужество был произведен в подпоручики, награжден боевым орденом Святой Анны 4 степени.

От многочисленных ран, полученных в войне, Дох Мальсагов скончался в 1900 г. По прошествии почти 10 лет после смерти мужа Кабихан Мальсагова получила из Санкт-Петербурга письмо Канцелярии Александровского Комитета с вызовом на учебу для Дошлуко. У нее не хватило решимости сразу отправить сына так далеко от дома, однако она все же приняла это непростое решение, и после подготовительного курса он приступил к учебе в Симбирском кадетском корпусе.

Семья Мальсаговых была многодетной. У Дошлуко было три родных сестры, три сводных сестры и четыре сводных брата. Дедушка рассказывал, что навсегда запомнил свой первый приезд на каникулы домой после трех лет учебы в кадетском корпусе. За ужином на столе были кукурузные лепешки и простокваша. Мальчик отказался от такой еды, и мать, с целью воздействия на ребенка, несмотря на то что семья жила бедно, отнесла его ужин домашней скотине. Утром Дошлуко опять не стал есть то, что могла позволить себе семья, и мать отнесла его завтрак домашней птице. К ужину сын пришел к столу раньше других детей и съел все до крошки.

К сожалению, или к счастью, закончить учебу в Кадетском корпусе и стать военным, как его отец и сводный брат Генардуко, ему было не суждено: кто-то из сокурсников совершил проступок, но на общем сборе курса никто не признался в содеянном, и тогда каждого кадета по очереди приглашал к себе директор корпуса. Дошлуко и еще четверо кадетов, случайно оказавшихся свидетелями случившегося, не выдали товарища, отказавшись назвать имя нарушителя, за что все пятеро были отчислены из учебного заведения. В январе 1916 г. Кабихан Мальсагова получила письмо директора Симбирского кадетского корпуса о том, что ее сын, кадет 6 класса Дошлуко Мальсагов, уволен на ее попечение. Дошлуко вспоминал, что, прощаясь, директор горячо пожал юношам руки и пожелал сохранить на всю жизнь мужество и стойкость.

В 1917 г. мать Дошлуко Кабихан Мальсагова умерла.

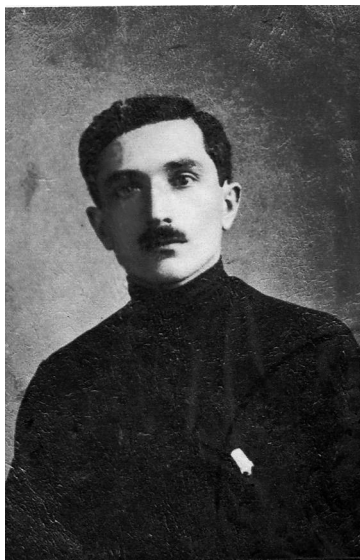
Несмотря на все тяготы и лишения, выпавшие на долю Дошлуко, он на протяжении всей жизни демонстрировал стойкость характера, мужество и отвагу, оставаясь при этом великодушным, мягким и отзывчивым человеком.

В период Гражданской войны на Северном Кавказе он принимал активное участие в отрядах красных партизан. В феврале 1919 г. в боях против деникинцев под ингушскими селениями Долаково и Насыр-Корт был дважды ранен.

В условиях установившейся советской власти Д.Д. Мальсагов активно включился в работу по созданию системы народного образования, первой ингушской газеты «Сердало», репертуара для ингушского театра, организации ингушского краеведческого музея, директором которого стал впоследствии, превратив его в крупнейший культурный центр не только Владикавказа, но и всего Северного Кавказа.

В 1922 г. Дошлуко Мальсагов женился на Белхароевой Дзабанте, дочери Белхароева Муси, сына выдающегося религиозного деятеля, суфия, овлия Батал-Хаджи Белхароева.

Дзабанта Мусиевна была благородной, красивой и мудрой женщиной, воспитанной в лучших ингушских традициях. Она полностью посвятила свою жизнь супругу, была рядом и в трудные, и в счастливые минуты жизни, оберегая семейный очаг, у которого и он, и все, кто оказывался в доме Дошлуко Доховича, ощущали тепло и уют.

Д.Д. Мальсагов. Владикавказ, 1920. Личный архив Л.Д. Мальсаговой

Фото семьи Мальсаговой (Белхароевой) Дзабанты Мусиевны. В первом ряду справа налево сидят: Дзабанта с дочерью Лидией на коленях, дочь Мадина, мать Занет Белхароева, сын Якуб, брат Мустапа. Во втором ряду стоят: брат Макшиарип, сестра Люба, брат Дауд. Первая половина 30-х годов XX в. Личный архив Л.Д. Мальсаговой

18 февраля 1924 г. в семье Дошлуко и Дзабанты родилась дочь Мадина; 4 января 1927 г. — сын Якуб; 16 мая 1930 г. — дочь Лидия.

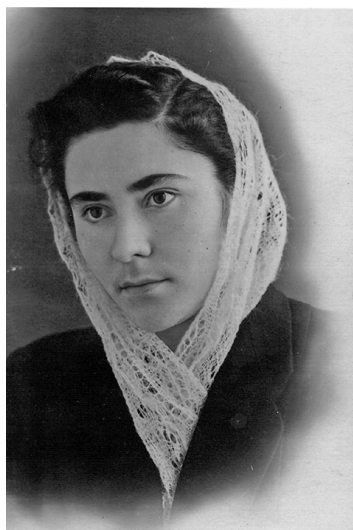
Дошлуко Дохович с 1924 по 1930 г. учился в Горском (Северо-Кавказском) педагогическом институте на отделении русского языка и литературы филологического факультета, именно в тот период началась его научная и литературная деятельность.

Д.Д. Мальсагов был знатоком и исследователем чечено-ингушского фольклора и этнографии. В тридцатых годах во Владикавказе и Ростове-на-Дону вышли его работы, посвященные ингушскому фольклору. Отдельные положения и выводы, сделанные Д.Д. Мальсаговым еще в то время, актуальны и сегодня. В работе «К постановке изучения чечено-ингушского фольклора» он писал: «Если же нужно изучать и развивать язык, то как можно при этом проходить мимо фольклора, т. е. суммы языковых богатств, накопленных устным народным творчеством во всей его истории? Ведь фольклор есть все, что имеется наиболее красочного, картинного и богатого в языке. Фольклор — поэзия и проза народного языка. И, конечно, тот, кто захочет овладеть языком, понять его богатство и структуру, все законы, все особенности его, должен изучить фольклор».

Ученый был убежден, что знание фольклора необходимо и при изучении истории народа, так как фольклорные произведения могут пролить свет на различные моменты истории. «Сопоставляя произведения устного народного творчества чеченцев и ингушей с творчеством других народов, устанавливая между ними связь, прослеживая пути и этапы распространения “странствующих сюжетов”, мы можем выяснить очень многое из неизвестного прошлого», — писал он. Значительная часть опубликованных автором в указанный период работ по фольклору является библиографической редкостью и, к сожалению, недоступна или труднодоступна для современных исследователей.

В 1931 г. в ингушском издательстве «Сердало» во Владикавказе вышла написанная Д. Мальсаговым в соавторстве с С. Саутиевым книга «Хургда вай дерригаш дийша» («Станем мы все образованными»). В том же году на краевой олимпиаде искусств народов Северного Кавказа в городе Ростове-на-Дону ингушская делегация ставила пьесу «Перелом», написанную Дошлуко в соавторстве с Орцхо Мальсаговым. Постановка, в которой были заняты представители ингушской интеллигенции (Орцхо Мальсагов, Идрис Базоркин, Фатима Мальсагова и другие), была удостоена первого места.

Д.Д. Мальсагов владел немецким и французским языками, несколькими языками народов СССР. Глубокое знание русского и ингушского языков, их стили-

*Л.Д. Мальсагова. Грозный,
1960 г. Личный архив
Л.Д. Мальсаговой*

Первая ингушская труппа, выступившая на первой Олимпиаде среди горских народов в Ростове-на-Дону. Д.Д. Мальсагов сидит во втором ряду крайний справа, рядом с ним О.А. Мальсагов, во втором ряду третья справа Фатима Мальсагова (поэтесса, скончалась в 1932 г.), в нижнем ряду первый справа М.М. Куркиев. В третьем ряду стоят: справа первым писатель Михаил Булгаков, рядом с ним стоит Гази Даурбеков (художник)

стических возможностей и средств позволяло ему блестяще выполнять переводы на ингушский язык произведений классиков русской прозы и поэзии: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.А. Крылова, М. Горького, других русских и советских писателей.

Будучи знатоком и тонким ценителем художественной литературы и искусства, он мастерски владел приемами стихосложения. В 1934 г. им написана первая поэма на ингушском языке «Поток Армхи», вошедшая в школьные учебники по ингушской литературе. На самом высоком уровне переведены им на русский язык и ингушские народные песни, в том числе записанные Д. Измайловым. Во всех его переводах чувствуется фольклорный дух, истинно народный язык. Дошлуко Дохович записывал фольклорные произведения, большинство которых также вошло в школьные учебники.

С 1929 по 1934 г., будучи ассистентом кафедры языкознания, Д.Д. Мальсагов читал в Горском (Северо-Кавказском) педагогическом Институте во Владикавказе современный русский язык, методику преподавания русского языка в ингушской школе, чечено-ингушский язык и литературу. Одновременно с чтением курсов в педагогическом институте он работал ученым секретарем и заведующим аспирантской подготовкой в Ингушском научно-исследовательском институте краеведения (Владикавказ).

Коллектив Северо-Кавказского Горского Историко-Лингвистического института им. С.М.Кирова. Первый слева сидит Д. Мальсагов (в нижнем ряду), в центре сидит З. К. Мальсагов. 1935 г. Личный архив Л.Д. Мальсаговой

Огромное значение придавал он вопросу подготовки национальных научно-педагогических кадров. Курсы лекций по языкам, фольклору и литературе, которые читал Д.Д. Мальсагов, по отзывам ученых, бывших его студентами, являлись монографическими исследованиями. В марте 1934 г., задолго до получения степени кандидата филологических наук, Квалификационной комиссией Народного комиссариата просвещения РСФСР Д.Д. Мальсагов как преподаватель высшего учебного заведения, выполняющий огромную научно-педагогическую работу со студентами и аспирантами, был утвержден в ученое звание доцента.

С 1934 по 1937 г. Дошлуко Мальсагов продолжал заниматься подготовкой молодых научных кадров в Северокавказском краевом историко-лингвистическом институте в Ростове-на-Дону, составлением очерков истории ингушской литературы и чечено-ингушского фольклора.

Как литературовед и критик совместно с видным ингушским писателем Б.Х. Зязиковым в «Очерках истории ингушской советской литературы» опубликовал критико-литературоведческие материалы, посвященные анализу произведений известных ингушских поэтов и писателей: Салмана Озиева, Ахмета Озиева, Джамалдина Яндиева, Хамзата Осмиева, Ахмета Хамхоева, Магомета Хашагульгова и других. Анализируя творчество ингушских литераторов, Д.Д. Мальсагов призывал их шире использовать достижения ингушского фольклора, учиться у народа. «Изучение языка, стиля, формы народной словесности, — писал он, —

<p>Мальсагов Дошлуко Дожович (полное имя и фамилия)</p> <p>8</p> <p>Время вступления в СП 1937 г. № 2423</p> <p>Литературный жанр драматический, проза</p> <p>На каком языке пишет ингушском</p> <p>Начало литературной работы 1927 г.</p> <p>Год и месяц рождения 23/12/1895 г.</p> <p>Место рождения Тамаруков</p> <p>Национальность ингуш</p> <p>Партийность КП № парт. билета —</p> <p>Время вступления в КПСС —</p> <p>Награды (ордена, медали) нет</p>		<p>Общественная работа и выборные должности:</p> <p>4</p>						
<p>Образование Высшее (Средний педагогический институт)</p> <p>Ученая степень (звание) кандидат филологических наук, доцент</p> <p>Звание иностранных языков английский и французский</p> <p>Звание языков народов СССР русский, дагестанский, ингушский</p> <p>Состоит ли на военном учете и в качестве кого (командный, политический, начальствующий или рядовой состав, военное звание) не в/обяз.</p>								
<p>Отметки о приеме и снятии с учета</p> <table border="1"> <thead> <tr> <th>Дата приема на учет</th> <th>Наименование организации</th> <th>Дата снятия с учета</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>8/12/1956 г.</td> <td>Союз писателей Киргизии</td> <td></td> </tr> </tbody> </table>		Дата приема на учет	Наименование организации	Дата снятия с учета	8/12/1956 г.	Союз писателей Киргизии		<p>Домашний адрес и телефон г. Фрунзе, ул. Вовкинская, 3/Е</p> <p>Личная подпись члена СП</p>
Дата приема на учет	Наименование организации	Дата снятия с учета						
8/12/1956 г.	Союз писателей Киргизии							

Членский билет члена Союза писателей СССР Д.Д. Мальсагова.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой

поможет ингушской письменной литературе в овладении родным языком и создании высших форм литературного творчества».

Согласно материалам «личного дела члена Союза писателей СССР поэта, драматурга, переводчика Д.Д. Мальсагова», находящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства¹, время вступления Дошлуко Дожовича Мальсагова в Союз писателей СССР — 1937 год, номер членского билета — 2423.

В личном деле имеется выписка из протокола заседания Президиума Союза писателей Киргизии от 8 июня 1956 г. о восстановлении Д.Д. Мальсагова (Дошлуко был исключен из членов Союза писателей в связи с арестом в 1937 г. — прим. авт.) в члены Союза писателей с 1937 г., а также выписка из Постановления Секретариата Правления Союза писателей РСФСР от 13 марта 1961 г. «об установлении стажа пребывания Д. Мальсагова в членах Союза писателей СССР с 1940 г., когда были напечатаны его критические и литературные статьи».

Д.Д. Мальсагов открыто критиковал произведения, искажающие истину, затрагивающие честь и достоинство человека. В 1934–1935 гг. большой резонанс, и не только в Ингушетии, вызвал роман Л. Пасынкова «Тайпа». Роман этот, в котором ингушский народ поливался грязью, несколько раз переиздавался в центральных издательствах многотысячными тиражами, что вызвало протест со стороны общественности. Особое возмущение вызвал тот факт, что в центральной печати появились положительные отзывы о нем, на основе романа даже собирались снять художественный фильм.

¹ Архивные материалы были выявлены ингушским исследователем Б.Д. Газиковым.

Д.Д. Мальсагов подверг произведение жесточайшей критике. Первой ошибкой автора он назвал то, что «в этой “Тайпе” нет тайпы», т. е. Л. Пасынков, написавший книгу якобы об особенностях ингушского тайпа (рода, фамилии), не имел о нем ни малейшего представления. Ученый просто и доходчиво объяснил русскоязычному читателю, что такое тайпа, показав также, что приведенный в романе псевдофольклорный материал не является ингушским «ни по форме, ни по содержанию». А после заявления Л. Пасынкова, что его роман получил хороший отзыв М. Горького, Дошлуко Мальсагов направил последнему письмо, в котором писал: «Нельзя любить великую родину, одновременно не любя каждый из народов, объединившихся в первый в истории человечества могучий братский союз. Наш народ гордится героической шестидесятилетней борьбой со страшным по своей жестокости и силе врагом, каким явился для него царизм, он еще в большей мере гордится героическим участием своих сынов в Гражданской войне, он имел счастье вписать блестящие страницы в историю освободительной борьбы на Северном Кавказе. <...> Естественен протест народа против романа, опошляющего его историю».

В 1937 г. плодотворная научно-педагогическая и литературная деятельность Д.Д. Мальсагова прервалась на долгие три года: во время разгула репрессий по обвинению в контрреволюционной деятельности он был арестован.

Дедушку посадили, обвинив в шпионской деятельности: кому-то показалось подозрительным, что лингвист и этнограф часто ездит в экспедиции, ведет активную переписку, встречается со многими известными людьми своего времени. С июля 1937 г. он содержался в Грозненской тюрьме НКВД Чечено-Ингушской АССР, где испытал все ужасы сталинских застенков, был жертвой клеветы, оговоров, предательства, но также и свидетелем мужества, стойкости и самоотверженности людей. И это испытание он прошел с честью! Он шутил, что его спасало то, что он мало ел, сил не было, во время пыток он сразу терял сознание, поэтому, в отличие от многих, которые не выдерживали и признавались во всем, к чему их принуждали тюремщики, не изменил своим принципам.

25 марта 1940 г. суд вынес решение: считать недоказанной принадлежность Д.Д. Мальсагова и других лиц, проходивших по данному делу, к контрреволюционной буржуазно-националистической повстанческой организации, существующей в Чечено-Ингушетии, оправдать и освободить Д.Д. Мальсагова и других, и 1 апреля 1940 г. в связи с прекращением дела он был освобожден.

С 1940 г. Дошлуко Дохович заведовал лингвистическим сектором Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, продолжал большую научно-педагогическую и просветительскую работу, читал курсы введения в языкознание, диалектологию русского языка, чеченского и ингушского языков в Чечено-Ингушском государственном педагогическом институте.

В этот период им была совершена научная экспедиция по Ингушетии и Чечне с целью изучения и описания языков и диалектов. В результате этой масштабной

работы в 1941 г. в Грозном в Чечено-Ингушском книжном издательстве отдельной книгой вышла первая в истории кавказоведения монография по диалектологии — «Чечено-Ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка», в которой впервые была дана классификация этих диалектов и описаны их основные особенности в сравнительном плане. Эта работа до сих пор является учебным пособием для студентов языковых вузов. Она легла в основу диссертации Д.Д. Мальсагова на соискание ученой степени кандидата филологических наук, присужденной ему в Ленинграде в феврале 1941 г. единогласным решением Ученого Совета Института востоковедения Академии наук СССР. Его научным руководителем был ученик академика И.Ю. Крачковского профессор Анатолий Несторович Генко, автор знаменитого труда «Из культурного прошлого ингушей».

*А.Н. Генко. Ленинград, 1923 г.
Личный архив Г.А. Генко*

С семьей Анатолия Несторовича, супругой Лидией Борисовной Панек и дочерью Галиной Анатольевной, Дошлуко Дохович дружил до последних дней. В 2017 г. Глава Республики Ингушетия Юнус-Бек Баматгиреевич Евкуров передал дочери Анатолия Несторовича Генко Галине Анатольевне (в настоящее время Галина Анатольевна Генко с дочерью Юлией проживает в Санкт-Петербурге. — прим. авт.) в дар от семьи Д.Д. Мальсагова письма Анатолия Несторовича Генко, адресованные Д.Д. Мальсагову.

С апреля 1942 г. кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Чечено-Ингушского государственного педагогического института Дошлуко Мальсагов активно занимался организацией отделений подготовки преподавателей чечено-ингушского, русского языков в нерусской школе при заочном Институте. С 1942 по 1944 г. он — директор Краеведческого музея и Музея изобразительных искусств.

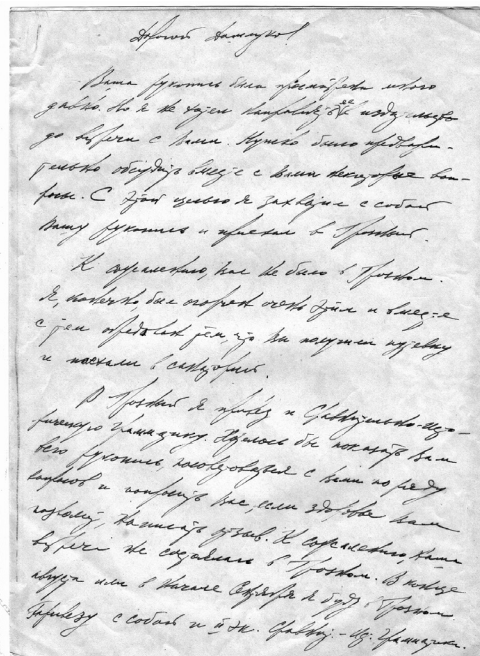
В октябре 1943 г. Дошлуко Мальсагов направляет в Институт языка и письменности народов СССР заявление о зачислении в докторантуру. В январе 1944 г. он становится докторантом Института языка и письменности народов СССР Академии наук СССР и командировается в Грозный для сдачи дел по месту предыдущей работы и сбора материала по научной теме на соискание ученой степени доктора филологических наук. Научными руководителями докторанта стали академик Иван Иванович Мещанинов и профессор Николай Феофанович Яковлев.

Лидия Дошлуковна вспоминает: «С начала 1944 г. отец работал над докторской диссертацией в Москве. Все собранные им по диссертации материалы исследований, ценнейшая научная литература были упакованы и подготовлены для отправки из Грозного в Москву. Когда вышел приказ о депортации ингушей из родных мест в далекий Казахстан и Киргизию, отцу предложили переехать с семьей в столицу. Но он отказался, не предал свой народ и отправился вслед за ним в ссылку, разделив с ним все тяготы и лишения».

В марте 1944 г. семья прибыла в город Токмак Фрунзенской области Киргизской ССР, начались долгие 13 лет ссылки. Оставшийся без научной литературы, данных своих исследований, даже без собственных уже опубликованных трудов, он писал из Токмака летом 1944 г. своему научному руководителю академику Ивану Ивановичу Мещанинову: «Не смог забрать из Грозного приготовленную к выезду в Москву литературу, так как сам находился во Влади-

М.Д. Мальсагова. 1944 г.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой

Фрагмент письма Д.Д. Дешериева
Д.Д. Мальсагову. Москва, 1962 г.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой

кавказе. Просил заведующего отделом агитации и просвещения Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) т. Зацепилина сохранить мою библиотеку, но думаю, что сделать это не удастся».

Д.Д. Мальсагов все еще состоял докторантом Института языка и письменности народов СССР, но для спецпереселенца работа по специальности была недоступна, и Дошлуко Мальсагову, на иждивении которого была большая семья, пришлось согласиться на работу в бане, где на должности заведующего приходилось быть и истопником, и уборщиком, и грузчиком. Доходы были мизерные, семья голодала.

Мама (Л.Д. Мальсагова) вспоминает: «Хлебный паек был маленьким. Старшая сестра Мадина отдавала нам нашу долю, а свою делила на

две части, из которых одну съедала сама, а вторую отдавала младшим. Когда от постоянного недоедания у отца стали опухать ноги, сестра и брат пошли работать на шахту, в 1945 г. Мадина заболела силикозом, от которого скоропостижно скончалась». В письме другу Салману Озиеву Дошлуко Дохович писал: «Теплое участие друзей смягчает всякое горе».

Весной 1945 г., когда до Наркомпроса республики дошла информация, что известный ученый и педагог работает в бане, ЦК КП (б) Киргизской ССР было принято Постановление «О возвращении на педагогическую работу кандидата филологических наук Д.Д. Мальсагова, освобождении его от должности заведующего баней с 1 апреля 1945 г. и направлении в распоряжение Наркомпроса Киргизской ССР».

В апреле 1945 г. Д.Д. Мальсагов переехал во Фрунзе и приступил к работе в аппарате республиканского Наркомпроса инспектором по вузам. С июня 1947 г. приказом по Киргизскому государственному университету кандидат филологических наук Д.Д. Мальсагов был зачислен доцентом кафедры русского языка «как имеющий стаж педагогической работы в вузе свыше 10 лет».

В вузовских сборниках и журналах стали публиковать его научно-методические материалы, что мало кому из числа депортированной интеллигенции было в тот период доступно.

В октябре 1951 г. Д.Д. Мальсагов был назначен штатным доцентом кафедры языка и литературы Фрунзенского государственного учительского Института, с

Второй слева Д.Д. Мальсагов с коллегами по Киргизскому университету. Фрунзе, 1949 г. Личный архив Л.Д. Мальсаговой

*Д.Д. Мальсагов с выпускниками Киргизского государственного
учительского института. Фрунзе, 1952 г.*

декабря 1951 г. он — старший научный сотрудник сектора языка и литературы Киргизского научно-исследовательского института педагогики, с августа 1952 г. — одновременно и заведующий вечерним отделением Фрунзенского государственного учительского института.

В ноябре 1955 г. Д.Д. Мальсагов направлен в распоряжение Киргизского государственного университета, где проработал доцентом кафедры русского языка вплоть до своего возвращения на Кавказ.

Дошлуко Дохович был передовым представителем своего народа, свои взгляды и убеждения отстаивал, невзирая ни на что. И в ссылке, под жесточайшим надзором и опасностью ареста, не умолкал его голос в защиту законных прав народа.

В августе 1956 г. под руководством Д.Д. Мальсагова ингушскими писателями и представителями ингушской интеллигенции было составлено и направлено в Президиум Правления Союза Писателей СССР обращение с просьбой ходатайствовать перед ЦК КПСС и органами Советской власти «О возвращении законного места в братской семье народов СССР ингушскому народу». Письмо было подписано Муталиевым Х., Зязиковым Б., Яндиевым Д., Базоркиным И., Мальсаговым Д., Дахкильговым М., Льяновым А., Мальсаговой М., Льяновым О., Льяновым Ф., Албогачиевой М., Мурадовым Х., Хаштыровым Б., Мальсаговым М., Баркинхоевым Х., Муратовым, Албогачиевым Г., Хантыговым И., Тутаевой И.

Со ссылкой на то, что письмо охватывает большие общегосударственные политические вопросы, Секретариатом Правления Союза Писателей СССР оно было направлено в Центральный Комитет КПСС.

В архиве Д.Д. Мальсагова имеются многочисленные письма друзей и соратников, свидетельствующие о мужестве, смелости и отваге представителей чеченского и ингушского народов, которые, рискуя быть арестованными и даже рискуя собственными жизнями, обращались в центральные органы власти с призывом о восстановлении справедливости в отношении народов, необоснованно подвергшихся жестоким репрессиям.

9 января 1957 г. Верховным Советом СССР и РСФСР было принято решение о восстановлении автономий депортированных народов, в том числе чеченцев и ингушей. В архивах Киргизского государственного университета хранится заявление доцента Д. Мальсагова ректору университета Б.М. Юнусалиеву об освобождении его от работы на основании удостоверения Оргкомитета Чечено-Ингушской АССР № 1942 от 5 мая 1957 г. в связи с отзывом на работу в республику (архивные материалы предоставлены исследователем ингушской истории Б.Д. Газиковым. — *прим. авт.*).

Лидия Дошлуковна вспоминает: «Во Фрунзе отца очень любили и уважали. Во время нашего отъезда, после разрешения вернуться домой на Кавказ, провожать папу на вокзал пришли многие преподаватели и студенты, что очень растрогало его, обычно умевшего сдерживать свои эмоции и чувства».

По приезду в Грозный Д.Д. Мальсагов с новой энергией взялся за восстановление республиканской науки и культуры. В июне 1957 г. он возглавил Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт языка, истории и литературы, отказавшись при этом и от полагавшейся руководителю машины, и от квартиры. Пока на выделенном участке строили дом, семья ютилась у соседей.

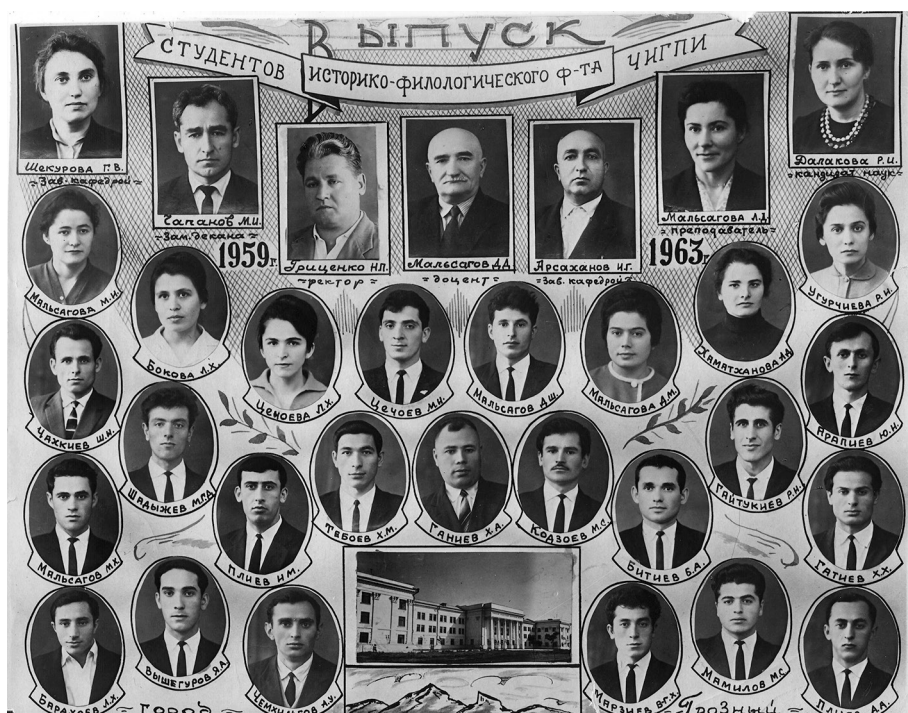
Скромность, бескорыстие, аскетизм, чистота помыслов, доброта притягательны для людей во все времена. Не счесть тех, кому Дошлуко Мальсагов помог выжить, выстоять, найти себя, причем делал он это без оглядки на национальность, вероисповедание, социальное положение, невзирая на человеческие слабости и недостатки.

Дмитрий Петрович Харакоз, биофизик, доктор физико-математических наук, профессор, сын известного ученого Петра Ивановича Харакоза — друга и соратника Дошлуко Доховича, так писал дочери Дошлуко Лидии: «Врезался в память отзыв отца о том, что Дошлуко Дохович был чрезвычайно уважаемым человеком в среде соплеменников, сосланных в Киргизию. К нему приходили как к вождю за советом и как к судье в самых трудных и спорных житейских делах».

Из письма И.Н. Матюшкова: «Я считаю себя многим Вам обязанным. Вы один из немногих людей, которые в трудное для меня время отнеслись ко мне с доверием и теплотой. Благодаря Вашей поддержке я смог получить образование. Это были дни горести не только для меня, но и для целых народов».

Из письма Л.А. Шеймана: «Для меня, для И.М. Скляра, для А.Е. Супруна Вы были и остаетесь во многих отношениях идеалом морального облика ученого и человека».

С 1958 г. Д.Д. Мальсагов — доцент Грозненского педагогического института.

Выпуск Чечено-Ингушского государственного педагогического института
1959–1963 гг. Грозный, 1963. Личный архив Л.Д. Мальсаговой

К этому времени он является автором более 30 научных трудов, продолжает активно заниматься педагогической, научной, литературно-критической деятельностью. Его перу принадлежат научные работы по актуальным вопросам фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики чеченского, ингушского и русского языков. Много внимания уделяет он просвещению, изучению культурного наследия народа, сбору и исследованию фольклора, особенно нартского эпоса.

В 1959 г. Дошлуко Мальсагов закончил исследование древних связей чеченцев и ингушей с восточными славянами и Россией, в котором на основе лингвистических и исторических данных показал, что связи между вайнахами и восточными славянами не были случайны. Работа на 62 страницах машинописного текста под названием «Исторические связи чеченцев и ингушей с восточными славянами и Россией» была отправлена автором в редакцию центрального журнала «Вопросы истории». В конце февраля 1959 г. статья была получена, о чем редакция сообщила письменно, однако в мае 1959 г. автор получил ответ о невозможности ее опубликования в журнале.

В архивах Д.Д. Мальсагова имеется отзыв специалиста-историка на работу «Навеки вместе» (рабочее название статьи «Исторические связи чеченцев и ингушей с восточными славянами и Россией». — прим. авт.), датированный сентяб-

рем 1962 г., что свидетельствует о неоднократных попытках автора опубликовать свой труд.

В октябре 1982 г., когда общественность Чечено-Ингушской АССР широко праздновала 200-летний юбилей вхождения в состав России, известный ингушский писатель, друг и соратник Дошлуко Мальсагова Идрис Муртузович Базоркин писал его дочери Лидии: «Прочитал работу Дошлуко. Как будто говорил с ним, слышал его голос, его логику, аргументы. Работа интересная, <...> она нужна. Мысли о связях с Россией хорошо подкреплены историческими материалами. Если бы Дошлуко писал ее сейчас, он сделал бы кое-какие акценты сообразно требованию времени. После правки ее кем-либо я мог бы с письмами Дошлуко и с этой работой пойти к Власову (в тот период секретарь Обкома КПСС Чечено-Ингушской АССР. — *прим. авт.*). Говорить. Она может получить добро только через него».

Однако работа «Исторические связи чеченцев и ингушей с восточными славянами и Россией» до сих пор остается неопубликованной, несмотря на то что уже и в наши дни получала одобрение чиновников самого высокого уровня.

Ученый, не привыкший отступать перед трудностями, продолжал свои фундаментальные исследования. В начале 1959 г. он завершил свой труд в области этнографии и языка чеченцев и ингушей, посвященный изучению темных мест «Слова о полку Игореве». Только высокообразованный и проницательный человек мог привлечь данные языка, этнографии и фольклора вайнахов для исследования памятника древнерусской литературы. Именно эти качества, прекрасное знание кавказских языков и фольклора позволили Д.Д. Мальсагову сделать целый ряд научных открытий, связанных со «Словом...», в том числе обосновать принадлежность героя, спасшего из половецкого плена князя Игоря, древнейшему ингушскому роду.

В журнале «Ковчег Кавказа» Нонна Владимировна Мирзабекова (директор издательства «Ковчег». — *прим. авт.*) пишет: «На Кавказе говорят: “Ум без смелости бессилен, сила без ума опасна”. Дошлуко Дохович, при внешней мягкости и интеллигентности, был истинным горцем — смелым, несколько даже неожиданным (но ведь и доказательным!) в научных выводах. Надо было обладать мужеством, чтобы посметь пойти наперекор общепринятому суждению. <...> Д.Д. Мальсагов писал: «До сих пор, кажется, никто не сомневался в том, что Овлур, содействовавший спасению князя Игоря из половецкого плена и сам бежавший с ним на Русь, был родом половчанин. В “Слове...” этот герой назван Овлуром и Влуром. Если допустить, что Овлур был родом не “половчин”, а мог быть кавказским горцем, род которого в горах был недостижим для мести половецких ханов, то отвага Овлура, взявшегося спасти Игоря, и доверие к нему князя станут понятны».

Рассматривая этимологию имени Овлур, ученый писал: «Овлур — имя, которое до недавнего времени было распространено у вайнахов. На высоком обрывистом берегу Сунжи, в нескольких километрах от бывшей крепости Назрань и селения Гамурзиево находятся руины многоэтажной башни, построенной первы-

ми переселенцами из гор на плоскость галгаями (ингушами), которая называется “башней Овлура”».

В мае 1959 г. работа Д.Д. Мальсагова, посвященная изучению «Слова о полку Игореве», была направлена в Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. В июне 1959 г. научный сотрудник Сектора древнерусской литературы кандидат филологических наук Л.А. Дмитриев сообщил автору, что рукопись рассмотрена и после некоторой доработки может быть напечатана в «Трудах отдела древнерусской литературы».

В конце сентября 1959 г. заведующий сектором фольклора Пушкинского Дома Борис Николаевич Путилов писал Дошлуко Доховичу, что его работа намечается редакцией «Трудов» для XVII тома, и просил не опаздывать с окончательным вариантом. В октябре 1959 г. доработанная автором статья была передана редактору XVII тома «Трудов» Н.А. Казаковой. Сомнений в необходимости опубликования этой бесспорно интересной и оригинальной статьи не было ни у кого. В начале 1960 г. Д.Д. Мальсагов получил письмо научного сотрудника Сектора древнерусской литературы Л.А. Дмитриева, в котором сообщалось, что XVII том «Трудов» ориентировочно должен быть сформирован к концу 1959 или в первой половине 1960 г. и планируется к выходу в свет к концу 1960 — началу 1961 г.

В связи с тем, что издание работы в «Трудах отдела древнерусской литературы» могло задержаться до 1961 г., автор принял решение издать ее в Грозном. В результате работа Д.Д. Мальсагова «О некоторых непонятых местах в “Слове о полку Игореве”», которая является одним из самых широко известных его научных трудов, была опубликована в 1959 г. в Известиях Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Сразу после выхода она получила высокую оценку известных советских ученых, в том числе ведущих специалистов, занимающихся изучением «Слова», включая академика Д.С. Лихачева.

Исследователь древнерусской литературы Николай Калинин Гудзий писал автору: «Основная мысль работы: о возможности и вероятности отражения в образах “Слова о полку Игореве” воззрений, общих восточно-руссам и горцам Северного Кавказа, представляется мне неоспоримой. Прямые связи и непосредственные отражения в языке этих связей — тоже не может быть поставлено вне обсуждения. <...> Я прочитал Вашу работу, не отрываясь, как волнующие стихи. Вполне убедительно Ваше объяснение происхождения имени Овлург и принадлежность этого героя “Слова” к горцам Северного Кавказа».

Из письма доктора филологических наук, профессора Игоря Петровича Еремина: «Статью прочел с большой пользой для себя. Она порадовала меня и тем, что к толкованию “Слова” Вы привлекли новый материал (языки и этнографию кавказских народов), и тем, что Вы здесь обнаружили подчас очень тонкое понимание текста “Слова”, внутренней логики его поэтических иносказаний. Хочется от души поздравить Вас с несомненной удачей. Думаю, что мимо Вашей статьи, не посчитавшись с нею, не пройдет ни один комментатор “Слова”».

Известный исследователь «Слова о полку Игореве» Борис Николаевич Двинятин писал: «Я прочел работу с большим интересом, она меня захватила и во многом весьма убедила. Это искренне и не в порядке комплимента. Вы мне представляетесь человеком пытливого ума и большого сердца».

Доктор филологических наук, профессор Александр Адрианович Назаревский так отреагировал на присланный оттиск работы Д.Д. Мальсагова: «Я с большим вниманием прочитал Вашу работу и могу сказать, что она меня очень заинтересовала привлечением нового материала, рядом удачных сопоставлений, самым стремлением помочь разгадке отдельных “темных” мест “Слова о полку Игореве” и подкрепить его подлинность новыми соображениями».

Из письма известного исследователя «Слова о полку Игореве» Никиты Александровича Мещерского: «Я был очень рад получить Вашу чрезвычайно заинтересовавшую меня книжку. Очень, очень благодарю за нее. Мне кажется, что привлекаемый впервые Вами материал, несомненно, очень важен и плодотворно скажется на изучении языка “Слова о полку Игореве”. Особенно убедительными мне кажутся главы, посвященные Овлуру и Диву».

Аварский филолог Шихабудин Ильясович Микаилов писал: «Вы подарили мне оттиск своей работы о “Слове о полку Игореве”, она втянула меня прямо-таки в анализ Ваших суждений. Эта книжка оказалась настолько кстати, что ряд Ваших взглядов послужил для меня опорой для подтверждения своих догадок по этимологии некоторых слов, по установлению связей северокавказских народов с южнорусскими народами и т. д. и т. п. Я просто полюбил эту книжку».

Ученик и племянник ученого Ахмет Орцхоевич Мальсагов вспоминал, как проходило обсуждение работы Д.Д. Мальсагова «О некоторых непонятых местах в “Слове о полку Игореве” в Москве на заседании Постоянно действующей комиссии по «Слову»: «На лицах многих присутствующих можно было прочесть недоверие, скепсис, любопытство. Ведь к кафедре вышел провинциал, очень милый, но совсем не импозантный человек. Но как всегда сильным, одновременно ненапряженным голосом, тихо, он стал вводить аудиторию в мир своих наблюдений, мыслей, образов, выводов, подкупая и смелостью, и оригинальностью мышления, и абсолютной раскованностью. От снобизма столичных ученых не осталось и следа... А ведь в Комиссию входили потомственные славяноведы, академики, писатели, поэты, ученые из МГУ, Института языкознания АН СССР».

Долгие годы ссылки, потери, лишения, постоянное противодействие со стороны недалёковидных чиновников не разобщили Д.Д. Мальсагова с профессией научного работника — лингвиста, этнографа, педагога, он мужественно и стойко шел по избранному пути, что не могло не отразиться на его здоровье: весной 1961 г. Д.Д. Мальсагов перенес ишемический инсульт головного мозга.

Внучка Дошлуко Тамара Якубовна Мальсагова вспоминает: «Наш дом в Грозном стоял в тупике, дальше была стена завода “Красный молот”. Дедушка заболел, мы очень его любили и сильно переживали, забыв свои всегда шумные игры. Однажды утром к нашему дому пришли студенты и коллеги дедушки. Они молча

стояли, заняв всю улицу, казалось, что они даже не разговаривали, такая была тишина. И также тихо ушли, когда узнали, что кризис миновал и что теперь больному нужен абсолютный покой».

Многочисленные письма друзей и коллег с пожеланиями скорейшего выздоровления свидетельствуют о большом авторитете Д.Д. Мальсагова — человека и ученого, о его роли и значении для науки, для маленького ингушского народа.

«Вы очень нужны нашему бедному народу, у которого сегодня Вы — единственный ученый», — писала семья Гойговых.

«Весть о Вашей болезни огорчила всех Ваших знакомых. Надеемся, что проявите выдержку горца и сделаете все, что потребуется для преодоления остатков заболевания. Один вид родных гор даст больше сил, чем многомесячное лечение», — писал близкий друг и соратник Д.Д. Мальсагова академик Арнольд Степанович Чикобава.

Лидия Борисовна Панек, супруга известного ученого Анатолия Несторовича Генко, в декабре 1961 г. писала: «Болезнь не Ваш стиль, Вы должны побеждать болезнь».

В январе 1962 г. Сергей Петрович Писарев, историк, библиограф, известный общественный деятель (более 20 лет С.П. Писарев посвятил борьбе за реабилитацию бывшего секретаря Ингушского обкома ВКП (б), выдающегося государственного деятеля, одного из основателей ингушской государственности Идриса Бейсултановича Зязикова. — *прим. авт.*), с 1955 г. занимавшийся проблемой депортированных ингушей и чеченцев, выступавший с прямой критикой и неприятием шовинистической политики тогдашнего партийного руководства Чечено-Ингушетии, так писал в своем письме Дошлуко Доховичу: «За Вашей борьбой с гораздо более серьезной болезнью — такой прискорбной для всех нас, Ваших друзей, для науки и для чеченского и ингушского народов — с точки зрения непрерывности Вашей большой научной и общественной деятельности — я следил с искренней обеспокоенностью».

Но даже во время болезни Д.Д. Мальсагов не прекращал работать: диктовал тексты писем, отрывки научных работ, консультировал аспирантов. По состоянию на конец 1961 г. список опубликованных им научных трудов включал уже более 50 наименований, он являлся автором учебников по ингушскому языку и литературе.

После выздоровления Д.Д. Мальсагов вновь активно приступил к научно-педагогической деятельности. Он писал в Москву профессору Ю.Д. Дешериеву: «Пишу совершенно свободно, и глаза не очень устают». В это время он включен в состав экспертной комиссии при Северо-Кавказском совете по координации научной работы по гуманитарным наукам, созданном по приказу Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, участвует в заседаниях ученых советов северокавказских вузов, выступает оппонентом при защитах диссертаций.

За свою недолгую жизнь Дошлуко Дохович подготовил многих ученых и исследователей. Его студентами и воспитанниками были профессора: А.С. Куркиев,

Ф.Г. Оздоева, Л.Д. Мальсагова, В.Д. Тимаев, И.А. Арсаханов и другие. Многие известные ученые, педагоги, писатели, журналисты, общественные деятели считали себя его учениками, не будучи его студентами.

Так, известный ученый Петр Иванович Харакоз писал ему из Фрунзе: «Ох, мой незабвенный, несравненный Дошлуко-эфенди! Примите это мое сочинение в память от греческого ученика Вашего. Хотя я за школьной партой у Вас не сидел, но ведь ученики Сократа, например, тоже не сидели за партой. Вы мудрый и редкий учитель, а я, честное слово, Дошлуко Дохович, был прилежным учеником».

Еще в 1958 г. доктор филологических наук, профессор Л.И. Жирков, доктор филологических наук, профессор Е.А. Бокарев, доктор филологических наук, профессор Ю.Д. Дешериев дали научную характеристику «одному из старейших и крупных деятелей культуры и просвещения Чечено-Ингушской АССР доценту, кандидату филологических наук Д.Д. Мальсагову для представления его к ученому званию профессора». Тогда же это представление было поддержано Ученым Советом Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. В 1961 г. доктор филологических наук, профессор А.С. Чикобава, доктор филологических наук, профессор Е.А. Бокарев, доктор филологических наук, профессор Ю.Д. Дешериев подписали отзыв «О научной и педагогической деятельности кандидата филологических наук доцента Д.Д. Мальсагова (по вопросу присуждения ему ученого звания профессора)». 29 июня 1961 г. Ученый Совет Чечено-Ингушского государственного педагогического института принял решение просить Высшую аттестационную комиссию Министерства высшего образования за выдающиеся заслуги утвердить Д.Д. Мальсагова в ученом звании профессора. Однако окончательное решение о присвоении звания профессора Д.Д. Мальсагову было принято лишь в 1964 г.

Шовинистическая политика тогдашнего партийного руководства Чечено-Ингушетии, породившая и зачастую приветствовавшая подобные настроения и в подконтрольных организациях, не прибавляла национальным кадрам оптимизма, создавая искусственные препоны, тормозя развитие науки, препятствуя изучению культурного наследия народа. Особенно наглядно это отношение проявилось в вопросе изучения устного народного творчества.

С самого начала своей исследовательской деятельности Д.Д. Мальсагов придавал этому вопросу огромное значение, отстаивая важность глубокого изучения истоков. В октябре 1964 г. он пишет в Москву Ахмету Мальсагову: «Очень трудно говорить с работниками Института (Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. — *прим. авт.*). Настоял и по организации комиссии по устной словесности при Союзе писателей. Меня сделали председателем, но первое же заседание сорвали, в результате я отказался от чести работать в этой комиссии».

Д.Д. Мальсагов, которого всегда отличали прямолинейность и бескомпромиссность, заявлял руководству Чечено-Ингушского Научно-исследовательского института истории, языка и литературы о неправильном отношении к национальным кадрам.

*После конференции в Нальчике, 1962 г.
Справа: первый К.З. Чокаев, третий А.А Саламов, четвертый Д.Д. Мальсагов.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой*

Изучению ингушского нартского эпоса, который, по его мнению, должен стать в один ряд с величайшими памятниками человеческого гения, ученый придавал особое значение. Вопрос о нартском эпосе до сих пор считается одним из наиболее сложных.

В начале 1965 г. Институт мировой литературы им. М. Горького (ИМЛИ) принял решение о подготовке академического издания героического эпоса под названием «Богатырские героические сказания чеченцев и ингушей». Сотрудник Института Уздият Башировна Далгат сообщила Д.Д. Мальсагову, что ответственным редактором ИМЛИ намерен назвать именно его, стоявшего у истоков сбора и изучения эпоса.

Позже Дошлуко Дохович писал Ахмету Мальсагову: «Получил письмо от Уздият Башировны. Она мне пишет, что я буду редактором, а Саламов (директор Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. — прим. авт.) объявил, что через обком партии добьется другого редактора, ... и вывел меня из состава Совета Института».

В 1965 г. Дошлуко Дохович с сожалением делится с Ахметом Мальсаговым: «О нартских сказаниях мне не говорят ни слова... С сентября иду на пенсию. Работаю много. Здоровье, пожалуй, можно сказать, удовлетворительное».

В этот же период в письме Ахмету Мальсагову известный чеченский фольклорист Халид Дудаевич Ошаев писал: «В этом деле (со словарями. — прим. авт.)

С коллегами в Дагестане. Второй слева Х.Д. Ошаев, третий справа И.А. Арсаханов, четвертый справа Д.Д. Мальсагов. Махачкала, 1958 г. Личный архив Л.Д. Мальсаговой

тебе очень поможет Дошлуко. Теперь он более свободен: из института он ушел, вернее заставили уйти... Пока там Саламов — ни Дошлуко, ни мне там делать нечего».

В сентябре 1965 г. Ахмет Мальсагов пишет Дошлуко Доховичу: «Вы ушли на пенсию. Рад тому, что, наконец, Вы отдохнете, огорчает другое — в институте некому преподавать... Получены материалы из ЧИНИИ (Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. — прим. авт.). Ингушская часть подготовлена слабо. Некоторая паспортизация к сказаниям, видимо, сделана с Ваших слов. Фактически ничего нового они не записали, а просто перевели ранее опубликованные материалы, что уже давным-давно сделано мною. <...> Интересен и протокол, высланный ЧИНИИ, в котором отразились неграмотные выступления Х. Бокова, Саламова и пр. В частности, их всех мучает вопрос о редакторе. Каждый метит в генералы. Но, на мой взгляд, этот вопрос уже давно решен. Думаю, что У.Б. (Уздият Башировна Далгат. — прим. авт.) сообщила Вам об этом».

В начале декабря 1965 г. Ахмет Мальсагов пишет из Москвы: «Был здесь Боков с писателями. Уздият Башировна и Петросян (А.А. Петросян, заместитель директора ИМЛИ. — прим. авт.) с ним разговаривали. Он согласился после долгих разговоров о привлечении Вас к работе над нашим сборником (о героическом эпосе. — прим. авт.)».

Однако в конце декабря 1965 г. заместитель директора ЧИНИИ М.Д. Чентиева обращается к Д.Д. Мальсагову со странной просьбой дать Институту фольклор-

ный материал, относящийся к нартскому героическому эпосу, так как институт готовит к изданию в Москве сборник «Чечено-ингушский нартский героический эпос». В начале января 1966 г. Дошлуко Дохович так пишет об этом письме: «Беседа Уздият с Боковым “дала результат”». Получил из ЧИНИИ письмо с просьбой дать нартские сказания и одновременно извещение, что они будут издаваться в Москве. Письмо по стилю и содержанию даже нельзя назвать приличным. Я решил на все махнуть рукой и не волноваться».

Несмотря на противодействие, Дошлуко Дохович не прекращал свои научные исследования, а также предпринимал титанические усилия для поддержки национальных научных кадров. Благодаря широкой известности, уважению со стороны ученых и коллег Дошлуко Доховичу удавалось помочь своим подопечным продолжать учебу и научную работу, в том числе и за пределами республики — в Москве, Ленинграде, Махачкале, Ставрополе, Тбилиси и пр. Так, в августе 1963 г. по его ходатайству академия наук Грузинской ССР приняла решение прикомандировать его воспитанников, студентов из Грозного, для работы над кандидатскими диссертациями с предоставлением им мест для проживания в студгородке.

В этот период ученый продолжает свои исследования по «Слову о полку Игореве». В январе 1964 г. он пишет Сергею Васильевичу Щербинскому: «Последние два с половиной года я болел, писал мало, но работу не бросал. Ныне работаю в Пединституте и по мере сил стараюсь вести научную работу. Чечено-Ингушское издательство приняло в печать две мои работы: первую о связях восточных славян и России с чеченцами и ингушами, и вторую — о “Слове”».

Работа о древних связях восточных славян и России, как уже отмечалось выше, так до сих пор и не опубликована и находится в архиве Д.Д. Мальсагова. Что же касается второй работы по «Слову», то в архивных материалах есть только отдельные рукописи, которые нуждаются в систематизации и обработке. Готовой работы, о приеме которой Чечено-Ингушским издательством, в частности, Д.Д. Мальсагов писал Сергею Васильевичу Щербинскому, в архиве нет.

Подтверждением того, что вторая работа по «Слову» была написана, является и письмо А.О. Мальсагову от 14 октября 1964 г.: «Закончил работу над “Словом...”, работа над чечено-ингушской словесностью» задерживается». А также письмо от 23 декабря 1965 г. Льва Аврумовича Шеймана, в котором он, в частности, писал Дошлуко Доховичу: «С большим интересом узнал заголовки новых разделов Вашей работы о “Слове о полку Игореве”. Буду признателен за присылку всего, что пишете и печатается Вами по этой теме».

Как бы Дошлуко Дохович ни был увлечен научными идеями, как бы ни был занят педагогической деятельностью, он был, прежде всего, Человеком. Его поведение и отношение к людям не зависели от обстановки, обстоятельств, общественного положения: на Ученом ли совете в столичном академическом институте или в Союзе писателей СССР, в деревне ли в окружении сельчан или в студенческой аудитории, со стариками, умудренными жизненным опытом, с детьми ли — он всегда и со всеми был внимателен, сдержан, великодушен и безмерно добр.

Дедушка учил нас, внуков, всегда находить в каждом человеке хорошее и за это уважать его. Он призывал воспитывать детей с самого раннего возраста в атмосфере уважения к себе и окружающим людям. Он, ученый с мировым именем, всегда вставал, приветствуя вошедшего, даже если входил ребенок.

Секретари и работники идеологического отдела обкома партии и их приспешники всячески пытались дискредитировать Дошлуко Доховича Мальсагова и его соратников перед общественностью, публикуя всякого рода клеветнические изыски, пытаясь обвинить его в приверженности к пережиткам прошлого. Безвольные и слабохарактерные, далекие от истинной науки, чиновники всячески пытались угодить этим проходимцам, получая от этого собственную выгоду. Кто они? Где они? Кто помнит о них? И найдется ли у кого-либо доброе слово памяти о них? Они достойны жалости...

Николай Иванович Штанько, ученик и близкий друг Д.Д. Мальсагова, автор поэмы «Солнце в крови», историк, известный журналист, возглавлявший в тот период отдел писем газеты «Известия» — официального органа Верховного Совета СССР, узнав о травле, которую устроили его учителю, предложил направить в республику журналистский десант для освещения всех извращений и перегибов, которые допускались местными чиновниками и вредили поступательному движению возрождавшейся республики. Однако Дошлуко Дохович отказался, надеясь на здравый смысл оппонентов и свои собственные силы. Несмотря ни на что, до конца своих дней продолжал он эту неравную борьбу с псевдонародными чинушами.

7 июля 1966 г. Д.Д. Мальсагов написал письмо в отдел науки ЦК КПСС, копия письма была адресована Первому секретарю Чечено-Ингушского Обкома КПСС С.С. Апрыткину. Отправлять письмо в Москву по официальным каналам было бессмысленно: слишком далеко запустили свои щупальца те, кто боялся, что правда о нарушениях в республике дойдет до руководства страны. Один из знакомых, который сообщил, что выезжает в Москву, предложил свои услуги по его доставке и письмо забрал. Однако до адресата оно не дошло...

Был субботний день 9 июля 1966 г. Позвонила бабушка и сказала, что дедушке нездоровится, мама сразу поехала к отцу. Мы жили в Грозном на улице Дербентская, а дедушка на улице Кирова, между нами были две автобусные остановки. Когда мама приехала, бабушка сообщила, что приезжала «скорая» и дедушке сделали укол, после этого ему стало хуже. Через несколько минут дедушки не стало... Впоследствии мама тщетно пыталась выяснить, кто вызывал «скорую», из какого лечебного учреждения она была направлена, что за укол был сделан. Как оказалось, никто из родственников и соседей врачей не вызывал, ни одно лечебное учреждение Грозного машину скорой помощи не присылало, никаких пустых ампул, ватных тампонов или каких-либо лекарственных препаратов медики после себя не оставили.

Близкие, друзья, соратники, знакомые в многочисленных телеграммах с соболезнованиями выражали глубокую скорбь по поводу безвременной кончины

крупного ученого и замечательного человека Дошлуко Доховича Мальсагова. На одном из траурных мероприятий классик ингушской литературы, автор романа-эпопеи «Из тьмы веков» Идрис Базоркин сказал: «Дошлуко Мальсагов — это мудрость ингушского народа».

Директор издательства «Ковчег» Нонна Владимировна Мирзабекова в журнале «Ковчег Кавказа» пишет: «Сегодня мимо работ Д.Д. Мальсагова не может пройти ни один добросовестный исследователь “Слова”, фольклорист, диалектолог, литературовед, этнограф... Но невыразимо грустно, что забыто, да что там — просто-напросто неизвестно сегодня российской интеллигенции имя Дошлуко Доховича Мальсагова — великого сына маленького ингушского народа, который не позволил себе прожить иную, более благополучную, жизнь. <...> Дочь Дошлуко Мальсагова бережно хранит все рукописи отца. Но разве только ее эта ответственность и обязанность хранить наследие Дошлуко Доховича Мальсагова? Он достоин того, чтобы о нем помнили, чтобы россияне на знаниях о таких людях формировали свое мнение об ингушском народе. Чтобы его наследие являлось предметом изучения в школах и вузах республики и страны».

Ингушетия всегда свято чтит и продолжает чтить память о своих великих сынах. Несмотря на малочисленность ингушского народа, она навсегда вписала в мировую историю имена своих лучших представителей, боровшихся за ее государственность, защищавших свою большую и малую Родину от врагов, развивавших науку, культуру, спорт. В их числе Уциг Маалсаг Долгиев — национальный герой ингушского народа, штабс-ротмистр Лейб-гвардии Его Императорского Величества Александра II; Сафарбек Мальсагов — генерал-майор царской армии; Батал-Хаджи Белхароев — известный религиозный деятель; Адиль-Гирей Долгиев — крупный общественный деятель России; Тонт Укуров — генерал-майор царской армии; Бунхо Базоркин — первый из ингушей генерал-майор царской армии; Вассан-Гирей Джабагиев — крупный государственный и общественный деятель, основоположник ингушской государственности; Идрис Зязиков — первый народный комиссар внутренних дел Горской АССР; Заурбек Мальсагов — народный комиссар просвещения Горской АССР; Чах Ахриев — ингушский просветитель, ученый-этнограф; Гапур Ахриев — председатель Ингушского ревкома; Салман Озиев — писатель, один из создателей ингушского алфавита; Дошлуко Мальсагов — ученый, первый ингушский профессор; Созерко Мальсагов — заключенный Соловецкого лагеря, автор книги «Адский остров. Советская тюрьма на далёком севере»; Асет Тутаева и Умат-Гирей Барханов — герои Великой Отечественной войны; Герои Советского Союза Абдулла Цароев и Руслан Аушев; Герои России — Ахмед Мальсагов, Мурад Оздоев, Ахмет Мальсагов, Суламбек Осканов, Юнус-Бек Евкуров; классик ингушской литературы Идрис Базоркин; Президент Республики Ингушетия Мурат Зязиков; известный общественно-политический деятель, российский предприниматель Михаил Гучериев; народный художник России Мурат Полонкоев, врачи, юристы, журналисты, спортсмены и многие, многие другие.

Каждый из них внес огромный вклад в развитие нашей большой страны и маленькой Ингушетии — каждый в своей области. Дошлуко Дохович Мальсагов, ингушский ученый с мировым именем, преподавал в высшем учебном заведении, добивался открытия национальных отделений для подготовки национальных кадров, учил чеченских и ингушских студентов и в результате своей педагогической, научной и просветительской работы воспитал многих талантливых педагогов, ученых, писателей, журналистов, общественных деятелей.

8 июля 2002 г. Указом Президента Республики Ингушетия М.М. Зязикова «За выдающиеся заслуги в развитии языкознания и в связи с 78 годовщиной ингушской государственности» Д.Д. Мальсагов был посмертно награжден орденом «За заслуги» Республики Ингушетия. Орден под номером 00046 хранит дочь Дошлуко профессор Лидия Дошлуковна Мальсагова.

С июня 2012 г. в Республике Ингушетия функционирует Мемориал памяти и славы, который построен по инициативе Главы Республики Ингушетия Ю.Б. Евкурова и является уникальным историко-архитектурным проектом, символизирующим силу духа, любви к Родине, мужества и стойкости ингушского народа. По обеим сторонам мемориального комплекса построены колоннады, вдоль которых установлены 36 мемориальных плит с высеченными именами видных ингушских деятелей, внесших значительный вклад в становление и развитие ингушской государственности, в их числе имя Дошлуко Доховича Мальсагова.

С 2017 г. функционирует сайт «<http://doshlukomalsagov.com/>», где публикуются его научные работы, архивные фотоматериалы, литературные произведения.

23 декабря 2018 г. исполняется 120 лет со дня рождения Дошлуко Доховича Мальсагова. И сегодня, как никогда ранее, близко решение вопроса о присвоении имени первого ингушского профессора первому ингушскому высшему учебному заведению — Ингушскому государственному университету, где многие годы трудились и трудятся его ученики и последователи.

*Орден Республики
Ингушетия «За заслуги»,
которым посмертно был
награжден Д.Д. Мальсагов.*

*Личный архив
Л.Д. Мальсаговой*

*Ужахова Мадина Крымсултановна,
кандидат технических наук,
внучка Д.Д. Мальсагова*

ИЗБРАННАЯ ПЕРЕПИСКА

Дорогой тов. Дошлуко, очень рад, что ты, наконец, вспомнил о существовании журн. «Революция и Горьц». Твою статью и письмо я только что получил. Статью еще не успел пробежать, но могу сказать наверняка, что она пойдет обязательно. Во всяком случае, для этого я приложу все свои усилия. Сегодня прочту, завтра о своих впечатлениях от твоей статьи напишу. Вторую статью — о фольклоре — шли немедленно. Постараемся обязательно использовать. Пришли еще, что можешь прислать. Что ты можешь сказать о рецензии в журнале относительно «Магил» и относительно «Перелома»? Было бы интересно услышать твое мнение. Если не завтра, то в ближайшее время постараюсь тебе написать. Будь здоров. С коммунистическим приветом
Ислам Карачайлы
23/1-1933

будет-ли информация Карачайлы, 10/1/33

Письмо И. Карачайлы Д.Д. Мальсагову. Личный архив Л.Д. Мальсаговой

М.И. Карачайлы — Д.Д. Мальсагову
Ростов-на-Дону — Грозный, 23.01.1933

Дорогой тов. Дошлуко, очень рад, что ты, наконец, вспомнил о существовании журнала «Революция и Горьц». Твою статью и письмо я только что получил. Статью еще не успел пробежать, но могу сказать наверняка, что она пойдет обязательно. Во всяком случае, для этого я приложу все свои усилия. Сегодня прочту, завтра о своих впечатлениях от твоей статьи напишу. Вторую статью — о фольклоре — шли немедленно. Постараемся обязательно использовать. Пришли еще, что можешь прислать. Что ты можешь сказать о рецензии в журнале относительно «Магил» и относительно «Перелома»? Было бы интересно услышать твое мнение. Если не завтра, то в ближайшее время постараюсь тебе написать. Будь здоров.

С коммунистическим приветом, Ислам Карачайлы.

Г.П. Сердюченко — Д.Д. Мальсагову
Ростов-Дон — Орджоникидзе, 09.03.1934

Уважаемый тов. Мальсагов!

Лингвистическое отделение Горского Института напоминает Вам об истечении срока, намеченного культпропом Крайкома ВКП (б) (5-е марта 1934 года), для представления статей в специальный сборник по «Истории художественных литератур горских и тюркских народов Северного Кавказа» и просит Вас закончить составление очерков по истории ингушской литературы и чечено-ингушскому фольклору.

Рукописи необходимо выслать в адрес Института² не позднее 15 марта 1934 г. Заведующий лингвистическим отделением Г. Сердюченко.

Д.Д. Мальсагов — Г.П. Сердюченко
Орджоникидзе — Ростов-Дон, 25.05.1935

Глубокоуважаемый Георгий Петрович!

Прежде всего, разрешите поблагодарить Вас за отпуск. Я чувствую себя плохо и крайне нуждаюсь в спокойном лечении. Только удастся ли это. Мне с некоторыми товарищами, в первую очередь с Орцхо (Мальсагов Орцхо Артаганович. — *прим. авт.*), придется заняться научно-литературным наследием Заурбека (Мальсагов Заурбек Куразович. — *прим. авт.*). Срочно надо подготовить к опубликованию все то, что он оставил. О продаже библиотеки Заурбека я еще не говорил с его женой, поговорю и напишу. В Грозном договорился с Пахомовым о командировании в Ростов за счет ОблОно Яндарова (Яндаров Халид Эттиевич. — *прим. авт.*) и Мациева (Мациев Ахмат Гехаевич. — *прим. авт.*). Они привезут учебники, словари и орфографию.

Сегодня в Орджоникидзе вечер, посвященный Заурбеку, на этом вечере будут Мациев и Яндаров. <...> Хорошо бы Вам приехать в Грозный. Надо как-то спланировать работу Чечено-Ингушского института, наметить ближайшие задачи и т. д. Сборник «Русский язык в национальной школе» будет обеспечен статьями. Для лингвистического сборника Северо-Кавказского института я до осени ничего не сумею написать. Не найдете ли возможным напечатать в нем мою статью об алфавите, назвав ее несколько иначе: «Необходимые коррективы в ингушском алфавите и орфографии», при этом всю вводную часть (историческую) заменить несколькими строками о новом этапе чечено-ингушской письменности, определяемом объединением областей и задачами создания единого чечено-ингушского письменного языка.

С приветом, Д. Мальсагов

² Горский историко-лингвистический научно-исследовательский им. С.М. Кирова (1926–1937).

А.Б. (автор не установлен) — Д.Д. Мальсагову
(адрес отправителя не установлен) — Орджоникидзе, 02.09.1935

Уважаемый Дошлуко Дохович!

Ваше письмо получил только что вечером. Принимая это во внимание, посылаю не спешным, а простым. Буркин вчера уехал в Железноводск — Орджоникидзе (он будет у Ошаева), Вы, очевидно, сможете поговорить с ним непосредственно. Занятия начинаются первого числа. Мария Андреевна уже заготовила макет расписания. Институт, насколько это можно заключить из рассказов Буркина, будет переведен в самом непродолжительном времени в Орджоникидзе. Остановка за жилплощадью для аспирантов и сотрудников. Институт, как хватать будет помещения, — в здание Пединститута. Следует ли Вам выезжать? Я сейчас не имею никакого отношения к администрированию (наконец-то!) и поэтому не беру ответственность за срок Вашего приезда. Родные языки будут вставлены в расписание с 1-го октября, поэтому, по мнению Сердюченко, с которым я говорил вчера вечером, Вам нужно выезжать, чтобы приступить к занятиям. Лучше всего, если Вы сможете тем или иным образом связаться с Буркиным.

Сердюченко просит передать Вам, что в настоящее время Институт имеет возможность издать все материалы Заурбека. Для этого сейчас имеются все средства. Он просит Вас узнать, какие материалы уже сейчас могут быть изданы, а какие должны пройти предварительную обработку. Второй вопрос Сердюченко: как обстоит дело с печатанием доклада А.Н. Генко в Ингушском музее. Наконец, третье: как обстоит дело со статьями по методике русского языка в национальной школе.

С набором аспирантуры дела обстоят, мне кажется, не особенно важно. Есть, правда, несколько кандидатур с высшим образованием. Вы пишете, что у Вас имеются хорошие ребята. Конечно, нужно, чтобы они выслали свои документы и заявления, чем скорее, тем лучше. Желательно было бы, чтобы эти заявления были оформлены командировками областных организаций (партия, комсомол, профсоюзы).

Своей экспедицией я не особенно доволен. Денег было относительно немного, поэтому не удалось съездить в Шароевский район. Впрочем, материала на грамматику типа [нрзб], кажется, хватит. Был в горах около месяца. Имею материалы почти по всем диалектам чамалинского языка, кроме шароевского диалекта.

Подпись А. Б.

Д.Д. Мальсагов — А.М. Горькому
Орджоникидзе — Москва, 29.03. 1936

Дорогой Алексей Максимович!

По поручению «Ингушского научно-исследовательского института языка и истории» я написал статью о романе «Тайпа» Л. Пасынкова.

Я знаю, что не мне судить о художественных достоинствах этого романа, но я, как ингуш, занимающийся ингушским языком и этнографией, не могу молчать об этнографической неправде, допущенной Пасынковым. Если этой неправды так много, и она так извращает и опошляет самые священные для ингушского народа воспоминания о потоках крови, пролитой за дело Октября, нельзя молчать, и чечено-ингушская общественность не молчит, но голос ее не доходит до издательств, которые продолжают переиздавать «Тайпу».

Мы все понимаем, что нельзя любить великую родину, одновременно не любя каждый из народов, объединившихся в первый в истории человечества могучий братский союз.

И у чечено-ингушского народа есть чем гордиться. Он гордится героической шестидесятилетней борьбой со страшным по своей жестокости и силе врагом, каким явился для него царизм, он еще в большей мере гордится героическим участием своих сынов в Гражданской войне под руководством т. С.М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе.

Чечено-ингушский народ имел счастье вписать блестящие страницы в историю борьбы за Октябрь на Северном Кавказе. Это про него сказал тов. Орджоникидзе: «Я помню момент перед концом IV-го съезда, когда мы висели на волоске. Это был момент неуверенности, когда за нами не шли, а на нас робко оглядывались. И в этот момент одиночества Советской власти маленький ингушский народ весь встал на защиту Советской власти. В период неизвестности дальнейших судеб только ингушский народ пошел за нами, не оглядываясь».

Естественен протест против романа, опошляющего гордость нашего народа. Мы снимаем шапки и преклоняем головы перед каждой каплей крови, пролитой в любом уголке земного шара за лучшее будущее человечества; то же должен делать и Л. Пасынков, если он хочет быть советским писателем.

Это, конечно, не значит, что ингушей нужно только хвалить. Много, слишком много еще в ингушском быту пережитков старого, несовместимых с нашими успехами в социалистическом культурном строительстве, и об этом надо писать.

Алексей Максимович, больно было слышать слова Л. Пасынкова на объединенном собрании ингушских научных и литературно-издательских работников: «Мой роман получил хороший отзыв Максима Горького — эрудита в вопросах искусства».

Алексей Максимович, учитывая вышесказанное, прошу Вас сказать: есть ли основание у ингушского народа считать себя оскорбленным романом Пасынкова?

Доцент Мальсагов

24 мая 1937. Ленинград

Многоуважаемый Дошлуко!

Ваше предложение относительно моих бацбийских материалов застает меня в момент крайней загруженности делами по печатанию различных других работ. Тем не менее, я с признательностью принимаю предложение и в течение летних месяцев ^(рассчитываю) успеть написать для Чеченского Института ^(считываю к сентябрю!) книгу примерно такого названия и содержания: Бацбийские этюды. Историко-этнографическое введение (здесь сведения о бацбиях, как части ингушей; ряд дополнений к моей прежней работе об ингушах и критические замечания на известную Вам рецензию; грамматический очерк бацбийского языка; текст с русским переводом; словарь бацбийско-ингушско-чеченско-русский. Всего листов 15-20 печатных.) Ингушские слова напишу чеченской транскрипцией. Хуже дело с арабским шрифтом. Сообщите, можно ли применить его, иначе придется выдумать приемлемую транскрипцию. До июля я в Ленинграде, затем на месяц - полтора еду в юж. Дагестан, с августа отлучаюсь.

Фрагмент письма А.Н. Генко Д.Д. Мальсагову.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой

А.Н. Генко — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Орджоникидзе, 24.05.1937

Многоуважаемый Дошлуко!

Ваше предложение относительно моих бацбийских материалов застает меня в момент крайней загруженности делами по печатанию различных других работ. Тем не менее я с признательностью принимаю предложение и в течение летних месяцев, следовательно, к сентябрю, рассчитываю успеть написать для Чеченского института книгу примерно такого названия и содержания: «Бацбийские этюды. Историко-этнографическое введение» (здесь сведения о бацбиях как части ингушей, ряд дополнений к моей прежней работе об ингушах и критические заме-

чания на известную Вам рецензию; грамматический очерк бацбийского языка; тексты с русским переводом; словарь бацбийско-ингушко-чеченско-русский). Всего 15–20 печатных листов. Грузинские слова напишу чеченской транскрипцией. Хуже дело с арабским шрифтом. Сообщите, можно ли применить его, иначе придется выдумать приемлемую транскрипцию. До июля я в Ленинграде, затем на месяц-полтора уеду в Дагестан, с августа — опять дома.

Привет Вам и семье Заурбека от меня и жены. А. Генко.

Г.П. Сердюченко — Д.Д. Мальсагову
Ростов-Дон — Орджоникидзе, 04.06.1940

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Из-за чрезмерной нагрузки в последние две пятидневки не смог Вам сразу ответить. Я думаю, что для этой кандидатской диссертации была бы хороша тема «Чечено-ингушские диалекты» или какая-либо грамматическая тема. Желателен максимум конкретно-лингвистических материалов. Если эту работу перестроить и оставить в этом плане, было бы очень хорошо.

В отношении защиты у нас должен сообщить, что мы еще официальные права на прием и защиты диссертаций не получили. Представляется это с нового учебного года. Мы не знаем также, разрешен ли нам прием диссертаций по горским языкам, хотя аспирантуру на следующий год делают и по русскому, и по горским языкам. Если права будем иметь, тогда, конечно, и у нас можно рассмотреть. Но пока важнее ориентироваться на Москву или Ленинград. Учтите, что заранее надо организовано через ЦКЦШ и надо оформить освобождение от кандидатских экзаменов. Нужно ходатайство провести через Ученый Совет института и направить материалы в ВАК. Сейчас строго следят за этим, но т.к. у Вас давно имеется звание старшего научного сотрудника, я думаю, трудностей с освобождением от кандидатских экзаменов не будет. Простите, что сразу не ответил, целые дни госэкзамены, курсовые экзамены и прочее.

Всего лучшего. Привет от Ф.П. и М.К. Уважающий Вас, Г. Сердюченко

А.Н. Генко — в Чечено-Ингушский НИИ истории и языка
Ленинград — Орджоникидзе, 11.06.1940

Ознакомившись обстоятельно с диссертационной работой Д.Д. Мальсагова «Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка», считаю возможным допустить ее к публичной защите на соискание ученой степени кандидата наук³, при условии предваритель-

³ 3 февраля 1941 г. Ученый совет Института Востоковедения Академии наук СССР единогласно присудил Д.Д. Мальсагову ученую степень кандидата филологических наук на основании защиты

ного исправления и переработки текста в соответствии с указаниями, сделанными мною лично тов. Мальсагову.

А.П. Круглов — Д.Д. Мальсагову
(адрес отправителя не установлен) — Орджоникидзе, 18.11.1940

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

На днях скульптор М.М. Герасимов закончил реконструкцию человека эпохи бронзы, которую Вы видели в самых начальных стадиях работы. Пришлось довольно долго поработать над головным убором, теперь он выглядит значительно более естественно и довольно точно передает современный головной убор жителей горных районов Дагестана, прилегающих к Чечено-Ингушетии. Как Вы помните, для данной скульптуры этот убор был выбран потому, что он имеется у ряда бронзовых статуэток этого же времени, как и раскопанное погребение. Ожерелье представляет точную копию с бус, найденных в могильнике у с. Хорочой, равно как и височные подвески. Вместе с настоящим письмом посылаю три фотоснимка со сделанной скульптуры, переданные мне М.М. Герасимовым. Очень прошу Вас выяснить, нужно или нет заказывать отливку для Грозненского музея. Стоимость отливки, как говорил Вам Герасимов, 500 рублей.

Если Вас не затрудит, то сообщите там же, как обстоит дело с договором на археологические работы в Чечено-Ингушетии. Это меня очень интересует, так как сейчас наступает время, когда готовятся планы работы будущего года, и если Ваш институт считает желательным продолжить археологические исследования Республики, то нужно заранее заняться подбором сотрудников будущей экспедиции.

Простите за беспокойство.

Уважающий Вас А. Круглов (подпись)

М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Орджоникидзе, 10.03. 1941

Многоуважаемый тов. Дошлуко!

Благодарю Вас за любезное сообщение сам и от имени сына, который все еще не устроился. Поздравляю Вас с получением кандидатской степени и желаю скоро сделаться доктором. Что Вы поделяете, где работаете, только ли в Пединституте или и в Исследовательском институте. Нет ли возможности что-либо напечатать у Вас?

Очень просил бы прислать мне лично и на адрес кабинета языкознания СО ГПИ (наложенным платежом) новые грамматики и словари чеченского и ингушского языков. Я слышал об их опубликовании.

диссертации «Чечено-Ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка».

Если будете в Орджоникидзе, загляните ко мне.

Где и у кого защитили диссертацию, и на какую тему?

Привет от семьи. С приветом и уважением. Ваш М. Немировский.

**Виктория Константиновна — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 11.03.1941**

Хороший Дошлуко Дохович!

Поздравляю Вас с победой (хотя я никогда не сомневалась в том, что Вы достойны быть не только «кандидатом наук», но и «действительным членом») и от души желаю дожить до того дня, когда крепко пожму честную руку симпатичнейшего из известных мне профессоров Дошлуко Доховича Мальсагова.

Поздравляю с опозданием, но виной тому наша милая Тамара, которая не могла сразу дать мне Ваш адрес.

Знаю, что и Василий Иванович просиял бы, узнав о Ваших успехах в Ленинграде. Жаль, что нет его с нами, но я спокойна, т.к. чувствую, что разлука моя с ним не будет долгой: наше поколение освобождает место на земле. Вы, верно, знаете, что умерла недавно София Георгиевна Сергеева, пора, значит, и мне.

А пока стараюсь насладиться солнцем, воздухом, хорошими книгами и беседами с милыми людьми, а потому прошу, когда будете в Орджоникидзе, навестить и меня.

Всего хорошего.

Привет от меня нашим питомцам.

Кстати, какой хороший рассказ Идриса «Кремневое ружье».

Преданная Вам Виктория Константиновна.

P.S. А благодарности Вашей я, право, не заслужила, ничем Вам не помогла.

**А.Н. Генко — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 1941**

Дошлуко, Ваше письмо получил и рад был весьма и весьма узнать о том, что Вы по-прежнему на своем деле.

Здоровье мое в настоящий момент оставляет, к сожалению, желать лучшего, и глаза пошаливают, никак не подберу себе нужные очки. О моих работах и т.п. надеюсь поговорить с Вами обстоятельно в Ленинграде, где жду Вас в конце июля — приезжайте без колебаний обязательно. Я до середины августа буду в Ленинграде, потом, быть может, проеду в Баку, если обстоятельства позволят.

Вам и Вашей семье (в частности, Мадине) шлет свой привет моя ученица и спутница по путешествию 1935 г. К.А. Ракитина.

Итак, надеюсь, до скорого свидания. А. Генко.

**А.Н. Генко — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 16.03.1941**

Дошло, извините за длительную задержку с ответом: и Ваше письмо, и письмо Института, и Вашу посылку с книгами получил несколько дней назад. Исключительное напряжение сил, вызванное увеличением количества лекций в Университете, спешка с плановыми работами по Институту востоковедения, ряд корректур и т.п., наряду с очень плохим самочувствием, лишают меня пока возможности закончить внимательное чтение Вашей работы и внести все стилистические замечания, которые считал бы полезными. Постараюсь сделать требуемое в ближайшие недели две. Семья моя шлет Вам привет и просит передать привет Вашей семье и семье Тамары.

Спасибо за книги. Пока.

Всего хорошего. А. Генко.

**Л.П. Семенов — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 04.04. 1941**

Уважаемый Д.Д. Мальсагов!

Я получил извещение об избрании меня членом Вашего Комитета, а также Ваш производственный план. Прежде всего, выражаю искреннюю признательность Комитету и лично Вам за оказанную мне честь. Намеченная Вами работа очень важна, актуальна, и я с полной готовностью приму в ней участие.

В июле я оказался более занятым, чем предполагал ранее. Экзаменационная сессия продолжается, имеются и другие учебные дела. Поэтому я в ближайшее время не смогу выехать в Грозный для намечавшегося доклада и участия в Вашем совещании.

Работы, о которых мы с Вами говорили в последний раз (библиография чечено-ингушского фольклора, археологическое разыскание), я готовлю и, по завершении их, извещу Вас об этом.

Прошу Вас прислать мне главнейшие газетные статьи о чечено-ингушском эпосе, напечатанные за последнее время, здесь их я не могу достать. По ознакомлении с ними я мог бы написать статью для «Грозненского рабочего», затрагивающую ряд передовых проблем, связанных с изучением чечено-ингушского эпоса.

В скором времени пришлю для той же газеты обещанную ранее статью о пребывании Лермонтова в Чечено-Ингушетии, пока не смог сделать этого вследствие большой занятости.

С искренним уважением, Л. Семенов.

Присланный Вами план работы Комитета вполне конкретен, желаю успеха в его реализации.

А.Н. Генко — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 1941

ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ МОЕЙ РАБОТЫ В ИНСТИТУТЕ.
ГЕНКО

М.Я. Немировский — Д. Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 18.01. 1942

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

В ответ на полученное от Института отношение от 9.01.42 г. (получено 15.01.42) могу сообщить Вам, что, во исполнение своего обещания, я уже вчера закончил для очередного номера «Записок» НИИ свою статью под заглавием «Вопросы чечено-ингушского языкознания в трудах современных западноевропейских лингвистов» (с подзаголовком «Проблемы и результаты»).

Сообщаю краткое содержание:

1. Вводные замечания. 2. Взгляд назад (краткий очерк истории изучения чеченской группы языков, где показана важная роль Услара (Услар Петр Карлович, 1816–1875, российский языковед, исследователь языка и культуры народов Кавказа. — *прим. авт.*) и Шифнера (Анатолий Анатольевич Шифнер, 1817–1879, немецкий филолог, востоковед, академик. — *прим. авт.*) в деле научного описания указанных языков и зависимость от их трудов всех последующих работ). 3. Новейшие труды западноевропейских лингвистов по вопросам чечено-ингушского языкознания. Здесь рассмотрены труды норвежского ученого Sommerfelt (Sommerfelt Альф, 1892–1965, норвежский языковед, профессор. — *прим. авт.*) и французского Дюмезиля (Дюмезиль Жорж Эдмон, 1898–1986, французский лингвист, мифолог и филолог. — *прим. авт.*). 4. Итоги и перспективы.

Транскрипция (латинским шрифтом) такая, какую применяют авторы. Если окажется необходимость передать ее современным алфавитом (на русской основе), то попрошу Вас заняться этим делом.

Думаю, отпечатать работу здесь на машинке, а Вы мне потом оплатите расходы.

Хотелось бы получить от Вас ответ с одобрением темы и содержания. Если историческая часть, по Вашему мнению, излишня, сообщите. Но я считаю, что она помогает лучше понять и правильнее оценить современное состояние чечено-ингушского языкознания на Западе. В очерке Трубецкого в чеченском языке указаны диалекты ghalghai, auh и itskeri. Насколько я знаю, термин ghalghai применяется к ингушам, а не к чеченцам. О диалектах ингушского ничего не сказано. «Ичкери» мне термин неизвестен. Не откажите в ответе разъяснить эти недоразумения. В доступной мне литературе я ничего не мог найти.

В ожидании Вашего скорого ответа, Ваш М. Немировский (подпись).

Привет Вам от семьи моей. Не узнали ли Вы что-нибудь для сына по вопросу устройства на работу? По педагогической части или на предприятии и научно-исследовательском институте.

В СОГПИ начались занятия с 15 января на старших курсах, а с 20-го и на младших. Как у Вас?

Выслать ли Вам статью почтой, или Вы кому-либо поручите взять ее у меня?

**М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе-Грозный, 12.02.1942**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Работу для Известий ЧИНИИ окончил и сдал для печатания на машинке. Готова будет, вероятно, к 15–17 февраля. Сообщите немедленно по получении этой открытки, отправить ли статью почтой, бандеролью или Вы укажете, кому передать (с письменным поручением). Также сообщите, делать ли приложения к статье в виде 1) перевода отрывков из рассмотренных мною статей, 2) библиографического указателя, или находите это излишним. Нужно ли резюме на каком-нибудь иностранном языке (например, английском) или нет? Поэтому буду ждать до 20–22 февраля с отправкой Вам машинописи моей статьи. Что у Вас нового? Сдадите ли 1 марта в печать собранный материал? Жду ответа. Привет от моей семьи.

Жму Вашу руку. Ваш М. Немировский.

**М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 25.02.1942**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Я не дождался Вашего ответа и отправил Вам (в адрес Чечено-Ингушского НИИ) свою работу сегодня утром, а в 3 часа дня я получил Ваше письмо с ответом на мой запрос.

С этим письмом пересылаю счет за машинопись на сумму ... (на двух шрифтах), которую я пока уплатил.

Приложения: 1) библиографию всех работ по чечено-ингушскому языкознанию (научных с краткой аннотацией), 2) перевод отрывков из некоторых рассмотренных мною иностранных работ смогу прислать позже (я пока их не приготовил), если это нужно, о чем прошу немедленно по получении этого письма уведомить меня. Леонида Петровича сегодня не видел, но сообщу ему при первой встрече или как-нибудь иным способом.

Пока, всего лучшего. Привет от моей семьи.

Ваш М. Немировский.

Прошу подтвердить получение моей статьи в ответе на это письмо.

Не успел отправить Вам это письмо 25-го, а 26-го заболел, по-видимому, гриппом. Поэтому, очевидно, задержится составление указанных приложений. Укажите крайний срок представления этих приложений. Библиографию я мыслю как указатель не только западноевропейских работ, но и на русском языке.

М. Немировский.

**Л.П. Семенов — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 03.03.1942**

Многоуважаемый т. Мальсагов!

Одновременно с настоящим письмом посылаю на Ваше имя рукопись своей статьи на тему: «Чечено-Ингушский народ в русской художественной дореволюционной литературе». По Вашему усмотрению статья может быть сокращена, если Вы найдете, что это необходимо. О получении Вами этой статьи прошу уведомить меня. Если будет у Вас какое-либо замечание редакционного, существенного характера, также сообщите мне об этом.

При подготовке настоящей статьи я не стремился охватить весь материал: для полноты следовало использовать еще кое-что, что раньше встречалось мне, но для этого надо было бы поработать в центральных публичных библиотеках, что сейчас для меня неосуществимо. Во всяком случае, это первый опыт обзора литературы, связанной с данной темой.

Теперь я примусь за подготовку статьи о чечено-ингушском фольклоре (с библиографическим указателем, который будет значительно расширен). К 1-му мая эту работу не успею закончить, как первоначально предполагал, т.к. сейчас мне поручено подготовить статью для нового выпуска «Записок» Педагогического института, которую я должен сдать для печати к 31 марта.

Если будете в ближайшее время в Орджоникидзе, я очень хотел бы поговорить с Вами о некоторых подробностях, касающихся статьи о чечено-ингушском фольклоре, и о новых песнях, которые, может быть, подошли бы в будущем для нашего Института.

С искренним уважением, Л. Семенов (подпись).

**М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 13.03.1942**

Многоуважаемый Дошлуко Дохович!

Я уже перевел ряд отрывков из А. Соммерфельта «Etudes comparatives sur le caucasique du Nord-Est» и кончаю перевод «Notes sur la conjugaison ingus» Дюмезиля. Это и пришлю Вам в ближайшие дни; библиографию, если успею, также вышлю. У меня к Вам просьба: если можете, купите на почте для меня марки Лер-

монтовские (юбилейные, новые, какие имеются) и патриотические («Будь героем»), какие имеются, и, при случае, пришлите в письме или передадите, когда сами приедете, или кому-либо поручите, кто сюда поедет (может быть, Шенец).

С приветом от меня и семьи

Ваш М. Немировский.

Я был болен 8 дней, а потому запоздал с работой.

**М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 13.03.1942**

Многоуважаемый Дошлуко Дохович!

Посылаю Вам обещанные приложения к моей статье: 1) Перевод избранных отрывков статьи А. Sommerfeldta, 2) Перевод избранных мест статьи Дюмезиля об ингушском спряжении, 3) Библиографию по чеченской группе языков, 4) Счет на ... за фотографию трех страниц из статьи Sommerfeldta о системе согласных в чеченском, ингушском и бацбийском языках.

Деньги машинистке и фотографу я пока уплатил из своих средств. Если в библиографии или в приложениях и в тексте статьи сочтете нужным сделать какие-нибудь изменения или дополнения, то я не буду возражать. Приложения я не успел отпечатать на машинке.

Всего лучшего. С приветом, М. Немировский.

**М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 01.08.1942**

Многоуважаемый Дошлуко Дохович!

Давно не имел от Вас никаких известий, а хотелось бы знать, как Вы живете и как работа идет. У нас пока все по-старому. Начинаются 3 августа Госэкзамены, мы выпускаем по Педагогическому и Учительскому институту 214 человек, из которых человек 70 по литфаку. Набор пока слабый. Как у Вас с этим делом? Очень прошу Вас в типографии достать 3–5 экземпляров моих статей в Ученых Записках «СОГПИ», том III, и выслать сюда мне или через кого-нибудь передать, за что буду очень обязан.

Привет от семьи. Пока, всего лучшего.

С приветом и уважением, Ваш М. Немировский.

**М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Ереван — Грозный, 21.06.1943**

Многоуважаемый Дошлуко Дохович!

Давно не имею от Вас никаких известий, а хотелось бы знать, где Вы и как живете. Мы (вся семья) с 21 августа 1942 г. находимся в Ереване, эвакуировались из Орджоникидзе.

Я здесь работаю в Университете и в Пединституте, и, в общем, по условиям Отечественной войны, живем прилично, хотя, конечно, не хватает на все. При эвакуации мы совершенно разорились, а главное для меня несчастье — часть моей библиотеки погибла. Мой сын здесь устроился аспирантом. Я имею много работы. Живем в одной комнате в общежитии Политехнического института, что, конечно, тяжело. Книг с собой не имею, и приходится брать из библиотеки или в них сидеть и работать. В продаже книг почти нет, разве армянские. Пишите о себе. Прошу Вас, если сможете, достать в типографии несколько оттисков двух моих статей, которые печатались в III томе Ученых Записок СОГПИ: 1) «Из истории языкотворческого процесса», 2) «Лермонтов — переводчик немецких поэтов», вышлите их бандеролью. Буду очень Вам благодарен. Переписывается ли с Леонидом Петровичем? Он в Орджоникидзе.

Привет от всех нас. Крепко жму Вашу руку.

Ваш М. Немировский (подпись).

**Ф. Слудский — Д.Д. Мальсагову, Д. Яндиеву
Ташкент — Грозный, 28.07.1943**

Глубокоуважаемые товарищи Мальсагов и Яндиев!

Прошу Вас прежде всего принять мою глубокую и искреннюю благодарность за Ваше хорошее письмо ко мне. Я ответил Вам и Гази⁴ месяц назад заказным, но ответа не получил и поэтому пользуюсь поездкой в Грозный т. Жирмунской, которая Вам передаст это мое письмо. Я повторяюсь, так как не уверен, что мои предыдущие письма дошли.

Ваше письмо, и особенно внимание, я принял как высокую награду за простой акт товарищества, без которого жить трудно.

Я имею к Вам огромную просьбу, которая может быть сейчас нелегко выполняема, но внутреннее чутье мне подсказывает обратиться с ней к Вам.

Дело в том, что у меня нет здесь в Ташкенте никаких перспектив на зиму 1943–1944 гг. Две предшествующие зимы съели все, что было привезено и продано из вещей. Предстоит голодная и холодная зима и случайная работа, не могущая обеспечить даже полуголодное существование мне и моей жене. Не хочется исто-

⁴ Дзаурбеков Гази-Магомед Албастович (1904–1974) — известный художник, основоположник профессиональной живописи в изобразительном искусстве Ингушетии.

считаться до полной потери сил теперь, когда близок уже час Победы и возвращения к нормальному человеческому существованию. Я имею, могу сказать твердо, большой опыт во всех областях, где применяется моя специальность. Я опытный педагог по изобразительным искусствам, редакционный работник (оформитель книг и журналов, газет, техредактор), работник театра, особенно кукольного, имею печатные труды, плакаты, карикатуры (как литография, так и ручная — трафаретная печать). Я опытный портретист и оформитель. Мне трудно перечислить сейчас все, что умею. Прежде всего, глубоко люблю Кавказ. Я хочу просить Вас, так как Гази писал мне, что у Вас художников нет или почти нет, и он хотел бы работать рядом со мною, если Вы найдете возможным, ответить мне, смогу ли я быть полезен Вам, Вашей Республике? Здесь, в Ташкенте, эвакуированных художников так много, и, кроме того, много местных, что работы на всех мало, и это порождает нездоровую атмосферу. Не все могут в ней дышать свободно. Мне очень трудно. Я хочу переехать на Кавказ и, может быть, надолго после окончания войны.

Творчески я созрел для большой глубокой работы, которая требует больше сосредоточенности, чем дает торопливая Москва. Если потенциально Вы сможете ответить утвердительно на мою просьбу, прошу Вас ответить мне телеграммой. Если почему-либо это сейчас трудно, все равно ответьте. Буду благодарен. Хочется все-таки надеяться, что еще этой осенью я поработаю в горах и познакомлюсь с Вами лично.

Может быть, Вас интересуют какие-либо вопросы, прошу Вас написать мне.

Мои жизненные бытовые условия и до войны были скромными, а сейчас мне и жене моей нужны только отапливаемый угол и еда для поддержки сил для работы. Думаю, что в Грозном это найдется!

Привет Вам и тов. Базоркину. Читал статью Павленко о том, что Вы хорошо работаете.

Уважающий Вас, (подпись, похожа на «Ф. Слуцкий». — прим. авт.).

Ташкент, Шахризатского, 33

Д.Д. Мальсагов — В.А. Петросяну
Грозный — Москва, 27.01.1944

Глубокоуважаемый Вартан Аветович!

Высылаю переписанный план диссертационной работы и план трехлетней моей индивидуальной работы в Институте, к выполнению которого я уже приступил.

За немногие дни, истекшие после моего приезда из Москвы, я начал собирать материалы по истории чеченской письменности, нашел очень редкие четыре книги, изданные до революции на чеченском языке на основе арабского алфавита, составляю библиографию лингвистической литературы о чечено-ингушском языке.

Составил план изучения диалектов, который высылаю, и приступаю к составлению диалектологического вопросника.

Занимаюсь языками — французским и немецким. Стал изучать арабскую грамоту, которая необходима мне для изучения материалов по истории чечено-ингушской письменности.

Вопросник я закончу, безусловно, раньше намеченного срока, в апреле.

В Наркомпросе ЧИАССР и Обкоме я поставил вопрос об освобождении меня от работы в Институте. Принципиальных возражений против удовлетворения моей просьбы в части освобождения от обязанностей директора нет, необходимо подыскать кандидата на мое место.

г. Грозный. Подпись Д.Д. Мальсагова.

Д.Д. Мальсагов — С.И. Озиеву
Киргизия (Токмак) — Казахстан, 18.07.1944

Салам и Маршал, дорогой Салман!

Не думал, что мне придется писать тебе в Казахстан из Киргизии. Пришлось, видимо, судьба.

Грех тебе написать мне всего несколько строк. Пиши, пиши подробно. Из письма к брату (я прошу передать его) ты узнаешь о моем житье-бытье. Работаю много и физически, и умственно. Работаю до сих пор директором бани, но, видимо, скоро перейду на работу во Фрунзе, в филиал Академии наук. Я твердо надеюсь, что и ты недолго будешь работать счетоводом, что для твоих знаний и ума найдется другая область работы, научно-педагогическая.

«Перетерпевший до конца спасен будет», — сказано в писании. Надо работать, не отказываясь ни от какой черновой работы. Как твоя семья? Все ли Вы вместе? Где семья Ильяса и сыновья Хасбота и где наши гамурзиевцы? Вчера получил горькое известие о смерти Абдул-Бека Маматиева. Я его так высоко ценил и так любил как человека, поэтому эта смерть заставила меня пережить все прошлое вновь. Долго не забудется эта острая боль. Я не знал другого столь благородного, умного и образованного человека. Не балует нас природа. Такие у нас редко рождаются и скоро умирают. Умер и Хамид Гугиев, об этом сообщил мне его брат Магомет. Таким образом, мы несем горькие утраты. За сердечное соболезнование по случаю смерти Кабихан я очень благодарен тебе. Об этом я впервые узнал от тебя. До сих пор я ничего не знал об альтиевцах и гамурзиевцах, не знал, где мой брат, племянники и многие другие родственники. Ныне узнаю их адреса, этого я так хотел.

Идрис и Джемалдин в Ивановке (18 км от г. Токмак), их адрес, видимо, ты знаешь. Возможно, что Идрис переедет на работу во Фрунзе, я тоже перееду, но не знаю, через неделю или месяц. Я не тороплюсь, надо запастись топливом, сеном, убрать огороды. Получил предложение работать в филиале Академии наук, скоро

оформлюсь. Идрис, Джим, Хашагульгов и я получаем с 1-го июня литерные пайки. Он полагается и тебе.

Надеюсь, что ты его добьешься, надо связаться с Казахским Союзом Советских писателей.

Мне писала Тамара Тонтовна. Она устраивается в пединституте. Где Магомет Хакиев и галашкинцы? Если знаешь адреса Магомета Хакиева и Саита Хасиева, передай им мой сердечный привет.

Хотел бы написать о многом, но как вспомню, что письмо будет идти три недели, что ответ, в лучшем случае, будет через один-полтора месяца, ручка падает из рук.

Мой адрес ты знаешь, пиши, пиши ради Аллаха.

Передай привет всем, кто знает меня.

Бывай здоров и бодр. Крепко обнимаю и жму руки. Дошлуко.

Д.Д. Мальсагов — И.И. Мещанинову
Токмак — Москва, 20.10.1944

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

В первых числах января сего года я получил от Института языка и письменности народов СССР двухмесячную командировку в город Грозный для сдачи Чечено-Ингушского научно-исследовательского института и Музея, подбора нужной литературы и для организации сбора необходимого диалектологического материала.

В период январь-февраль мною проделана была следующая работа: договорился об освобождении от всякой работы в Грозном и получил согласие Наркомпроса и Совнаркома на перевод в Москву, подготовил себе заместителей [нрзб] и сдал Институт и Музей; составлена инструкция и диалектологический вопросник для корреспондентов Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, привлеченных к собиранию диалектологического материала; проведена работа с т. Гулиевым Х.Г. и Озиевым С.И., первому из которых поручена работа по чеченским районам, а второму — по ингушским районам; из районных работников были привлечены к сбору диалектологического материала, подробно проинструктированы т. Джамалханов (Надтеречный район), т. Мадаев (Шатоевский и Чаберлоевский районы), т. Хасиев (Галашкинский район), т. Хаматханов (Джейрах и Мецхальское общество горной Ингушетии), т. Гучиев М. (Шалинский и Атагинский районы), [нрзб]иев Дж. (Пседахский район). Эти товарищи сами начали сбор диалектологического материала в своих селениях и районах по предварительно проработанному плану и, имея на руках вопросники, активно содействовали подбору осветителей. Особое внимание было обращено на изучение орштхойского (эрстхойского) и нагорноаккинского (галанчоожского) диалектов. Все имеющиеся сведения позволяют утверждать, что нагорноаккинский и орштхойский диалект, в сущности, есть [нрзб] диалект. Для уяснения истории образова-

ния чеченцев и ингушей весьма существенно совершенно точное установление этого положения и выявление особенностей диалекта, являющегося промежуточным между чеченским [нрзб], особенностей арштхоевского диалекта [нрзб] было на плоскости и в горах, по Ингушетии в с. Сагопши, [нрзб] орштхойскими тайпами, с. Экажево, [нрзб]; п Чечне — в Ачхой-Мартане, Чема.

Считаю необходимым совершенно точно установить, в самом ли деле ингушская речь не позволяет говорить об ингушских диалектах и даже говорах, как это утверждается до сих пор, для чего нужно было тщательно изучить речь Джераховского и Мецхальского, Хамхинского и Цоринского обществ Нагорной Ингушетии, а также сопоставить речь ингушей-назрановцев с речью кестиновцев и ачалуковцев.

За период январь-февраль я побывал в Шатое, Чаберлое, Джерахе, Мецхале, в Надтеречном районе.

Намеченная к выполнению до отъезда в Москву работа в основном мною была проделана. Правда, я не успел побывать в [нрзб].

Из Грозного в Токмак я выехал 28 февраля и прибыл туда в марте (выехал вслед за депортированным в Среднюю Азию ингушским народом. — *прим. авт.*). Ни одной книги, никаких своих работ, карточек, записей и заметок, к сожалению, мне не удалось взять с собой. Все это было подготовлено к перевозке в Москву и находилось в г. Назрани. Я просил заведующего отделом агитации и пропаганды ЧИ Обкома ВКП (б) т. Зацепилина и заведующего ОблОно т. Решетникова выслать мне необходимую для моей работы литературу, при этом я приложил копию полученного мною от профессора Петросяна отношения от 18.08.44 года, выразил согласие выкупить присланную литературу по ее рыночной стоимости. Ответа пока не имею, возможно, потому, что слишком долго идет почта в Грозный и обратно.

Несколько раз ездил в г. Фрунзе для ознакомления с местными библиотеками, но нужной литературы, за некоторым исключением («Синтаксис чеченского литературного языка» Яковлева), не нашел. В настоящих условиях собирать материал по диалектам я не могу, так как поездки затруднены и пока нельзя установить, где его искать. Эти обстоятельства заставляют значительно сократить первоначально намеченный план работы, заняться только литературными диалектами (и языками), а в отношении других диалектов ограничиться данным материалом. Находясь в Токмаке, я могу уточнить данные по языку ингушей-назрановцев (их здесь несколько семей) и языку чеченцев из Атагинского и Шалинского районов. Я думаю это все, что можно сделать в данных условиях. Моя работа продвигается крайне медленно, имеет много пробелов и в настоящих условиях никогда не может быть окончена. Писать «наизусть» без всякой литературы, без собранных и систематизированных материалов можно только поверхностный обзор, разрабатывать отдельные детали, что я и делаю. Мною заканчивается раздел «Морфологический тип чечено-ингушского языка» (в основу суждения об этом я положил классификацию [нрзб]), вчерне закончил раздел «лексика». В настоящее время

заканчиваю заметку «[нрзб]вочное значение грамматического ряда языка чеченцев и ингушей». Эта заметка, мне кажется, прольет некоторый свет на семантику чечено-ингушского грамматического ряда в прошлом. Полагаю заняться семантикой глагольных форм.

До сих пор я заведу баней. В Токмаке около двух месяцев я ждал отношений из Института языка и письменности, но, не получив их, вынужден был согласиться на первую предложенную мне работу. Сделал я это не только по соображениям материального порядка, но и потому, что долго быть без работы нельзя было в создавшихся условиях. Ныне я подал заявление об освобождении меня от работы и буду заниматься исключительно своей работой... (окончание отсутствует. — прим. авт.).

**Д.Д. Мальсагов — И.И. Мещанинову
Фрунзе — Москва, 1945**

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Я вынужден был принять приглашение Наркомпроса Киргизской ССР и переехать на работу в город Фрунзе. Работаю пока до начала учебного года в аппарате Наркомпроса инспектором по вузам, а с осени, если обстоятельства не изменятся, очевидно, перейду в Педагогический институт, где буду иметь часы на полставки. В связи с переездом во Фрунзе условия работы над диссертацией у меня меняются к лучшему. Во Фрунзе есть библиотеки, этим, а не соображениями о материальной обеспеченности, руководствовался я, принимая решение о переезде. Сознаю, что мне следовало списаться с Институтом, прежде чем согласиться, но предложения были настойчивы, а у меня не было выхода.

Обращаясь к своей работе над диссертацией, должен признаться, что мною в этом году сделано мало. Я занимался лексическими сопоставлениями материалов плоскостного чеченского и ингушского диалектов. Мне думается, что эта часть работы мною исчерпана. Вывод получился определенный и, на мой взгляд, достаточно убедительный: весь основной лексический фонд, за исключением слов, усвоенных за последние 150–200 лет, у плоскостных чеченцев и ингушей одинаков. Расхождения объясняются различными источниками усвоения. Даже такие расхождения широкоупотребительных неувоенных из других языков, как плоскостной чеченский биэ, нагорно-чеченский миэ, ингушское марэ — только чеченское хIахIа, ингушское а, редко аа [нрзб] результат различной звуковой эволюции. Для уяснения таких расхождений и некоторых грамматических особенностей плоскостной аккинский диалект дает исчерпывающие данные.

Давно известно следующее: [нрзб].

Ныне можно указать и на другие факты: плоскостное чеченское кIант — молодец, ингушское — кIаньк — мальчик, аккинское кIетик // кIаьтик — мальчик.

В этом случае наблюдаем, что из сочетания согласных основы «нт» ингуши утратили в уменьшительной форме этого слова «т», а акинцы «[нрзб]». Смягчение

коренного гласного «а» в ингушском в «аь», а в аккинском в «аь//иэ» объясняется регрессивной ассимиляцией в связи с наращением суффикса «ик», чечено-ингушское Малсаг объясняется из аккинского мархсаг [нрзб], чечено-ингушскому «лх» закономерно соответствует в аккинском «рх». Изменение слова мархсаг — солнечный человек представляется в таком виде: мархсаг — малхсаг-малсаг.

Изложенное тем более убедительно, что из сочетания «рх» «х» выпадает нередко. (Ингушское «йоар — йоараш» с глухим «р», шароевско-чеберловское «йорх-йорхшаш» бурьян). Количество подобных примеров можно бы привести очень много. Я полагаю, что изучение и сопоставление данных плоскостного чеченского, ингушского, аккинского и чеберловского диалектов и бацбийского языка будет совершенно достаточно для суждения о развитии чечено-ингушского языка и, по-видимому, позволит сделать выводы о времени расселения чеченцев и ингушей, а также установить время возникновения тех или иных диалектических особенностей. Акинцы еще тем интересны, что несомненны следующие факты:

они первыми выселились на плоскость (из Галанчожского района), оно (выселение) захватило районы восточнее (нагорно-чеченские) и западнее (ингушские) Галанчожа;

об акинцах под именем ококи и окочан упоминают русские письменные источники XVI–XVII вв.

(окончание письма отсутствует. — *прим. авт.*).

Д.Д. Мальсагов — С.И. Озиеву
Ош — Токмак, 17.11.1945

Дорогой Салман!

С большим огорчением узнал, что Ты болеешь. От души желаю Тебе здоровья. Уверен, что Ты не унываешь, это лучшее лекарство от всякой болезни. Медицина делает такие успехи. Когда Кох открыл свою палочку, мир вздохнул с облегчением: враг открыт, борьба с ним будет не трудна. Но прошло много лет, и только в наши дни найдено радикальное средство, уничтожающее проклятую палочку. Ты, видимо, читал об этом.

Теплое участие друзей смягчает всякое горе.

Как Твоя семья? Где Ты сейчас? Как самочувствие? Я продолжаю работать в Наркомпросе, после твоего письма решил навестить Тебя, буду просить командировку в г. Ош.

Привет всем знакомым. Особый — Сосланбеку. Теперь у вас и другой Хашагульгов.

Крепко жму руку и желаю здоровья. Дошло.

Глубокоуважаемый Георгий Петрович!

Посылаю план своей диссертационной работы. Я имел и время, и желание хорошо продумать ее. Больше того, восемь печатных листов я приписал, а общий объем ее — 18 печатных листов. Очень внимательно проштудировал грамматики: лезгинскую (Л.И. Жиркова), огульскую (профессора Шаумяна), грузинскую (Руденко). Все, что мне доступно по кавказским языкам, читаю с большим вниманием. Имею «Русско-латинский словарь» Лопатинского, «Кабардинскую грамматику» Турчанинова, «Адыгейскую грамматику» Н.Ф. Яковлева. Внимательно читал Вашу статью об абазинском языке.

В результате внимательного ознакомления с материалами я пришел к выводам:

1) горские языки подвергались бдительным и интенсивным влияниям тюркских и индоевропейских языков (в том числе и древнеиранского). Настойчиво культивировавшаяся мысль об изолированном развитии горских языков в малодоступных ущельях центрального Кавказа — миф, не оправданный фактами;

2) система грамматического класса не была свойственна горским языкам искони, об этом говорит наличие классных и не классных слов, выражение зависимости согласованных по классам и параллельно ему — порядком слов; отсутствие среди классных показателей звуков надгортанных «по покрою», к древнейшему пласту относятся не «классные» слова, а такие, которые не могут изменяться и согласоваться в классе;

3) источник грамматического класса у всех яфетических языков Кавказа один. Эта категория интенсивно упрощается, она никогда ни в одном языке Кавказа не могла вытеснить более древний способ выражения подчинения зависимых членов предложения ведущим — порядок слов. Оба эти способа существовали и продолжают существовать параллельно, последнее не только содействует упрощению сложной системы класса (вайнахские, аварские и др.), но повело к совершенному изжитию (картвельские, лезгинский, агульский и др.яз.);

4) мысль Ж. Вандриеса (Жозеф Вандриес, 1875–1960, французский лингвист, известный индоевропеист. — *прим. авт.*), приписывающая «нашим далеким предкам» способность классифицировать все предметы окружающего мира по их значению и разложить их по 20–30 полкам своего примитивного ума, нельзя признать справедливой. Первоначально грамматический класс выражал только зависимость одних членов предложения от других, путем согласования. О семантике классов можно говорить только как о вторичном явлении;

5) подтверждается мысль А.С. Чикобава по кавказским языкам о том, что классные показатели — суффиксы и инфиксы — вторичны, первоначально были только префиксы. На очень большом материале я подтверждаю это положение.

Я внимательно проработал книгу Ивана Ивановича «Члены предложения и части речи» (И.И. Мещанинова. — *прим. авт.*). Под ее влиянием окончательно сложились мои взгляды на «категорию класса».

О большом минусе в моей работе (о категории класса в африканских и некоторых американских языках) я могу судить только по статьям профессора Немировского, некоторым указаниям профессора Яковлева, а также по книгам Э.С. [нрзб] и Ж. Вандриеса.

Здесь мне не с кем посоветоваться ни по одному вопросу, хотя моя тема включена в план научной работы Педагогического института. Собственно, последнему она обязана своим названием и отчасти содержанием. Я хотел ее строить несколько в ином плане.

Глубокоуважаемый Георгий Петрович!

Естественно, что я, как автор, конечно, хотел бы максимально меньше недостатков допустить в своей работе и быстрее закончить ее, но это связано с руководством.

Я позволяю себе просить Ивана Ивановича и Вас быть моими руководителями. Я хорошо знаю, что Ивану Ивановичу трудно будет уделить время мне и моей работе, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы максимально экономить его время. Ваш глубокий интерес к яфетическим языкам Кавказа и Ваше внимание ко мне в период, когда в этом я особенно нуждался, позволяет мне надеяться, что Вы не откажетесь взять на себя руководство моей работой и сообщите о моей просьбе Ивану Ивановичу. Со своей стороны, я сделаю все, чтобы в максимальной степени беречь Ваше время и особенно время Ивана Ивановича.

Николай Феофанович (Н.Ф. Яковлев. — *прим. авт.*) ныне повернулся лицом к северу и, в результате, охладел к югу. И особенно ко мне...

Посылаю Вам свою статью в республиканской газете. Из нее увидите, что несколько занимаюсь и киргизским языком, правда, пока эпизодами. Благодаря Вашей характеристике (я был бы очень доволен, если в какой-либо степени заслужил ее), я освободился от очень трудной работы в Министерстве просвещения, ныне являюсь заместителем директора Киргизского педагогического института и имею достаточную нагрузку. Материально и квартирой обеспечен, работа интересная, не требует перегрузок, позволяет много времени посвящать науке.

Беспокоит меня моя работа, подобрал большой фактический материал, очень много занимаюсь текстами, которые так наглядно свидетельствуют, что вайнахские языки могли обходиться и зачастую обходятся без категории классов. Делал подстрочники аварских, лезгинских и агульских текстов на вайнахских языках. Как близка структура их до деталей! Совсем не то с кабардинскими языками.

Очень прошу Вас, Георгий Петрович, не отказываться от руководства моей работой и дать указание по плану ее. Правда, план составлен к окончанию работы.

У нас в Институте все имеют руководителей, а моя тема действительно нуждается в руководстве. В одном можете быть уверенным, что я не напишу ни одного слова, которое не будет подтверждено конкретным фактом. Дошло.

Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Фрунзе, 12.03.1948

Дорогой Дошлуко!

Сердечно благодарю Вас за письмо и особенно за план Вашей диссертационной работы. Глубоко сожалею, что у меня нет сейчас возможности лично встретиться с Вами и поговорить и по плану Вашей работы, и по многим другим вопросам, в которых скрещиваются наши жаркие интересы. Тема Вашей работы мне очень понравилась. Это будет весьма интересная работа. Думаю, что я смогу быть полезен и Вам в Вашей работе по части представления материала по бацбийскому языку. Мною собрано около 7–8 тысяч бацбийских слов, немного текстов. Я пишу статью о грамматических классах. В июне 1947 г. я сделал доклад на эту тему в институте по поручению Яфетического сектора, [нрзб] материал этого доклада я подготавливаю к печати по поручению сектора. Как только он будет готов, пришлю Вам копию. Вот мои замечания по Вашему плану: мне кажется, что Ваш едва ли не основной тезис о том, что грамматический класс в яфетических языках не есть их исконная особенность — неудачен, не говоря уже о том, что на современном этапе развития Кавказоведения и Лингвистики вообще он недоказуем. А в диссертационной работе все должно быть (желательно) доказано, обосновано, особенно по основным вопросам. По-моему, лучше не ставить перед собой такие задачи и снять этот тезис. В Вашей работе и так много интересных вопросов, стоящих на высоте научных проблем, которым может быть посвящена докторская диссертация.

Вместе с тем мне кажется, что следовало бы или исключить из диссертационной работы, или уже разработать по-другому следующие пункты Вашего плана: 1) не следует сейчас говорить на эту тему, а научное значение этого первого пункта невелико, как мне кажется, 6) «Ключевые слова, исконные по своему «покрою» (так ли это), 11) — этот пункт заведет Вас в дебри истории, где все еще так туманно, и явится поводом для всякого рода кривотолков, а позитивного материала он Вам не даст; 12) 17), 18) — эти пункты также надо опустить.

Не лучше ли было бы, если бы вы заглянули в работы Марона, где он дает объяснение (социальное и историческое обоснование) семьи, рода, общественной группы на конкретном историческом материале, для объяснения или постановки вопроса о семантике (о происхождении их) грамматических классов в историческом плане, в плане единого [нрзб] процесса?

Еще раз подчеркиваю, Дошлуко, что, по моему мнению, тема очень интересная и нужная. Желаю Вам успеха от всей души.

Дорогой Дошлуко, я с нетерпением буду ждать завершения, успешного завершения Вашей работы, а защиту диссертации, я думаю, так мы сумеем организовать.

Привет Вашей семье.

Будьте здоровы! Ваш Юнус.

И.Ю. Крачковский — Д.Д. Мальсагову
ст. Кепломяри, Финляндской железной дороги — Фрунзе, 15.07. 1948

Уважаемый товарищ!

Очень благодарю Вас за письмо от 24 июня с очень интересными соображениями относительно следов арабского пребывания на Кавказе. Можно не сомневаться, что этнотопонимические данные доставят много ценного по этому вопросу и будет очень хорошо, если кто-нибудь займется систематически их собиранием и анализом.

Я нахожусь временно на даче. Но к сентябрю буду опять в городе. Академия наук печатает 3-е издание моей книжки «Над арабскими рукописями».

Шлю Вам пожелания всего доброго.

Уважающий Вас, И. Крачковский.

В.И. Абаев — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Фрунзе, 29.11. 1949

Глубокоуважаемый Дошлуко!

Сердечно благодарю за память и внимание. Посылаю Вам экземпляр своей книги. Шлю Вам свои лучшие пожелания.

Искренне уважающий Вас, В. Абаев.

Д.Д. Мальсагов — А.С. Чикобава
Фрунзе — Тбилиси, 1950

Глубокоуважаемый Арнольд Степанович!

Вы меня не знаете лично и, возможно, не знаете и как научного работника. Тем не менее после некоторых колебаний решаюсь написать Вам.

Я занимаюсь вайнахской группой языков. Мне кажется, что вайнахские языки могут дать ценнейший материал для суждения об актуальных вопросах современной лингвистической науки (о грамматическом ряде, эргативном строе предложения, о специфической вайнахской фонетике, [нрзб]); в этих языках так явно выступает гибридность их, при которой прозрачно выступает механическое соединение различных структурных элементов.

В словаре этих языков так много элементов, уводящих нас, с одной стороны, в древнейшие эпохи юга и юго-востока, а, с другой стороны, — на север, в бассейны Волги, Дона, Днепра и Дуная. Это и естественно, если вспомнить, что пути с Древнего Востока на север и северо-запад шли через Кавказ, по-видимому, задолго до того, как финикийские корабли начали бороздить просторы Эгейского и Средиземного морей.

Я не имею доступа к самой необходимой кавказоведческой литературе, у меня нет даже тех книг, автором которых являюсь я сам.

Зная Ваш всегдашний интерес к яфетическим языкам, я, после долгих колебаний, решил обратиться к Вам с просьбой помочь мне получить литературу из Тбилиси, если, конечно, это возможно и не встретит особых затруднений.

Меня интересует все, что возможно достать по бацбийскому и другим вайнахским языкам, литература по грузинскому языку и истории, фольклору, этнографии (разумеется, на русском языке: по-грузински я только начинаю читать).

В средствах для оплаты литературы я не стеснен.

Я был бы счастлив, если бы оказался в какой-либо мере полезен Вам и Грузинской академии.

Примите искренний привет. Д. Мальсагов.

**А.С. Чикобава — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Фрунзе, 29.01.1950**

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА БУДУТ ПЕРЕСЛАНЫ. НАПИШИТЕ, КАКИЕ КНИГИ НУЖНЫ.

Привет. Чикобава.

**Г.-М.А. Даурбеков — Д.Д. Мальсагову
Кустанай — Фрунзе, начало 1956**

Дорогой Дошлуко!

Прими лично от меня и моей семьи салам и маршал, а также передай Дзабанте и Якубу, девочке, и, если в семье прибавился новый человек, и ей⁵.

Во-вторых, Дошлуко, прости, что я так долго молчал. С тех пор, как я приехал сюда, никому не писал, впервые пишу тебе. Я поклялся было сам себе: пока я в плену старой своей привычки, перестать писать, потому что я таким никому не нужен. Я боролся с собой, и борьба была длительная, все же я победил себя, взял в руки.

Дошлуко! Я здесь работаю в фонде художников Казахской ССР. Поручали мне серьезные работы, как портреты к 1-му мая, из 12 портретов — 9 закончил, оставались считанные дни, я не выдержал, думал, три портрета успею... Чуть было не сорвал заказ. Хорошо, что кинулись на помощь художники и выручили. Скандал был большой. Долго не доверяли, все же простили. Таким образом, я три раза подвел эту организацию. С нами работает один молодой скульптор. Он увидел в кустанайском городском парке культуры и отдыха сооруженный мной фонтан

⁵ Речь идет о внучках Д.Д. Мальсагова Тамаре Якубовне Мальсаговой (1954) и Мадине Крымсултановне Ужаховой (1956).

со скульптурой мальчика, держащего в руках рыбу, изо рта которой бьет фонтан. Я его делал в 1948 г. И вот, Дошлуко, он мне предложил сделать эскизы для памятника Свердлову. Одновременно этот заказ и он делал. Я его просьбу исполнил, ему мои работы понравились. Дошлуко! Ему поручили кроме Свердлова еще два памятника: Ленину и Ломоносову. На все эти памятники я дал эскизы в рисунках. Как они будут выглядеть в лепке?

В данный момент я занят лепкой. Вчера скульптор был у меня и увидел маленькую скульптуру Свердлова, ему понравилась моя работа, и он взял меня как соавтора работать над тремя памятниками. С ним мастера из фонда, скульпторы хотели работать, он же ни с кем не захотел работать, только со мной. В фонде были недовольны. Мнения разделились. Как в свое время было у нас со скульптором Сафроновым, который взялся за памятник Шерипова (Асланбек Джемалдинович Шерипов, национальный герой чеченского народа. — прим. авт.).

Дошлуко, на скульптора давили, говорили, что я работу сорву, а он ответил: «Я с Даурбековым и общий язык найду, и я с ним работу доведу до конца» и сказал, что он никому не доверяет так, как мне.

Дошлуко! Работу нашел он, и ему доверили, а он сам имеет право работать с тем, с кем хочет. Надеюсь, Дошлуко, его доверие оправдаю. Ради тебя!

В следующем письме пришлю фотографии со своих скульптур, моделей к памятнику Свердлову.

Привет от меня Орцхо, Фатиме, Тамаре Тонтовне, Ибрагиму Шавхалашвили и его супруге, Базоркину М., Куркиеву М., Аушеву Х., Хаматханову Ж., Ибрагиму Оздоеву, ну и Жене Зязиковой.

Дом срочно продаем. Как продадим, выедем. А мне придется остаться в связи с этой работой. Одним словом, дальше видно будет.

Дошлуко! Также кланяйся и поэтам любимым: Джемалдину и остальным.

Будет мне дорого получить от тебя несколько строчек ответа.

Искренне тебя уважающий, Гази-М.А.

**Лид (неизвестный автор) — Д.Д. Мальсагову
Казахстан, пустыня Бет-пак-Дала — Фрунзе, 11.05.1956**

Дорогой Даши!

Давно я собирался тебе написать письмо. Коротко писать не хотелось, а длинно писать — нужно было мобилизовать себя.

Даши, как мало времени прошло с тех пор, как мы виделись с тобой в ноябре, и какие гигантские изменения в мире и в стране!

Право слово, хочется жить и жить. Работаю я по-прежнему в пустыне Бет-пак-Дала. Круг моей работы — 1 квадратный километр, участок небольшой, а занят я целый день и подчас самой что ни на есть элементарной медицинской работой: ставлю казахским детишкам собственноручно клизмы, борюсь с мухами, вшами, грязью, а главное — ленью.

И скажу тебе, Даши, всякое дело можно полюбить и быть энтузиастом его. Среди казахов имею уже авторитет: называют «дохтур» или люди пожилые — «лохтур».

Одно только здесь радует: самолет с письмами (почтовая связь здесь только самолетом).

Пишут мне много людей. Недавно получил письмо от Мамакаева. Поистине, Даши, этот человек — мученик и герой. Сколько он выстрадал, борясь за Чечено-Ингушетию. В сорок восьмом году он, оказывается, бежал из ссылки, побыл в Казахстане, поехал в Москву, добивался приема и, наконец, написал «хозяину» письмо, где он задавал вопрос: «Как он увязывает переселение чечено-ингушского народа с марксистско-ленинской национальной политикой?» Попросил ответить в печати. Мамакаева в тот же день посадили, продержали 1,5 года в тюрьме и послали на вечную ссылку на Игарку. Сейчас он восстановлен и летом едет домой (в Казахстан).

Получил я письмо от племянника Вахаева. Пишет, что 17 мая поехал в Москву добиваться приема и говорить о наших делах.

Сам я написал большое письмо на имя Хрущева (в один печатный лист). Пишу так резко, что три года назад меня бы за него посадили бы в два счета.

Приложил к нему и подлинник письма Мамакаева.

Очень хотелось мне увидеть сейчас Тамару Тонтовну. Я ей читал главу из своей исторической повести. Она, несомненно, читала статью Пикмана в «Вопросах истории» (А.М. Пикман. Вопросы истории. 1956. № 12. — прим. авт.).

Трактовка Шамилевского движения и характера его точно списаны у меня. Что сейчас скажет Тамара? Она просила повременить с работой, но надеялась, что настанут другие времена. Как она была права! А Мехтиев и Арсанукаев Халид, которым я тоже читал, пришли в ужас от этой главы и просили даже мне самому главу эту не читать!

Дал я заявку на издание повести в 1957 г. в Казахском Госиздате художественной литературы. Две главы послал Музаеву для ознакомления и напечатания отдельной главой в журнале «Советский Казахстан». Если не обманет, обещает помочь. Он там редактором чеченских художественных изданий. Написано меня уже около 15 печатных листов. Время 1917–20 гг.

Завязал я связи с грозненскими любителями старины Кучиным и др. Мне, кажется, тебе я говорил, что пишу художественные произведения?

Недавно я был в Джамбуле. Был я у Ахмата Мациева. После твоего сообщения он ездил в Москву, был у Абаева и Дешериева, забрал словарь свой и начал буквально бешено работать над восстановлением утраченного. Записал он 8000 слов. Словарь будет готов к 1 июля. Везет он его в Алма-Ату, где работники редакции обещали ему помочь в продвижении в печать. Я дал отзыв о словаре, касающийся не, так сказать, технического существа, а полезности издания. Просил его обязательно заехать к тебе и тоже взять отзыв.

Недавно написал я письмо Дешериеву. Предлагаю ему работать над классными элементами в чечено-ингушском языке. Я предоставляю ему все свои наблюдения, а он будет работать. Если он хочет — прошу и в соавторстве.

В Дзямбуле я узнал о смерти нашего уважаемого Иналука. Ходил выразить соболезнование. У племянников его встретил Магомета и кого думаешь? Куркиева Мурада! Просидели мы с полудня до 2-х часов ночи. Немного выпили. Оказывается, дочь Мурада замужем за Мальсаговыми.

Живет он хорошо. Как всегда, не унывает. Хрущеву написал письмо о нашем переселении. Довольно любопытное.

Роман Арсанова «Саид Бек» печатается, кончились мытарства бедняги и под конец жизни будет удовлетворен.

Ведь подумать только, начал он его в 1928 г. С 1937 по 1949 г. и даже позже об этом и разговаривать не хотели.

Теперь скажу тебе, Даши, и о своей радости. 7 мая мне объявили о полной реабилитации. Вчера получил официальную справку из Военной Коллегии Верховного Суда. Уже 8 мая я послал заявление в ЦК КПСС о восстановлении в партии.

Конечно, я уже стар. Сил и энтузиазма прежних нет. Но восстановление будет мне громадным моральным удовлетворением.

Кроме того, для нашего народа еще один коммунист — не будет лишним.

Слышал я, что во Фрунзе собирали ингушско-чеченских коммунистов, будто бы врач Эпендиев дал достойную отповедь киргизскому коммунисту, пытавшемуся показать представителю Москвы, что ингуши и чеченцы вовсе не желают на родину. Правда ли это? Хотелось бы мне послать тебе и ему копию своего письма на имя Хрущева, чтобы и Вы с ним написали аналогичные. Письмо мое написано в историческом аспекте, полно полемики с лицами, закидывавшими нас при Сталине навозом.

Может быть, оно в ЦК КПСС и не понравится, но ставлю вопрос со всеми точками над «и».

Ну, на этом, Даши, свое письмо кончаю. Передай привет сыну и семье.

Твой Лид.

**А.С. Чикобава — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Фрунзе, 31.10.1956**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Письмо Ваше получил. Очень приятно, что Вы продолжаете работать над докторской диссертацией. Чем могу, готов оказать помощь. Особого внимания заслуживают случаи расхождений в использовании формантов для категорий й, д, в, наблюдающиеся в нахских языках.

Насколько мне известно, московский сектор кавказских языков, а также руководство нашего Института предполагают Ваше участие на Координационном совещании по вопросам диалектологии (приглашение Вам послано).

Если Вас интересует, можно было устроить обмен мнениями специалистов по нахским языкам относительно интересующего Вас вопроса, если Вы сделаете доклад в Институте (после окончания совещания).

С приветом, Арнольд.

**Л.П. Семенов — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 09.05. 1957**

Уважаемый и дорогой Дошлуко Дохович!

Пишу наугад, т.к. не знаю Вашего адреса, но надеюсь, что мое письмо дойдет до Вас.

Очень рад, что Вы и Ваши товарищи возвратились на родину и приступили к прерванной работе. Искренне желаю всяческого успеха Вам, Вашим товарищам и всему ингушскому народу, с которым у меня связаны незабываемые воспоминания.

Ничего не знаю о судьбе Т.Т. Мальсаговой, Нины Чаховны, Хиджи-Бекира Ахриева, В.Ф. Конфиталя, Г. Даурбекова, Орцхо Мальсагова, Билана Эльжеркиева. Известите меня вкратце о них. Сообщите свой адрес.

Мне очень бы хотелось помочь Вашему музею советом, и еще кое-что есть в моих скромных возможностях. Я бы мог прислать сохранившиеся у меня фото (из экспедиционных материалов), некоторые рисунки покойного И.П. Щеблыкина, оттиски моих некоторых работ, могу подарить для библиотеки музея одну уникальную книгу Берже «Чечня и чеченцы», а также монографию Услара «Чеченский язык». К сожалению, других полезных книг по Ингушетии и Чечне у меня нет.

Мне очень хотелось бы повидаться с Вами лично, чтобы поговорить по некоторым важным вопросам. В письме мне обо всем написать затруднительно.

Я теперь никуда не выезжаю, с 1951 г. перешел на пенсию, но продолжаю научную работу. Приезжайте хотя бы на один день. Не смею забрасывать Вас другими накопившимися вопросами (о Вашей собственной работе, об участии археологических коллекций, о судьбе библиотеки и т. д.)

Очень интересуется работой о Вашей республике Е.И. Крупнов. Текущим летом он едет работать в Северную Осетию, но заедет и в Грозный. Он всячески готов содействовать Вашей деятельности.

С глубоким уважением, Л. Семенов.

Л.П. Семенов — Д.Д. Мальсагову
Владикавказ — Грозный, 02. 06. 1957

Глубокоуважаемый и дорогой Дошлуко Дохович!

Получил на прошлой неделе Вашу телеграмму. Глубоко благодарен за приглашение сотрудничать в Вашем институте. Могу подготовить статью. Буду счастлив побеседовать с Вами и поделиться многими мыслями для блага чечено-ингушского народа, которому искренне предан.

Привет товарищам, которые знают меня.

Ваш Л. Семенов (подпись).

Л.П. Семенов — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 30.06.1957

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Ваш приезд чрезвычайно порадовал меня и вдохнул в меня какие-то свежие силы, которым долго не было применения.

Постараюсь не отнимать у Вас много времени и перейти сразу к делу.

Я согласен взять на себя подготовку всех работ Ч. Ахриева, редактировать их, дать подробную статью (монографического типа). Я уже составил план (содержание) этого издания. На себя я могу взять и большую часть технической работы, т. е. поручить надежной машинистке все печатные работы Ч. Ахриева в 3-х экз. (на одной странице листа). Я обращался в местный архив, но там нужных номеров «Терских Ведомостей» за 1871–1873 нет. Я знакомился с ними в Публичной библиотеке в Ленинграде (но эти выпуски у меня утеряны). Поэтому очень прошу Вас поручить надежному человеку перепечатать статьи за упомянутые годы (всего в 24 номерах) в Ленинграде. Может быть, этот комплект газет имеется и в Ленинской библиотеке в Москве? Тогда надо договориться, чтобы во внеслужебные часы «за ваш счет», все статьи были перепечатаны в 3-х экз. на одной стороне листа, и надо прислать мне один экземпляр (из лучших, т.к. у меня теперь очень плохие глаза). Список нужных номеров «Терских ведомостей» пришлю. Все остальные статьи Чаха Ахриева имеются в библиотеке Осетинского НИИ, и ими будут перепечатаны (Вы потом заплатите за перепечатку и за бумагу); бумагу я дам сам, очень хорошего качества. Надеюсь, Вы можете доверить мне поставленную задачу (я давно думаю об этом), у меня есть опыт...

Напишите, не откладывая, о своем решении, и если Вы и Чечено-Ингушский институт доверяют мне, то я теперь же начну перепечатку статей Чаха. О других деталях этого издания напишу потом по получении Вашего ответа, но добавлю пока, что сочинения Чаха Ахриева должны быть выдержаны в академическом духе сочинения классика.

Сообщаю Вам также, что я уточнил вопрос об обнаруженных культовых предметах в храме «Маги-ерды» в более благоприятных чертах, сообщу об этом при личной встрече. Я тогда случайно спутал двух лиц, гостивших у Б. Эльджаркиева,

один действительно умер в 1942 г., а второй, побывавший в храме и видевший [нрзб], жив и работает здесь. Вы с ним договоритесь обо всем. Извините меня за невольную ошибку, но она, к счастью, в Вашу пользу. Материал для статьи о народной словесности готовлю и вскоре начну писать.

Для головного убора мне нужен [нрзб] и краткий обзор, когда добуду это, напишу и эту статью; с [нрзб] культурой статья будет конкретно связана. По объему эта статья невелика, но в ней будет сгруппирован первоклассный материал. У Е.И. Крупнова имеется фото этого головного убора, надеюсь, что он меня отчасти выручит.

Сообщаю к Вашему сведению, что у меня сохранилось около 100 негативов (снимки из наших экспедиций за 20–30 гг.) прекрасной сохранности. Вот есть уникальные негативы. Все это я подарю Вашему институту после их краткого описания. У меня, к счастью, сохранился фотоснимок с редчайшего в Тушии памятника — лабиринта на камне (в Ассинском ущелье). Я потом напишу о нем небольшую статью и передам вместе с фото памятника Вам.

Дорогой Дошлуко Дохович, я поместил также, в первую очередь, обследование некоторых ингушских памятников, которые имеют не только научно-исследовательское, но и общественное значение; пока они не обследованы. К сожалению, по состоянию здоровья, я не могу сам заняться этим, хотя это [нрзб] в моих прежних письмах. Придется Вашему институту заняться ими, т. к. это памятники исключительного значения. При личном свидании я перечислю и назову их, писать о них в письме слишком долго.

Если достанете какие-нибудь сведения о чаше из Ассинского ущелья (с изображением затравленного оленя), то сообщите о них, у меня начата статья, в которой надо упомянуть и об этом предмете.

Имеются еще другие вопросы, но я их откладываю до нашей дальнейшей встречи. Надеюсь, этим летом Вы заглянете ко мне, хотя бы на краткий срок. Только не откладывайте это в «долгий ящик». Я уже в таком возрасте, что неожиданно могу выбыть из строя, а хотелось бы еще поработать для Вашего народа, для Вашего культурного созидательства, которое так дорого и для меня. Есть у меня ряд местных новостей, нужных для Вас.

С искренним уважением, Л. Семенов.

Автобиографию свою оказией Вам вышлю.

**Д.Ю. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 30.06.1957**

Дорогой Дошлуко!

Сердечно благодарю за телеграммы. Нет надобности говорить о моей радости по случаю восстановления Института.

Благодарю за приглашение. К сожалению, сейчас я не смогу приехать в Гроз-

ный. Этому мешает целый ряд причин. В результате сильного переутомления я вынужден был просить отпуск во второй половине мая на полтора месяца. Отпуск мой прошел, хотя отдохнул я плохо. Работы было много. Дети болели. Теперь я должен работать, а остальные члены дирекции Института поедут отдыхать. Однако это не главная причина. Обо всем остальном я расскажу Вам, когда приедете в Москву.

В течение июля я смогу сообщить, когда я смогу приехать в Грозный на предлагаемый Вами срок. До этого прошу не направлять сюда приглашения. Товарищи могут подумать, что я сам организовал этот вызов, чтобы лето провести на Юге. Тем более что сейчас мало вероятности, что меня отпустят в командировку сразу. А приехать в Грозный хочется, и очень...

Я полагал, что товарищ Арсаханов переслал Вам документы. Он — ауховец. Учился в Ленинградском университете на кафедре кавказской филологии, но не окончил. В Киргизии окончил пединститут (на кафедре русского языка). Очень интересуется нашим языком. Усиленно занимается ауховской диалектологией, прислал мне составленную им морфологию ауховской речи. Однако чувствуется, что у него слабая лингвистическая подготовка. В прошлом году приезжал к нам в аспирантуру. Мы не смогли принять его. Мне кажется, что следовало бы зачислить его на работу в ЧИНИИ. Во-первых, ауховцами это будет воспринято хорошо. Во-вторых, желательно иметь в Институте специалиста — носителя ауховской речи. Разумеется, что Вы сами решите этот вопрос так, как найдете нужным и возможным. Он сейчас находится в Ошской области. Я дам ему телеграмму, чтобы он срочно выслал на Ваше имя документы.

При укомплектовании Института следовало, как мне кажется, бы не забыть и Раису Долакову. Занимается она хорошо. Выполнить Ваше задание [нрзб] я ей помогу. Она, может быть, нуждается в том, чтобы мы ее поддержали здесь материально.

В конце августа в Уфе созывается координационное совещание, посвященное обсуждению проблемы простого предложения и залога. Хотелось бы, чтобы Вы приняли участие в нем. Если сами не сумеете, то, может быть, командируете кого-нибудь? Сообщите, пожалуйста, Ваше мнение. Мы пришлем приглашение.

Привет всем. Вежарийн маршааца, Ю. Дешериев.

Дошлакь, не собираетесь ли Вы вызвать Джамалханова Зейндина из г. Алма-Ата (он в редакции работал, один из составителей учебников чеченского языка)? Он очень беспокоится, не зная, возьмете ли Вы его на работу в Институт.

Получил проект улучшения чеченского алфавита Х. Ошаева через Обком партии (для отзыва). Скоро пришлю ответ.

Н.И. Штанько — Д.Д. Мальсагову
Хабаровск — Грозный, 23.07.1957

Дорогой Дошлуко Дохович!

Приехал из дальней командировки и получил Вашу телеграмму и письмо милого Леши Казакова, в котором он описывает встречу с Вами. Как я рад, что Вы снова на берегах Сунжи. Как жаль, я так далеко от Вас.

Ваше последнее письмо я получил тоже с большим опозданием, т. к. все время разъезжаю по Дальнему Востоку. Вы пишете, что очень изменились с тех пор, как мы виделись с Вами в последний раз. По письму судя, Вы никак не изменились. Письмо такое сердечное, остроумное, жизнеутверждающее, что я невольно слышу Ваш голос и вижу Вашу улыбку, когда его перечитываю.

Новеллы о Гази изумительные. Я все-таки как-нибудь напишу «Газиаду». Это будет веселая и немножко грустная повесть о никогда не унывающем, мужественном и остроумном, дружном и сердечном чечено-ингушском народе. Где бы мне ни пришлось сложить свою беспутную голову, сердце мое, любовь моя, юность моя — в горах Кистинии... Ведь я каждый год проводил отпуск в Мужичах — и это были лучшие дни в моей жизни за эти тринадцать лет.

И то, что сейчас я оказался на краю света, за 10 тысяч километров от Чечено-Ингушетии — заслуженная кара. Это наказание за мое маловерие.

Я был на целине в Казахстане, встречался там со многими земляками. И никто из них ни на минуту, в самых трудных условиях, не терял веры, что он вернется на родную землю. А я не верил, что это возможно. Так мне теперь и надо!

Но я обязательно, как только попаду в Москву, побываю в Грозном, чего бы это мне ни стоило.

Поэму я на днях вышлю. Ее стоит напечатать. Не ради автора, а ради героя. Может быть, даже стоит ее издать под псевдонимом. Ведь поэта Николая Штанько нет. Он умер 23 февраля 1944 г. Есть человек, который сам удивляется, как это ему удалось рифму к слову «кровь» найти.

В поэме много слабых мест, которые я до конца уже не в состоянии выправить. Но есть и сильные, искренние и яркие строки — те, что идут от чечено-ингушского фольклора. И я не стыжусь посылать эту поэму Вам. Судите, приговорите, и быть по сему!

Из моей деятельности нынешней у меня нет ничего, что заслуживало бы опубликования. Моя история Грозного, резаная и перерезанная, устарела и столько раз переделывалась, что там ничего стоящего не осталось. После того, как Грозненское издательство начало таскать меня по судам, я дал клятву: ни строчки не издавать в Грозном. И не издавал.

Пророка из меня не получилось.

Тов. Лу[нрзб] помог мне в этом (Этот деятель работает еще? Гоните его в шею из своей республики. Провокатор, предатель, шантажист!).

Я уничтожил, уезжая из Грозного, все свои рукописи, записи, выписки. И только часть материалов, которые, на мой взгляд, могли бы кому-нибудь пригодиться,

передал в Музей через Лешу. Мосты сожжены, и к научной работе мне уже не вернуться.

Может быть, когда-нибудь я закончу свой исторический роман. Тогда 10 лет жизни, которые я отдал истории Грозного, не пропадут даром. А пока у меня своя дорога. Я — журналист и люблю свое дело. Вы правы — оно менее перспективное, чем научная работа. Я и в газетной жизни ничего выдающегося не достиг. У меня исчез очень важный стимул: за эти годы атрофировалось полностью честолюбие. Мне ничего не нужно. Я ничего не добиваюсь. Не хочу ни чинов, ни званий, ни славы (даже если бы мне их предложили, чего, конечно, нет!). Меня устраивает моя работа. Независимое положение, скудный, но все-таки кусок хлеба и возможность много перечувствовать, много видеть, встречаться с самыми различными людьми, заглядывать в самые неожиданные уголки жизни.

Гора моих записных книжек растет. Я не уверен, что они мне потребуются для творческой работы, но сам процесс собирательства доставляет мне удовлетворение.

Мне уже здорово доставалось за то, что я променял науку на газету. Во-первых, от Евгения Игнатовича Крупного (Помните его? Мы с ним очень много говорили о Вас. Это единственный из всех моих знакомых человек, который всегда, при всех открыто заявлял, что выселение чеченцев и ингушей — преступление. Как ему это сошло с рук тогда — ума не приложу.). Я ведь очень полюбил археологию, и кое-что даже сделал в ней полезного. Но я слишком любил ее, чтобы сделать ее профессией. Во-вторых, есть в Ставрополе такой археолог — Татьяна Максимовна Минаева, (Минаева Т.В., 1896–1973, археолог, исследователь древних культур. — *прим. авт.*). (Кстати, если потребуется в Грозном археолог, стоит ее пригласить. Это ученый с мировым именем. Но 1937 год испортил ей анкету.) Она перестала со мной даже здороваться. И от большой любви ко мне как будущему археологу перешла к великой ненависти как к ренегату.

И все-таки я не жалею, что ушел из науки (Да и был ли я хоть в гостях-то у нее?) Не стою я настоящей науки. А околонучных деятелей и так много развелось!

Вы помните Пр[нрзб], которого Вы когда-то высекли за глупую лекцию в Пединституте? Невежда, бездарь, но нахал. Так ведь он сейчас — доктор, профессор. А Путилова, своего старого противника, сожрал. Бог с ними!

Я разболтался непозволительно. И надоел Вам, видимо, страшно. Но очень уж о многом надо мне рассказать Вам.

Простите мне, Дошлуко Дохович, такое сумбурное письмо и мой ужасный почерк (я скоро совсем разучусь писать, т. к. все пишу на машинке).

Живу я неплохо. Семья у меня маленькая, но дружная. Аленка, моя курносая, начала уже болтать. Ей два с половиной года.

Дальний Восток нравится мне с каждым днем все больше. Друзей вот только нет. Но я в последние годы и не имел их поблизости.

Вот только сейчас начал очень тосковать по Кавказу.

Передайте низкий поклон и самые лучшие пожелания всем, кто меня еще помнит.

Желаю Вам, дорогой мой учитель, всего самого хорошего.
Ваш никчемный ученик. Хабаровск, Н. Штанько.
Есть ли у вас телефон? Я бы мог время от времени звонить Вам из Хабаровска.
Сообщите мне свой адрес и номер телефона.

Н.И. Штанько — Д.Д. Мальсагову
Хабаровск — Грозный, после 23.07.1957

ТЕЛЕГРАММА

БЕЗУСЛОВНО, ДОВЕРЯЮ ВАМ СУДЬБУ ПОЭМЫ⁶, ТОЛЬКО СОКРАЩАЙТЕ, ПРАВЬТЕ БЕСПОЩАДНО. НАДЕЮСЬ НА СКОРУЮ ВСТРЕЧУ. С СЕРДЕЧНЫМ ПРИВЕТОМ. ШТАНЬКО.

Д.Ю. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 22.08.1957

Дорогой Дошлуко!

Благодарю за письмо, за газеты. Очень признателен Вам за оказанную помощь брату и Ш. Сулейманову.

По-видимому, я приеду в Грозный во второй половине сентября. Тогда вместе с Вами сделаем все необходимое для переиздания соответствующей литературы. До этого нужно было бы сделать следующее.

Для представления Вас на утверждение в звании профессора нужны документы, указанные в прилагаемом списке. Прошу Вас срочно прислать мне их, за исключением представления за подписью трех докторов наук. Это представление постараюсь составить. Нетрудно будет организовать и подписи. Может быть, нам придется провести Вас через наш Ученый совет. При всех условиях я должен приехать в Грозный с готовым представлением. Для этого нужны указанные документы. Если Вам не удастся быстро выслать их, то прошу написать развернутое письмо о своей научной и педагогической деятельности (стаж работы, основные научные труды, сколько всего трудов, какие должности занимали, когда и где читали лекции, по каким дисциплинам, когда и где руководили аспирантами и т. д.) Возможно, что я основное знаю о Вашей научной деятельности. Все же в интересах дела хотелось бы получить более точные сведения.

А. Мациев благополучно прибыл в Москву. Привет товарищам!

Будьте здоровы! Ваш Ю. Дешериев (подпись).

⁶ Речь идет о поэме Н.И. Штанько «Солнце в крови», посвященной Герою Советского Союза Ханпаше Нурадилову, вышедшей под псевдонимом Н. Сергеев.

Л.П. Семенов — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 03.09.1957

Глубокоуважаемый и дорогой Дошлуко Дохович!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам заказной бандеролью свою статью «Ингушская и чеченская народная словесность». По объему она несколько больше, чем я предполагал, в ней 54 страницы машинописи. Может быть, в ней окажутся неточности (например, в Грозненских изданиях по языку), тогда исправьте и потом сообщите мне. На стр. 15, примеч. 1-е, у меня не указан год издания «Тушско-чеченского словаря» А. Мациева (вероятно, начало 1930-х годов), надо проставить год. На стр. 36 (номер 57) указана интересная заметка Н.С. Трубецкого о близости ингушских сказаний к фригийскому мифу. Меткое сравнение, которое мне пригодится для второй статьи, которую я уже пишу.

Перепечатка статей Ч. Ахриева идет успешно, примерно числу к 15 сентября она будет закончена, и я сообщу, сколько надо будет заплатить двум машинисткам, по получении денег я вышлю Вам заверенные должным образом расписки.

Для того чтобы дело с работой о Ч. Ахриеве не задерживалось, мне необходимо теперь иметь его тексты, опубликованные в газете «Терские ведомости» за 1872 г. № 27–35, 39, 42–43, 45–46 и за 1873 г. № 3, 21–22, 24–26. Материал количественно значительный и очень ценный по содержанию. Я с ним познакомился в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Возможно, что комплект этой газеты есть и в Публичной библиотеке им. Ленина в Москве. Необходимо срочно договориться с дирекцией одной из публичных библиотек о перепечатке указанного материала: пусть перепечатают в 2-х экз. на одной стороне листа и вышлют Вам, а Вы затем перешлете этот материал мне.

Конечно, можно заказать и ротокопии, а затем я перепечатаю это здесь на машинке. Прошу Вас договориться об этом в Москве или Ленинграде и по возможности скорее доставьте мне машинопись или ротокопии. Иначе нельзя скомпоновать все сочинения Ч. Ахриева в одном томе и начать новую обстоятельную статью о Чахе.

Я знаю, что у Вас много различных текущих дел, и поэтому о прочих своих пожеланиях пока не пишу.

О получении первой моей статьи известите меня.

Когда вторая статья будет окончательно готова, вышлю ее Вам.

С искренним уважением, Л. Семенов.

В нашем архиве полного комплекта «Терских ведомостей» нет.

Остановка за Вами. Мне крайне нужны № «Терских ведомостей на 1872 и 1873 гг. (в общем 19 номеров). Необходимо скопировать статью возможно скорее, но без них продолжать работу невозможно.

«Тер.вед.» за указанные годы имеются в Публичной библиотеке в Ленинграде; может быть, они есть в Москве, в Публичной библиотеке им. Ленина. Если по этому вопросу заочно списаться с Москвой или Ленинградом затруднительно, то

командируйте подходящее лицо в один из этих городов; пусть Ваш сотрудник договорится там — о переписке упомянутых статей или сам перепишет их от руки с соответствующей точностью, а в Грозном их можно перепечатать уже на машинке и одну копию прислать мне. Тогда все остальное наладится; я напишу библиографию и подробную статью о Ч. Ахриеве, и примерно к концу этого года весь сборник в рукописном виде будет готов. Я нахожу нужным, чтобы из дирекции Чеч.-Инг. института было составлено предисловие о значении выпускаемого сборника соч. Чаха Ахривеа и материалов о нем.

Книгу надо давать художественно оформленной: дать портрет или портреты Чаха, ряд дать с изображениями памятников Ингушетии и горских пейзажей, дать портрет с его памятника на могиле (в г. Фрунзе); если удастся, то поместить его автограф. К своей статье я дам подробную библиографию о писателе. Книга должна быть издана научно, но вполне доступной для широких кругов читателей.

№ «Тер.вед.» я сообщил Вам не так давно. Должен заметить, что там — богатейший материал, с которым наша общественность еще не знакома. Скажу правда, что появление в печати полного собр. соч. Ч. Ахриева будет выдающимся событием не только для Чечено-Ингушской республики, но и для многих других братских народов нашей страны. Я недавно послал Нине Чаховне письмо с просьбой сообщить мне, сохранились ли в ее семье документы об отце, и просил ее написать о нем воспоминания. Все это было бы хорошим подспорьем для моей работы о Чахе.

Прилагаю номер местной газеты с сочувственной статьей о выступлении Чеч.-Инг. ансамбля.

С искренним уважением, Л. Семенов.

Г.П. Сердюченко — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 24.09. 1957

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Ваше письмо получил уже в Кисловодске, переслали сюда из Ростова. Благодарю Вас за него. Очень рад, что рядом с Вами работают сейчас Х. Ошаев, Орцхо Мальсагов и др. Шлю им свой привет и лучшие пожелания. Очень рад, что они в добром здравии и работают на благо своего народа. С удовольствием всех бы вас повидал и вспомнил молодые годы.

Благодарю Вас и за приглашение участвовать в «Трудах» Института. К сожалению, сделать это не смогу. В ближайшие годы думаю обрабатывать материалы, собранные в КНР. Но, видимо, и без меня у Вас много будет авторов. Желаю еще раз успеха Вашему делу. Всего, всего лучшего.

Уважающий Вас, Г. Сердюченко.

М.Е. Лопухин — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 12. 12. 1957

М.Е. Лопухин. Фрунзе, 1948 г. Личный архив Л.Д. Мальсаговой

Дорогой Дошлуко Дохович!

Письмо Ваше от 23 ноября получил 7 декабря. Долгонько же оно путешествовало. Видно за это время оно побывало во всех Фрунзе Советского Союза. В будущем пишите по адресу: Фрунзе, обл. (Кирг ССР), Бокомбаева, 105.

Много предположений строили мы относительно Вашего молчания, но больше склонны были к тому, что Вы с головой ушли в новую работу. Все мы очень довольны, что Вы ожили, чувствуете энергию, желание деятельности. Особенно приятно то, что чувствуете Вы себя хорошо.

Привет Конст. Куз. и его жене передал. Со своей стороны, он шлет Вам привет и кучу пожеланий.

За время Вашего отсутствия во Фрунзе много печальных новостей: Будянский помер от рака, умер Котлер — пришел домой и скончался. Не щадит смерть стариков. Ващакин лежит в больнице, при смерти — рак, запущенный. Разрезали и зашили. Спасти нет возможности. Относительно Альпиева, вероятно, Вам известно — умер от рака. Относительно Франка сведения Ваши не верны — Франк умер и, конечно, на Кавказ не приедет. Ф.В. Турдаков, я его видел на днях, не очень хочет переезжать, но тянет его жена. Причина — сын учится в Москве.

Ко всем этим печальным новостям можно добавить: в Министерстве просвещения без изменения, тишина. Сотрудники Института усовершенствования углубились в составление учебников для киргизских школ. Конкурсов на учебники теперь нет. Грамматику поручено составить Петрову, учебник по литературе для 8 класса — Шейману, для 9 — Супруну. Методику пишет Петр Иванович. Министерство Просвещения освободило себя даже от труда проверять учебники — все печатные учебники проверяет Институт и дает разрешение на выпуск.

Донецкая с мужем находится в Нальчике. Вот сколько новостей! Что касается своего житья-бытья, то несмотря на то, что как будто свободен от дел, но все время заполнено заботами и работой.

Глаз подживает, вижу им хорошо. От гриппа, который я захватил в Москве, отделался. Два месяца чувствовал упадок сил. Сейчас окреп и отработал учебник; сдал в набор. Привычка работать не дает покоя: написал фонетику, сейчас начерно составляю имя существительное. Жалею, что у меня нет руководителя! Копию фонетики хотел послать Вам на отзыв, но сомневаюсь, найдется ли у Вас время для просмотра. Грамматика эта предназначена для вечерних школ взрослых. Строю я ее так, чтобы учащиеся сами самостоятельно могли изучать ее, без учителя. Писать буду года два: спешить некуда.

Матрена Ивановна чувствует себя неважно. Она, по-моему, переутомилась, переработала. Вчера ее просвечивали, но врачи ничего не находят, кроме старческих изменений. Ей надо поехать на грязи и выйти на пенсию. Лида и Степан здоровы, работают. Степан сейчас в Ташкенте на сессии, а Лида в командировке в Чон-Кургане.

Милых друзей во Фрунзе не осталось, а потому думка о переезде ближе к сыновьям не оставляет нас, стариков. Особенно хочется Юре и Мише, чтобы мы переехали в Крым, ближе к морю. Их прельщает то, что мы будем от них близко и это постоянное курортное место. Планируют, что внучат они к нам, старикам, отправлять будут с апреля месяца, а сами являться даже на короткое время во время работы, а летом на целых два месяца. Планируют развести сад, принять все обязанности по снабжению нас отоплением.

Дали мы им задания: найти место с хорошим климатом, близко от моря; подобрать дом, хотя бы в две комнаты с кухней, электричеством и, если возможно, с газом. Переезд летом. Если переезд свершится, то свидания наши с Вами состоятся.

Миша сейчас в отпуске. Где он, не знаю.

Погода во Фрунзе в этом году теплая, сухая. Возможно, что деревья распустят почки.

Крепко, крепко жму Вашу руку. Матрена Ивановна и Лида шлют Вам самый сердечный привет и пожелания здоровья на много, много лет.

Вечерами часто Вас все вспоминают. Вспоминают мило проведенные вечера и душевные беседы. Хорошие вечера! Приятно и надолго запоминающиеся.

Привет всему семейству, особенно веселому Вашему брату. К моему стыду,

я забыл его имя и отчество, но не забыл его веселых шуток и жизнерадостности. Если будете писать, то сообщите его имя и отчество.

Еще раз крепко жму Вашу руку и желаю здоровья, благополучия.

Искренне Ваш М. Лопухин (подпись).

Л.Б. Панек — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 24.12. 1957

Глубокоуважаемый Дошлуко!

Не могу передать словами, как я рада, что Вы все, наконец, у себя на родине. В июне еще я получила Вашу телеграмму, но в ней не было адреса. Я послала письмо для Вас через Ваш адресный стол, но оно вернулось обратно. Хотя оно уже устарело, я все же его Вам посылаю. Одновременно высылаю Вам и статью Анатолия Несторовича, напечатанную в Абхазии. Как-то до сих пор не имею времени подумать и посмотреть, нет ли чего-нибудь подходящего для Вас в материалах Анатолия Несторовича. У меня лично есть несколько статей по Дагестану, преимущественно по лезгинам, но, вероятно, к профилю Вашего издания Дагестан не подходит. Одну мою статью о жилище лезгин напечатали в газете в Грузии. Жаль только, что иллюстрации сделали неузнаваемыми. Я совершенно не помню, посылала ли я Вам оттиск этой статьи. Если Вы ее не получили, то с удовольствием вышлю.

Я себя очень ругаю, что не поехала летом на Кавказ. Приехала бы к Вам, сделала бы доклады по Дагестану, поговорили бы о том о сем, я бы заразилась Вашей бодростью «новорожденных», и все было бы как нельзя лучше.

Но теперь уже поздно говорить об этом, а будущее для меня не совсем ясно.

Была неделю тому назад на докладе Русуданы Орбели (Русудана Рубеновна Орбели, 1910–1985, советский лингвист, специалист в области армянской и грузинской филологии. — прим. авт.) о работе Института востоковедения по Кавказу за 40 лет. Много хорошего было сказано об Анатолии Несторовиче. Но ушедшее невозвратно. Об абазинской грамматике один ученый в Англии сказал, что это лучшее, что вышло за эти годы по Кавказу...

Я и Галя поздравляем, дорогой Дошлуко, Вас и Вашу семью с наступающим Новым годом и желаем здоровья и успехов в работе.

Передайте мой сердечный привет Тамаре Тонтовне. Я не знаю ее адреса и потому не могу ей лично написать.

Было бы очень хорошо, если бы Вы приехали в Ленинград. Мы теперь смогли бы Вас хорошо принять. Вам не угрожает опасность попасть на «ремонт». После того «ремонта» мы твердо решили никогда в жизни больше не производить этой мучительной операции. Приезжайте!

С сердечным дружеским приветом, Л. Панек.

Д.Ю. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, конец 1957

Дорогой Дошлуко!

Сердечно благодарю Вас за приглашение. Мы не смогли заехать в Грозный, заболели дети, нам надо было скорее вернуться в Москву. Они у нас поправились. Правда, я захворал после возвращения из Кисловодска. Видимо, простыл.

Мне кажется, что Ваше дело так оставлять нельзя. Надо получить характеристику — представление местного руководства. Все остальное есть. Дополнительные подписи для оформления научной характеристики Вашей обеспечены. Об этом я пишу Халиду Ошаеву.

Сердечно поздравляю коллектив института, лично Вас, Вашу семью с наступающим Новым годом. Желаю институту и всем его сотрудникам больших успехов в их научной деятельности в 1958 г.

Привет всем. Крепко жму Вашу руку.

P.S. За газеты наши на 1958 год я, по-видимому, обязан Вам, Дошлуко. Сердечно благодарю Вас.

Г.-М.А. Даурбеков — Д.Д. Мальсагову
Приволжская железная дорога, станция Урбах — Грозный, 1958

Дорогой Дошлуко!

Будучи по дороге к семье, я не могу не вспомнить о тебе и о твоей семье, которая заботилась обо мне как о близком человеке.

Желаю Вам доброго здоровья и тысячи лет жизни. Дошлако! Я в себя веру еще не потерял. И надеюсь, придет время, когда мы со смехом будем вспоминать о моих приключениях.

Надеюсь, вернусь с детьми, они дадут мне настроение и спокойствие. Я надеюсь, что стану известным художником. От души передаю привет Дзабанте, Якубу и девочке, которая звала меня художником (речь идет о внучке Дошлуко Доховича Мальсагова Тамаре Якубовне Мальсаговой. — *прим. авт.*).

Дошлако, дай Бог встретиться нам живыми.

Пришлю фотографию с детьми, а ты свою — Макке.

Искренне Ваш, Гази Д.

И.К. Кусикян — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 20.02.1958

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Извините за долгое молчание! Мне хотелось на Ваше поручение ответить не только списком литературы по армянскому языку, но и книгой. Лишь недавно

я узнал от проф. А.С. Гарибяна, что его курс армянского языка, наконец, заканчивается печатанием. Он обещал выслать мне, а я перешлю книгу Вам.

Книги по грамматике армянского языка разных периодов, естественно, написаны преимущественно на армянском языке. По древнеармянскому языку до сих пор не утратила своего значения грамматика Н.Я. Марра, изданная в СПб в 1903 г. По среднеармянскому языку до сих пор не устарела книга Y. Karst-a «Historische Grammatik des kilikisch — armenischen» (Strassburg, 1901).

Если Вам желательно знать еще что-нибудь, пожалуйста, напишите.

С приветом, И. Кусикян.

Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 07.03. 1958

Дорогой Дошлуко!

Сердечно благодарю Вас за письмо. Хорошо, что Вы побывали в Тбилиси. Я не сомневался, что там Вам окажут теплый прием.

Очень сожалею, что Вы ушли из Института. Институт будет нуждаться в Вашей постоянной помощи. Вы, конечно, не откажете ему в этой помощи. Дружеские отношения, существующие между Вами, Саламовым, Ошаевым и другими сотрудниками Института, позволяют быть уверенным в этом.

С Вашей профессурой произошло то, чего я не ожидал. Служебная характеристика — самое простое дело. Такой характеристикой снабжают любого гражданина, когда она ему нужна. В данном случае она стала сложной проблемой. Я написал письмо тов. Фоменко о его обещании, но задержал это письмо, чтобы выяснить обстановку. Пока я выяснял причину задержки характеристики, Вы успели уйти из Института.

К счастью, сейчас Вам не нужна характеристика вышестоящих органов. У Вас свое институтское начальство. Дирекция пединститута обязана снабдить Вас служебной, общественно-политической характеристикой. Не сомневаюсь в том, что ученый совет Вашего Института окажет Вам полную поддержку. Любой институт имеет право выдвинуть специалиста для представления его к ученому званию. Поэтому высылаю Вам характеристику Вашей научной деятельности, подписанную тремя докторами филологических наук (профессорами) в трех экземплярах.

Ученый Совет нашего Института рассматривает вопрос о присуждении ученой степени, особенно о присвоении ученого звания местному работнику в том случае, как правило, если он работает в местном научно-исследовательском институте. И, тем не менее, я на всякий случай оставляю у себя Ваши документы. Если они нужны будут Вам, могу выслать их.

Вероятно, весной или летом приеду в Грозный. Привезу туда две буквы «А» и «Б» русско-чеченского словаря для обсуждения, «фонетику чеченского языка», отредактированные труды Н.Ф. Яковлева. Думаю, что осенью сумею представить грамматику чеченского языка.

От Бу[нрзб]ва большего и нельзя было ожидать. Вероятно, это нужно было кое-кому.

Шлем сердечный привет Вам, Вашей семье, друзьям и товарищам.
Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку, Ю. Дешериев.

А.С. Чикобава — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Грозный, 13.05. 1958

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Благодарю за телеграмму и за память. Думал, что, возможно, Вы будете на открытии Дагестанского государственного университета, но Вам не пришлось быть. Очень интересуется, как идет дело с Вашей докторской: пути дифференциации грамматических классов вещи («категории вещи») могут быть прослежены, прежде всего, по данным нахских языков (имею ввиду категории v и $d|j$). Нахские диалекты, надо думать, содержат материалы, характеризующие переходные ступени... Помнится, Вы говорили об одном горном чеченском наречии (со своеобразным использованием классного показателя $v|d$).

Словом, хотелось бы еще раз подчеркнуть, насколько перспективна и актуальна Ваша работа. Освободившись от административных обязанностей, Вы сможете больше времени уделить разработке исследовательских тем. Желаю успеха.

Прошу передать поклон Вашей семье. Тамара Ивановна Вас вспоминает очень тепло и будет рада Вас видеть в нашей семье.

С товарищеским приветом, Арнольд Чикобава.

Л.А. Шейман — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 18.05.1958

Дорогой Дошлуко Дохович!

Большое спасибо за поздравительную телеграмму. Я, правда, получил ее с опозданием очень значительным (секретарши затеряли ее), но лучше позже, чем никогда. Рад, что не забыли своих фрунзенских друзей.

Надеюсь, что Вы уже получили сборник, в котором напечатана Ваша с В.П. статья о классификации ошибок. Гонорар авторам и редактору уже выписан, но господин Абдуллаев, как обычно, тянет с уплатой.

У нас появился теперь свой журнальчик «Русский язык в киргизской школе», приложение к «Мугалимдерел тардам» выходит один раз в 2 месяца, объем — 4 печатных листа, редактируем пока мы с В.П.

Мы с Сарой Григорьевной приобрели поддомика. Его, правда, лет через пять снесут, но сейчас нас свой угол удовлетворяет, и в будущем надеемся получить нечто по крайней мере не худшее. О Вас вспоминаем часто, очень сожалеем, что Вы уехали.

С Ильей Марковичем по-прежнему дружим. Ш[нрзб] ушла с детьми к Лука[нрзб]у, но вскоре развелась.

Как Ваше здоровье? Работа?

Сердечный поклон всем Вашим, мама желает всего доброго.

Ваш Л. Шейман.

Д.Ю. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 30.07. 1958

Дорогой Дошлуко!

Обращаюсь к Вам с одной просьбой. Мой племянник Дешериев Ваха, получив направление, отдал документы в Ростовский архитектурно-строительный институт. Говорят, экзамены будут сдавать в Вашем Пединституте.

Если возможно будет и если Вы найдете нужным, прошу Вас оказать ему помощь (в случае необходимости).

До десятого класса в Средней Азии он учился на «отлично» и «хорошо». В связи с переездом на Родину в прошлом году после начала учебного года он пропустил много занятий. Возникли и другие трудности местного характера. Все это отразилось на его итоговых оценках. Поэтому он имеет, кажется, не блестящий аттестат. Он комсомолец, трудолюбивый, упорный, дисциплинированный. Мне кажется, что он оправдал бы оказанное ему доверие, если бы он попал в этот институт. Поэтому я и позволил себе обратиться к Вам за содействием.

В связи с перепечаткой «Морфологии чеченского языка» и «Морфологии ингушского языка» возникли большие трудности. В имеющихся у нас экземплярах много пропусков, некоторые страницы потеряны. Нужно их восстановить. Все же придется в течение августа завершить всю эту работу и переслать рукописи Вам в Грозный.

Должен Вам сказать, что я ожидал большего от этих работ. Чувствуется схематизм, ограниченность рассматриваемых факторов. Многое вообще не рассматривается. Правда, есть и интересные места, представляющие собой шаг вперед по сравнению с Усларом, коллективной грамматикой чеченского языка, З. Мальсаговым и школьными учебниками. В предисловии придется указать на ошибочные положения, убрать пространные общие рассуждения, характерные нашему языкознанию 30-х, 40-х годов. Словом, много работы, хотя знаю, что благодарности никакой не будет. Даже возможны неприятности.

Заканчиваю «Фонетику». В работе над ней встретил много трудностей. Меня удивляло то обстоятельство, что Н.Ф. Яковлев — хороший фонетик — занялся синтаксисом и морфологией нашего языка, вместо того чтобы написать фонетику. Хотя изучение синтаксиса и морфологии нашего языка и способствовало пополнению его знаний фонетического строя нашего языка, все же главное состояло не в этом, как я убедился. Главное заключалось в сложности фонетической и

[нрзб] системы нашего языка, для детального освещения которых нужно обладать не только хорошими теоретическими знаниями и чутьем фонетиста (ими обладал Н.Ф.), но и чувствовать язык и знать его интимные законы.

Не думаю, что моя фонетика будет во всех отношениях безупречной. Однако надеюсь, что мне удастся в ней правильно осветить фонемный состав и основные фонетические процессы, свойственные чеченскому литературному языку. Вас буду просить дать согласие быть редактором.

Большой привет Вам, Вашей семье и товарищам от нас.

Крепко жму Вашу руку, Ю. Дешериев (подпись).

P.S. В связи с предстоящим юбилеем ЧИ АССР собираюсь снова поднять Ваш вопрос перед Обкомом и Советом Министров ЧИАССР, будучи убежден в том, что действую правильно и справедливо. Копию письма пришлю Вам.

Д.Ю. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 1958

Дорогой Дошлуко!

Сердечно благодарю Вас за помощь, оказанную Вахе. Относительно предоставления Вам шестимесячного творческого отпуска говорил с тов. Ефимовой из Министерства просвещения РСФСР. Третьего сентября она сообщила мне, что письмо (с положительным решением этого вопроса) находится на подписи у руководства Министерства. Я сказал ей, что, в случае необходимости, Институт языкознания АН СССР может обратиться к Министру с просьбой предоставить доценту Д.Д. Мальсагову шестимесячный творческий отпуск. Она заявила, что в этом нет никакой необходимости. Поэтому полагаю, что Вы в ближайшее время получите творческий отпуск.

Посылаю Вам копии моих писем т. Фоменко и Алмазову. Копию письма на имя тов. Фоменко переслал тов. Зязикову и говорил с ним по телефону по затронутым в этих письмах вопросам.

У нас ничего нового нет. Раиса благополучно приехала и приступила к работе (Раиса Идрисовна Долакова. — *прим. авт.*).

Большой привет от нас всей Вашей семье.

Будьте здоровы, Ваш Юнус.

(Ниже приведены копии писем, подписанных Ю. Дешериевым и адресованных Алмазову и Фоменко. — *прим. авт.*):

«Председателю Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР тов. Алмазову.

Уважаемый товарищ Алмазов! В начале 1959 года исполняется 30 лет научной и педагогической деятельности одного из старейших и наиболее крупных деятелей культуры и просвещения в Чечено-Ингушской АССР кандидата филологиче-

ских наук доцента Грозненского государственного педагогического института Д.Д. Мальсагова.

В прошлом году кавказоведы, доктора филологических наук, профессора: Л.И. Жирков, Е.А. Бокарев, Ю.Д. Дешериев дали очень хорошую научную характеристику творческой и педагогической деятельности Д.Д. Мальсагова для представления его к званию профессора. Ученый Совет Чечено-Ингушского исследовательского института единодушно поддержал это представление.

Копию этой характеристики пересылаю Вам.

Считая, что Д.Д. Мальсагов вполне заслуживает присвоения ему звания заслуженного деятеля науки и культуры Чечено-Ингушской АССР, позволяю себе просить Вас поставить данный вопрос на рассмотрение Президиума Верховного Совета ЧИ АССР. В случае необходимости компетентные специалисты-ученые могут представить Вам научную характеристику деятельности Д.Д. Мальсагова.

Прошу не отказать в любезности сообщить Ваше мнение по затронутому вопросу.

Прилагаю копию указанной научной характеристики Д.Д. Мальсагова.

С уважением, профессор Ю.Д. Дешериев».

«Уважаемый товарищ Фоменко!

В прошлом году кавказоведы, доктора филологических наук, профессора: Л.И. Жирков, Е.А. Бокарев, Ю.Д. Дешериев по своей инициативе (как это обычно и полагается) дали научную характеристику доценту Грозненского педагогического института, кандидату филологических наук Д.Д. Мальсагову для представления его к ученому званию профессора. Это представление было поддержано Ученым Советом Чечено-Ингушского научно-исследовательского института.

В октябре прошлого года, когда я, будучи в Грозном в командировке, сообщил Вам об этом в Обкоме, Вы в ответ на мою просьбу выразили мнение, что Обком партии и Совет Министров ЧИАССР поддержат это представление и дадут хорошую характеристику деятельности Д.Д. Мальсагова. Такого же мнения был и М.Г. Гайрбеков. Из-за отсутствия такой характеристики до сих пор не представлено в ВАК (Высшая аттестационная комиссия. — прим. авт.) дело Д.Д. Мальсагова.

В связи с подготовкой к 40-й годовщине Чечено-Ингушской автономии не нашли бы Вы возможным поддержать наше предложение о присвоении ученого звания профессора Д.Д. Мальсагову — одному из старейших и крупных деятелей культуры и просвещения в Чечено-Ингушской АССР и исполнить Ваше обещание, касающееся указанной характеристики.

Копию указанной научной характеристики Д.Д. Мальсагова прилагаю.

С приветом, профессор Ю.Д. Дешериев».

**М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 05.08. 1958**

Дорогой и глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

С чувством глубокой благодарности и трогательной привязанности давнишнего ученика к своему старому учителю прочел я в телеграмме Директора ЧИНИИ о том, что Вы прочитали доклад на специальном собрании Института, посвященный моему 75-летию и почти 54-летней научно-педагогической деятельности. Мне отраднo, что моя работа, особенно в национальных республиках, принесла свои плоды. И мне, которому пришлось в течение моей научно-педагогической деятельности неоднократно перестраиваться, все же не приходится жалеть о потраченном труде.

Переезд на Кавказ в Северную Осетию в эпоху марризма был для меня с начала и до конца (18 лет) открытием нового мира, и я, магистр классической филологии, вскоре не только примирился с новым окружением, но и полюбил страну, окаймленную белоснежными вершинами цепи Кавказских гор, вечно искрящимися от жаркого южного солнца. Очень полюбилась мне эта страна, и, если бы не приближение фашистских орд, я, вероятно, до сего дня жил там.

Марр многому научил меня, пока он не взялся за свою попытку совместить несовместимое — марксизм с марризмом. Однако его пресловутый 4-х элементный анализ, к счастью, я не смог усвоить и понять. Об этом Вы, конечно, хорошо знаете. Критика Сталиным марризма была все же и для меня ударом грома в тихий ясный полдень. Понятно, не сразу удалось мне перестроиться.

Извините, дорогой друг и ученик, что мое отступление оказалось чересчур длинным, но думаю, что оно небезынтересно и Вам. Должен сообщить, что Ваша поездка в Тбилиси принесла Вам пользу: Вас там правильно оценили, как серьезную научную величину. Об этом мне писал В.Т. Тапуриа (представитель школы А.С. Чикобава. — *прим. авт.*). И это очень радует меня.

Еще раз большое спасибо! Желаю от души творческих успехов. Хотелось бы дожить до присвоения Вам докторской степени!

Привет от Розы Иосифовны и всех Немировских (и семьи Яши).

Ваш старый учитель М. Немировский.

**М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 1958**

Глубокоуважаемый дорогой мой ученик Дошлако Дохович!

Извините меня великодушно за опоздание с ответом. Дело в том, что мы (т. е. я с женой) были в Москве на съезде славистов и только недавно вернулись, т. к. у нас там есть племянник Павел Немировский и его супруга, с которыми смогли по-настоящему отдохнуть в дружеской беседе. Затем, при приезде в Ростов, имели

Глубокоуважательный дорогой мой ученик
— Леша М. Дыхович!

Извините меня валиводушко за опоздание ответа м.
Дело в том, что мы (т.е. я с женой) были в Москве на съезде
славянстов и только недавно вернулись, т.к. у нас
тачи есть пламятник Павел Немировский и его супруга
с которыми я спланировал отбыть в дру-
гой поезд. Зато, по приезде в Ростов имели много
хлопот в связи с проводкой в наш дом газа.
Пока его получили, пришлось много пережить
всяких неудобств, и теперь еще не все
налажено.

Ваше теплое, душевное письмо очень обрадовало
и показало отношение ко мне моих старых учени-
ков, которых не мало встретил на Конгрессе
и все объяснили мне в любви и уважении
больше, пожалуй, чем я заслужил.

На съезде было очень интересно, чрезмерное число докладов
и притом на всех языках зарубежных
славянств. Странно было слушать при отсутствии
переводов, хотя некот. (молодые и. об.) ученые говорили
на прекрасном русском языке.
Было бы весьма затруднительно излагать все
подробности. Скажу только, что выдвигаются целую
букву теорию (частью деоплатни, частью за деньги)
познаниям с 60-ю учеными разных стран
зарубежных, солидными русскими. Получил титан
мудр (Андрей Мельник), где на одной стороне изображен
Кремль, на другой IV Мельник. — съезд...
Впечатлений так много, что просто утопаешь в них

Фрагмент письма М.Я. Немировского Д.Д. Мальсагову.

Личный архив Л.Д. Мальсаговой

много хлопот в связи с проводкой в наш дом газа. Пока его получили, пришлось много переживать всяких неудобств, и теперь еще не все налажено.

Ваше теплое, душевное письмо очень обрадовало и показало отношение ко мне моих старых учеников, которых немало встретил на Конгрессе, и все объяснились мне в любви и уважении больше, пожалуй, чем я заслужил.

На съезде было очень интересно, чрезмерное число докладов, и притом на всех языках зарубежных славянских стран, было трудно слушать при отсутствии переводов, хотя некоторые (молодые, главным образом) ученые говорили на прекрасном русском языке.

Было бы весьма затруднительно излагать все подробности. Скажу только, что вывез оттуда целую библиотечку (частью бесплатно, частью за деньги), познакомился с 60-ю учеными разных стран зарубежных, со многими русскими. Получил памятную (бронзовую медаль), где на одной стороне изображен Кремль, на другой — IV Международный съезд.

Впечатлений так много, что просто утопаешь в них.

И трудно разобраться в том, что имеется в книгах.

К тому же, и память мне стала изменять, лица я тоже плохо узнаю, хотя те, что знали меня ранее, быстро меня узнавали, а я их — с трудом.

Буду очень рад Вас видеть у себя.

От Ошаева имел известия давно и неблагоприятные (подводит типография).

Роза Иосифовна и Яков Михайлович (он с семьей живет в Новочеркасске) шлют свой сердечный привет. Наш внук уже студент 3-го курса, химик, как родители, хотя любит литературу и в день 75-летия подарил мне книгу «Вопросы эстетики».

Всего лучшего, до скорой встречи

Искренне Ваш, М. Немировский (подпись).

P.S. На съезде были только Чикобава и Ахвледиани (как члены-корреспонденты), прочих лингвистов-кавказоведов не видал.

Прилагаю последнее мое произведение, оно пролежало два года в журнале «Вопросы языкознания» и превратилось по терминологии «вождей» в аннотацию, но и это далось не без боя (!).

**Г.В. Топуриа — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Грозный, 30.10. 1958**

Многоуважаемый Дошлуко Дохович!

Посылаю Вам «Библиографию», которая вышла у нас в Тбилиси. Книга не претендует на полноту. В частности, туда не вошли некоторые Ваши издания, ибо мы их здесь не нашли. Мы были бы рады Вашим замечаниям, пожеланиям и дополнениям.

Вместе с книгой посылаю Вам фотографии, сделанные еще весной в Махачкале. Здесь несколько экземпляров для Ошаева Х.Д. и Арсаханова (Арсаханов Исраил Абдугамидович, 1916–1989, историк, этнограф, филолог. — *прим. авт.*). Будьте любезны передать им эти фотографии и мои наилучшие пожелания. На днях вышлю для них и библиографию.

Примите мой сердечный привет. Желаю Вам долгих лет здоровья и жизни.

Отец (Варлам Трифонович Топуриа, представитель школы А.С. Чикобава. — *прим. авт.*) просит передать горячий привет.

С глубоким уважением, Гурам Топуриа.

М.Е. Лопухин — Д.Д. Мульсагову
Фрунзе — Грозный, 28.11. 1958

Здравствуйте дорогой Дошлуко Дохович!

Давно собирался написать Вам, но обстоятельства так сложились, что выбрать время не мог.

Обстоятельства таковы: последний год Матрена Ивановна стала себя чувствовать плохо, быстро начала худеть, лишилась аппетита, шалить стало сердце, сильные появились боли в ногах. В этом году отправили мы ее на курорт Иссык-Куля. Не прожила она и три четверти положенного времени. Пришлось ее оттуда взять: начала худеть, задыхаться, ноги перестали совсем слушаться. При последнем посещении я выписал ее и привез домой. Дома Лида принялась ее лечить, определили зоб. Выписали Юру. Вызвали Яковлева и точно поставили диагноз — зоб.

Сейчас Матрена Ивановна в Москве у Юры. В Москве была у двух профессоров, уточнили диагноз — узловой зоб. Нужна операция. До операции проходить подготовительную процедуру. Процедура долгая — месяца полтора. Теперь уже скоро должна быть операция. Делать будет операцию профессор Николаев — специалист (зобник). Операция не из легких. Матроне Ивановне 66 лет, сердце плохое, можно ожидать всего. Юра надеется, что операция пройдет счастливо. После операции, если ничего не случится, намерены ее поместить в санаторий, есть уже договоренность.

В лучшем случае, Матрена Ивановна будет во Фрунзе не ранее января-февраля месяца.

Как видите, дела не из блестящих!

Остальное все в порядке: Лида и Степан работают. Я кое-что тоже выполняю: написал учебник по грамматике для киргизских школ. На днях сдам в МНП.

Как Вы живете, больше года никаких сведений о Вашем житье-бытье не имею. Привет всей Вашей семье.

Посылаю Вам свой учебник по литературе. Кажется, вышел недурной.

Жму Вам руку и обнимаю.

Ваш М.Е. Лопухин.

Н.И. Штанько — Д.Д. Мальсагову
Хабаровск — Грозный, 1959

Дорогой Дошлуко Дохович!

Письмо Ваше меня, как всегда, и обрадовало, и тронуло. Спасибо за добрую память обо мне. Я очень дорожу ею. И Вы напрасно меня обижаете: все я не забыл и не могу забыть. Лучшие годы жизни моей связаны с Вашим именем. Как это забудешь?

Очень жаль, что мне не удалось побывать в Грозном. За три года впервые я попал в Москву. Договорился о командировке в Грозный. И вдруг все поломалось.

Знаете, что помешало? Все та же злосчастная поэма. Как рок какой-то висит она надо мною! Начальство, узнав о том, что в Грозном идет спор о судьбе моего непутевого детища, сочло неудобным в такой момент посылать меня туда. Чтоб я, видимо, не оказал своим авторитетом корреспондента правительственной газеты давление на решение этого вопроса, и заслали меня, раба божьего, в брянские и смоленские леса. Начальству виднее...

О поэме. Что вокруг нее происходит, мне приходится только догадываться. Чувствую, что вокруг нее разгорелись страсти, которых она, право же, не стоит.

По-видимому, у нее много если не могущественных, то, во всяком случае, упорных противников, и мне очень досадно, что Вам приходится ломать с ними копья.

Ткачева, а затем Колесников настойчиво уговаривали меня приехать в Грозный для того, чтобы решить вопрос: стоит ли поэму печатать. Я ответил, в частности, Колесникову, что, если и приеду в Грозный, то не для того, чтобы решать этот вопрос. Решить его можно и на расстоянии. Я потребовал, чтобы мне выслали экземпляр отредактированной поэмы и все критические замечания. Колесников выслал мне в Москву экземпляр поэмы, в котором я не увидел существенной правки, и рецензию Виноградова, в которой я не нашел существенных замечаний. На всякий случай я выбросил места, которые могли бы вызвать какие-то обвинения в «проповеди шариата» и в «местном национализме» (смешно, когда в этом обвиняют хохла!). Кстати, Колесников выслал мне и договор для подписания, предусмотрительно не подписанный издательством. Договор я подписал, замечания учел, выслал все тов. Колесникову. И с тех пор — ни слуху, ни духу обо всем этом. Не шлют мне и договора, подписанного издательством.

Откуда поэма появилась в плане — не понимаю! Вообще тут многое, если не все, мне не понятно. Если еще есть за что ругать поэму, так это за плохие стихи. Больше я ничего в ней не вижу достойного ожесточения, какое она, по-видимому, вызвала у кого-то.

Дошлуко Дехович, у меня к Вам последняя просьба относительно поэмы. Предполагается послать ее на рецензию в какое-нибудь авторитетное московское учреждение. И быть по сему! Разругают — заберите ее в архив. Одобрят — пусть издадут. Сколько можно держать автора в неведении и в таком двусмысленном положении!

Вообще, я когда-то дал слово: ни строчки никогда не печатать в Грозненском издательстве. Были у меня для этого веские основания. Много лет я держал это слово и, видимо, зря его нарушил.

Но довольно об этом. Что я думаю о своем будущем? Пора мечтаний и надежд как-то незаметно кончилась. Я уже хорошо знаю, что ни поэта, ни научного работника из меня не выйдет. Боюсь, что и в прозу поздновато уже пробивать себе дорогу. Да и нет уже тех стимулов, что были в молодости: честолюбия, уверенности в творческих силах, в произведении своем. Буду трудиться там, где от меня пока еще можно ждать какой-то пользы. Буду странствовать по белу свету, пока ноги носят, т. е. пока из газеты не выгонят за полную неспособность. А там пойду и в Музей... сторожем.

Дальний Восток очень хорош. Но, конечно же, не на всю жизнь. Веду сейчас переговоры с редакцией о переводе на запад, поближе к родным местам. Пока что начальство как будто идет навстречу.

Конечно же, мне очень хотелось бы работать сейчас в Грозном. Но вернуться туда в своем амплу невозможно, а другой работы я не вижу там. Водить экскурсию по Музею хорошо в 20 лет или уже в 50. А мне 1-го мая исполняется 40 — ни то ни се... Не передавайте только этого заведующему Музеем (Кстати, кто это? Надеюсь, не Белогуров?). Он подумает, что я пренебрежительно и по-свински отношусь к этому учреждению. А это не так. Музей для меня по-прежнему святое место.

Жаль до слез Гази. Хорошая большая душа у этого человека. И талант самобытный. Неужели ничего нельзя сделать? Может быть, стоит в больницу положить, попробовать вылечить. Что же он делает в Назрани? Кому он там таким нужен? У меня сердце кровью обливается, когда представляю себе его положение. Неужели ничего больше не рисует? Ведь единственный художник — гордость республики! Как все это грустно.

Не понятно, что у Вас получилось с домом. Куда же смотрел Горсовет, когда давал разрешение на застройку? Но, может быть, это только пугают? В Грозном много кварталов уже лет 40 подлежат сносу. Так что правнукам Лиды, может быть, еще только придется об этом беспокоиться.

Рад был узнать, что у Вас в семье все благополучно. Но хоть убейте — не могу себе представить Якуба в роли завуча и Булик (речь о Лидии Дошлуковне Мальсаговой, дочери Дошлуко Мальсагова. — прим. авт.) в роли сотрудника Института. Пока я соберусь в Грозный, чего доброго, внуки Ваши будут уже директорами издательства и деканами института.

Спасибо за привет моей семье. Жена моя Рита очень хорошо Вас знает и любит Вас, почти так же, как и я. Аленка у меня растет курносая и, на мой взгляд, некрасивая (мать, конечно, не согласна со мной). Но зато старается другим взять. В три года начала читать, хоть никто ее не учил этому. Сейчас ей уже 4 года, и мы начинаем подыскивать ей жениха заранее. А то, когда придет пора, наплачешься. Где их, женихов, взять! Вокруг нас сплошные девчонки растут. А внука понянить и нам охота.

Я много езжу. Весну эту, по-видимому, проведу в странствиях по Восточной Сибири. Побываю на Енисее и Ангаре, на Байкале и на берегах Ледовитого океана, в Якутске и Забайкалье...

Путешествия по новым местам — единственное, что никогда не надоедает. Широк мир вокруг нас, и каждый уголок его прекрасен по-своему.

Простите, что я отнял у Вас столько времени своим как всегда безалаберным и сумбурным письмом. Рад, что дорвался!

Желаю Вам здоровья, счастья, успехов в творчестве.

Привет сердечный всем Вашим чадам и домочадцам.

Ваш Н. Штанько.

Д.Т. Турсунов — Д.Д. Мальсагову
Ташкент — Грозный, 17.03. 1959

Дорогой Дошлуко Дохович!

До последнего времени не знал, где Вы работаете. Недавно в Москве случайно узнал, что в гостинице, где я остановился, был человек из Чечено-Ингушской АССР. И вот разыскал его и узнал у него, что Вы работаете в Грозном. Очень обрадовался. Ведь я с Вами и с Умаром всегда делился и советовался, и Вы всегда благосклонно относились ко мне. Так что нам связь держать стоит. Еще в свою бытность во Фрунзе Вы, наверное, от Умара и других фрунзенских слышали: я живу и работаю в Ташкенте, в СОЗПИ. Дела мои неплохие. Как жива-здорова Ваша семья? Как на «новом» месте устроились? В прошлом году еще я послал в Министерство высшего образования СССР, предварительно списавшись с ним, учебное пособие «Очерки методики русского языка в вузах с тюрко-язычным контингентом» объемом в 12 печатных листов. Вы, думаю, легко догадаетесь, как родилась эта книга. И вот недавно меня вызвали в министерство, обсудили в верстке эту книгу и одобрили ее. Она уже в гранках. Мне же было поручено (в ответ на мое предложение) составить программу по русскому языку для тюркоязычных студентов вузов. Я ведь работал над ней еще в 1952 г. по договору с министерством Казахской ССР.

С тех пор я все наблюдал, собирал факты из практики лучших педагогов и из личной, дополнял, переделывал и т. д. и т. п. И вот, наконец, в августе ее представил в Министерство высшего образования (обсудили ее предварительно на общегородской межвузовской конференции, специально созванной для этой цели в г. Ташкенте). Все приемлемые замечания я учел.

И вот недавно эту программу решили еще послать нескольким лицам для окончательного решения вопроса о ее судьбе. Один экземпляр пошлют Вам. Рецензии я получу через министерство.

Моя к Вам просьба: напишите, пожалуйста, мне самому или исправьте в тексте же программы, если обнаружите стилистические или иные неточности.

Буду ждать ответа с нетерпением.

Ваш Даригул.

Л.А. Дмитриев — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 11.06. 1959

Глубокоуважаемый тов. Д.Д.Мальсагов!

По поручению Д.С. Лихачева я ознакомился с Вашей статьей, посвященной темным местам «Слова о полку Игореве».

В ее теперешнем виде статья Ваша в «Трудах отдела древнерусской литературы» напечатана быть не может. Однако это не значит, что она не может быть напечатана вообще.

Прежде всего, трудно согласиться с Вашими замечаниями по поводу толкования таких фраз «Слова», как «дъски без кнеса» и «до кур». Поэтому эти статьи Вам придется убрать совсем. Ваши материалы по толкованию таких слов, как «Овлур», «Див», «уши закладаше», бесспорно, очень интересны, интересны также некоторые отдельные места в толковании слова «канина» и в «Отдельных заметках». Но их необходимо значительно сократить, теснее связать со «Словом», отбросив общие лингвистические положения, непосредственной связи со «Словом» не имеющие. Необходимо также значительно уменьшить цитирование. Введение надо опустить совсем, сказав лишь несколько слов о том, что не привлекавшиеся до сих пор данные кавказских языков дают материал для толкования отдельных мест «Слова».

После переработки своей статьи пришлите ее нам в редакцию «Трудов» не позже начала сентября месяца.

Наш адрес: Ленинград, Набережная Макарова, 4, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, Сектор древнерусской литературы, редакция «Трудов ОДРЛ».

По получении этого письма прошу Вас сразу же сообщить: будете ли Вы перерабатывать свою статью и пришлете ли ее к нам в переработанном виде к назначенному сроку. Сообщите, пожалуйста, Ваш адрес, имя и отчество.

С уважением, научный сотрудник Сектора ДРЛ,
кандидат филологических наук Дмитриев Лев Александрович (подпись).

Н.Г. Ахриев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 10.07.1959

Дорогой Дошлуко!

Очень извиняюсь за задержку и рукописи, и ответа на письмо. Причин этому было много: и моя беспорядочность во всем, и московские сумятицы, и толчея, и зачетно-экзаменационная пора, и т. д. и т. п.

Числа 15-го выеду из Москвы и, может, тебя уже в Грозном не будет, но если ты будешь где-либо в радиусе 100–150 км от Грозного, то я тебя навещу.

Более основательно о твоей работе поговорим на месте, пока же только скажу, что твоя статья «Об исторических связях...» мне по душе, с доводами твоими я не вполне согласен.

В основном я возражаю против того, что:

1) будто Тьмутараканское княжество возникло еще до Святослава Игоревича и что еще задолго (т. е. на несколько веков раньше 868 г. н.э.) восточные славяне, на равных началах с протоадыгами и адыгами, составляли основное население народов Кубани и, в частности, Таманского полуострова;

2) и по вопросу давности пребывания казаков на «землях», которое [нрзб], [нрзб] Су[нрзб]ся [нрзб] никак не позже первой половины XII в.

Вот против этих двух вещей в твоей работе я возражаю, воля же твоя, согласиться со мной в данном случае или нет.

Писать об этом не хочется, да и долго, и всего, к тому же, в письме не выразить [нрзб], поэтому отложим все до нашей встречи. Что же касается 2–5 главы о «Некоторых [нрзб] местах...», то я, конечно, остаюсь при своем прежнем мнении и убеждении: она превосходна, какую бы чепуху ни говорили и Лихачев, и Лосев, и «иже с ними».

Писать мне пока не пиши, а если нужно, то вызови для разговора по телефону. Привет всем членам твоей семьи, тебя же, по-прежнему, обнимаю.

Твой Мисост.

**Б.Н. Путилов — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 24.09. 1959**

Дорогой Дошлуко Дохович!

С большой радостью получил от Вас письмо. Может быть, Вас удивит, что я часто вспоминал Вас: и после 1944 г., и после 1956-го, всегда помнил о Вашем добром отношении ко мне.

По поводу Вашей просьбы: я беседовал с Д.С. Лихачевым и с Л.А. Дмитриевым, они ждут второй вариант Вашей статьи. Лев Александрович уже получил от Вас письмо, но рукописи еще нет, и он даже несколько встревожен, о чем и просит меня сообщить Вам. Как только рукопись будет получена, я с удовольствием прочту статью. Знаю, что она намечается редакцией «Трудов» для XVII тома (т. XVI уже в издательстве) и что срок представления работ — декабрь, так что Вы не опаздывайте.

Ваша работа идет «по ведомству» сектора древнерусской литературы, а я работаю в секторе народного творчества.

У нас тоже выходят ежегодники: «Русский фольклор. Материалы и исследования». Если бы у Вас могла создаться статья на тему о русско-кавказских фольклорных отношениях, об отражении русского фольклора в кавказской литературе и т. п., это было бы для нас интересно. Подумайте. Я помню, что Вы живо интересовались фольклором.

Мы печатаем статьи, так или иначе относящиеся к русскому фольклору или, в крайнем случае, теоретические работы общего порядка, важные и для русской фольклористики.

Вышли три тома, в производстве — еще два, а шестой (на 1961 г.) сейчас готовят под моей редакцией, он должен быть утвержден к печати в начале 1960 г.

Большой сердечный привет Вам. Кланяйтесь при случае всем, кто меня помнит.

Л.А. Дмитриев — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 03.10. 1959

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Я задержался с ответом на Ваше письмо из-за того, что лишь на днях получил Вашу статью.

Мне кажется, что в теперешнем виде статья стала лучше и от некоторого сокращения, проделанного Вами, только выиграла. По моему мнению, дальнейшего сокращения и переработки она уже больше не требует, может быть лишь самого незначительного, что мы сделаем здесь уже сами в порядке редакторской обработки статьи.

Вашу статью я передал редактору XVII тома «Трудов ОДРЛ» Н.А. Казаковой. Я высказал ей свое мнение о большом интересе и новизне Вашей статьи и передал также мнение Д.С. Лихачева о Вашей работе. (Он сейчас находится в творческом отпуске и поэтому XVII том «Трудов» не редактирует.)

Мне кажется, что как у редактора, так и у будущих рецензентов тома не может быть сомнений в необходимости опубликования Вашей, бесспорно, интересной и оригинальной статьи. Возможные же замечания частного характера будут, по всей видимости, вполне разрешимы в порядке редакторской работы над статьей. Во всяком случае все, что я смогу сделать сам, в порядке реализации возможных замечаний и пожеланий, я сделаю, и поскольку это зависит от меня, всячески буду отстаивать необходимость опубликования Вашей работы в ее настоящем виде без каких-либо существенных сокращений.

Вы не озаглавили свою статью. Это случайно или умышленно? Напишите, пожалуйста, об этом. Если Вы сами не решили, как ее назвать, то сообщите свои соображения на этот счет, а мы уже здесь, в соответствии с Вашими соображениями, озаглавим ее.

Не помню, сообщил ли Вам, что «Труды» безгонорарное издание и публикация Вашей работы гонораром оплачена не будет.

Ориентировочно XVII том «Трудов» должен быть сформирован к концу года, в первой половине 1960 г. утвержден к печати на Ученом совете Института и, если не будет никаких непредвиденных препятствий, выйти в свет к концу 1960, началу 1961 г.

Когда Ваша статья будет окончательно отредактирована, то мы ее перепечатаем заново на машинке, и я пришлю Вам один экземпляр для проверки.

С уважением, Л.А. Дмитриев (подпись).

Л.Б. Панек — Д.Д. Мальсагову
Пятигорск — Грозный, 14.10.1959

Здравствуйте, дорогой Дошлуко!

Шлю Вам привет из Пятигорска. Как видите, нас разделяет совсем маленькое расстояние, а в Ленинграде я планировала непременно заехать в Грозный, пови-

дать Вас и Тамару Тонтовну. Но здесь я неожиданно для себя связалась с ваннами, у меня очень болели ноги, и как будто бы это лечение помогает. Хотела приехать хотя бы с субботы на воскресенье, т. к. в воскресенье ванны закрыты, но оказалось, что в воскресенье утром мне надо было встать в очередь за билетом, иначе я рисковала бы не уехать своевременно в Ленинград, где мне обязательно надо быть не позже 12-го. Вот так мне и не удалось приехать к Вам в Грозный. Надеюсь, на будущий год это исправить. А, может быть, и Вы, наконец, выберетесь погостить к нам в Ленинград.

Дошло, у меня есть кое-какие книги на ингушском и чеченском языках. Прочитайте список и, если Вам что-нибудь нужно, то я Вам вышлю.

Очень была удивлена, что Вы не работаете в Институте. Думала, что приеду и узнаю все подробности, но к великой досаде не удалось этого сделать. Как Ваша диссертация?

Желаю Вам всего, всего лучшего.

Шлю привет Вашей семье.

Дошло, меня переселили на новую квартиру. Адрес мой: Ленинград, М-66, [нрзб].

Письмо я в Пятигорске не послала и увезла с собой в Ленинград. Адреса Тамары Тонтовны не знаю, поэтому прошу Вас передать ей письмо.

Правильно ли пишу Ваш адрес, тоже не знаю, а потому пишу письмо с обратным уведомлением.

**Н.И. Штанько — Д.Д. Мальсагову
Сахалин — Грозный, 16.12. 1959**

Дорогой Дошло Дохович!

Вот откуда довелось мне передать Вам горячий привет! С холодного далекого Сахалина. Спасибо, что Вы меня не забываете. Очень благодарен за телеграмму с поздравлениями. Да вот только моя непутевая цыганская судьба не позволила ответить сразу.

Все мечусь из одного края Дальнего Востока в другой. Пора, вероятно, уже и угомониться.

Получил книжечку (речь идет об изданной под псевдонимом Н. Сергеев поэме Н.И. Штанько «Солнце в крови». — прим. авт.), и грустно, и радостно мне было. Радостно потому, что оно все-таки родилось, мое злополучное детище. Горько потому, что оно такое неудачное, ничтожное, жалкое.

В печати поэма, на мой взгляд, выглядит еще слабее. Читал и за голову хватался. Хоть бы дали мне корректуру прочитать издатели. Может быть, хоть что-то поправил бы...

А вообще, честно говоря: не стоит поэма подметки Ханпаши и уж, конечно, непростительно мало сумел впитать ее автор из щедро открытой перед ним когда-то сокровищницы чечено-ингушского фольклора.

Ну, что бы там ни было, Вам большое спасибо за доброе отношение ко мне и снисходительное — к моим юношеским поэтическим грехам.

Грустно мне, Дошлоку Дохович!

Годы идут, и я никак не встречу с Вами. Все обещают перевести поближе к Кавказу, но так и не отпускают пока из этих прекрасных, но суровых краев. А ведь за три с половиной года один раз только был в Москве. И так отвык обращаться с начальством, что испортил единственную возможность попасть в Грозный.

Ну, ничего, я еще добьюсь такой возможности. И уже на этот раз не упущу ее.

Очень мне хочется отведать ингушского чурека. Горячего, с калмыцким чаем. Хлеб моей молодости. Самый вкусный и романтичный хлеб! И еще хочется посмотреть на возрожденные Назрань, Галашки, Шатой. А больше всего я мечтаю посидеть с Вами у камелька и поговорить по душам. Может быть, все иначе у меня сложилось, если бы мы не расстались так нелепо и дико...

Желаю Вам здоровья, счастья и творческих успехов.

Ваш Н. Штанько.

Передайте мой сердечный привет всем землякам, которые еще помнят меня.

**А.С. Чикобава — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Грозный, 28.12.1959**

Глубокоуважаемый Дошлоку Дохович!

Примите сердечные поздравления в связи с наступающим Новым годом. Желаю Вам лично и Вашей семье счастья и радостей (Вам особенно — радости творческого научного труда).

От Тамары Ивановны Вам большой привет и лучшие пожелания. Надеемся в 1960-м видеть Вас у себя. Приезжайте прямо к нам, минуя гостиницы и их негостеприимных администраторов.

С приветом, Арнольд Чикобава.

**Д.Ю. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 1959**

Дорогой Дошлоко!

Давно не имею весточки от Вас. Как живете, как здоровье? В каком состоянии находится докторская?

Почему я Вам так долго не писал, Вы узнаете из этого письма.

К моему сожалению, мне приходится ездить, быть представителем нашего Института на научных сессиях, в комиссиях и т. д. гораздо больше, чем это положено ученому. Это мое несчастье, в известной мере, ибо это мешает работать. Правда, участие в местных научных сессиях, как и в центральных, приносит и пользу

большую. Однако всему должна быть мера. Жаль, что не всегда удается всем нам считаться с этим.

В феврале я был на дискуссии в Ленинграде; в марте, апреле и первой половине мая болел, лечился, отдыхал. Вторую половину мая и первую половину июня провел в Азербайджане и Армении в качестве члена комиссии Президиума АН СССР по ознакомлению с научной деятельностью академий этих республик (о чем я Вам уже писал). В сентябре принимал участие в работе научной сессии Адыгейского научно-исследовательского Института в Майкопе, где выступил с докладом на тему «П.К. Услар и некоторые вопросы комплексного изучения истории, языков и этнографии народов Кавказа». Там был А.С. Чикобава. Вспоминали Вас, говорили о Вашей докторской диссертации.

В начале сентября опубликовал статью об Усларе и его трудах в «Дагестанской правде». Из Майкопа поехал в Азербайджанскую ССР для сбора материала по [нрзб] языкам (в частности, по будухскому языку, в будущем году завершу монографию по этому языку, монография «Хиналугский язык» уже завершена мною). Проездом был в Грозном. О своих впечатлениях более подробно напишу следующий раз. В конце октября, когда возвращался из Азербайджана и Дагестана, вынужден был принять участие в Научной сессии Кабардинского научно-исследовательского института в г. Нальчике. Там тоже вспомнили Вас. Т. Абитов (из Нальчика), Кулаев Н.Х. (из Орджоникидзе) и другие просили передать Вам привет.

В начале ноября вернулся в Москву.

Как видите, слишком много приходится ездить. Тем не менее я должен был вовремя переслать Вам книги.

Высылаю Вам русско-аварский словарь и свою статью с большим опозданием, за что прошу извинения.

Напишите, пожалуйста, о своей работе.

Готовим совещание по кавказоведению. Пригласим Вас непременно. С большим удовольствием читаю нашу газету.

Маршала членам Вашей семьи!!

Привет друзьям и товарищам!

Будьте здоровы и счастливы!

Желаю Вам успешного завершения работы над диссертацией!

Наши шлют Вам привет. С приветом, Ваш Ю. Дешериев (подпись).

**Л.А. Шейман — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 1960**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом и желаю самого хорошего здоровья. От Вас давно ничего нет, а я очень радуюсь, получив Ваши весточки. Наш журнал в этом году возродился, вышло уже три номера. Ваш и мой учитель дал две статьи.

Прислать ли Вам что-нибудь из этого? Мама и все наши сородичи приветствуют Вас.

М.А. Салмина — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 05.01.1960

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Посылаю Вам экземпляр Вашей статьи, отредактированный Л.А. Дмитриевым, с тем, чтобы Вы тщательнейшим образом прочитали ее, внесли поправки, вывели бы по источникам все употребленные в ней цитаты (за исключением цитат из летописей, мы их проверили) и выписали бы на полях все иноязычные слова. Последнее важно будет в дальнейшем для издательства, как бы в этих словах они не наделали бы ошибок. Кроме того, проверьте, пожалуйста, сноски 7, 8, 9, 11 — как правильно называется журнал, год его издания, выпуск, страницы.

После выверки и исправления пришлите, пожалуйста, этот экземпляр статьи нам обратно и как можно скорее.

Д.Ю. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 14.01.1960

Дорогой Дошлуко!

Благодарю за письмо. Рад, что Вы собираетесь вернуться в институт...

Летом, когда я был в Грозном, оставляя свою фонетику, я просил дать Вам ее для ознакомления и критических замечаний. В сентябре прошлого года (поскольку она не была сдана в печать) я просил прислать мне рукопись для включения в нее экспериментального материала.

Я полагал, что Вы ознакомились с фонетикой... 27 декабря я вернул им рукопись (через тов. Сагаева).

30 декабря она была получена в Грозном и сразу же передана в типографию (поскольку в свое время она не была издана). Так мне сообщили из института. В этих условиях мне хотелось бы, чтобы редактором этой работы был специалист по общей и экспериментальной фонетике. Один из крупнейших специалистов по английской фонетике, а также по общей и экспериментальной фонетике, проф. Г.П. Торсуев, который рецензировал мою «фонетику» и написал отзыв о ней, дал согласие редактировать (быть ответственным редактором) ее. Об этом я сообщил институту. Не знаю, какое решение там будет принято (в институте).

Если хотите, то пришлю Вам свой (второй) экземпляр. Однако сейчас у меня к Вам другая просьба. Я закончил «Сравнительно-историческую грамматику нахских языков». Объем около 20 печатных листов. Мы хотим прислать Вам на официальный отзыв. Кроме того, мне хотелось бы просить Вас написать мне об этой

работе более подробно после того, как ознакомитесь с ней, особенно в той части, которая касается ингушских материалов. В конце марта работа должна быть утверждена к печати. Пожалуйста, учтите, что это первая сравнительно-историческая грамматика не только по одной из групп иберийско-кавказских языков, но и по другим неславянским языкам СССР.

Скоро в журнале «Вопросы языкознания» появится хорошая рецензия на мою работу «Развитие индописьменных языков народов СССР». В ряде союзных и автономных республик уже опубликованы очень хорошие отзывы (в частности, в Дагестане). Кроме опубликования рецензий на мои труды: «Бацбийский язык», «Грамматика [нрзб] языка», получаю восторженные отзывы об этих работах от советских и зарубежных авторов (например, от Боуда, А.С.Чикобава, [нрзб], И.И. Мещанинова и др.). Также отзывы опубликованы о моих двух книжках, изданных в Индии и Индонезии, индийской и индонезийской печати. К моему удивлению, широкий отклик специалистов по общему языкознанию получила моя статья «О специфике проявления абстрагирующей роли грамматики в системе грамматических классов». Не знаю, удастся ли Вам ознакомиться с этой литературой. В этих отзывах и рецензиях есть и доброжелательные и поучительные замечания, советы, новые интересные мысли. Только на моей Родине «хранят» гробовое молчание, вероятно, потому именно, что у нас слишком много ученых, писателей, печатающихся в местной, центральной и зарубежной печати...

Как дела у Якуба? Собирается ли он в аспирантуру по истории? Напишите, пожалуйста, чем я могу быть полезным ему. Привет Вашей семье.

Крепко жму Вашу руку, Юнус.

**П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 24.01.1960**

Дошлуко Дохович!

Хотя точного адреса не знаю, но думаю, что письмо найдет Вас.

Примите это мое сочинение в память от греческого ученика Вашего. Хотя я за школьной партией у Вас не сидел, но ведь ученики Сократа, например, тоже не сидели за партией.

Вы мудрый и редкий учитель, а я, честное слово, Дошлуко Дохович, был прилежным учеником.

Вот только сейчас уж очень далеко Вы отсюда.

Настоящее сочинение, по-видимому, последнее, заказано было и дозволено по инерции от первой книги. А не будь Вашей умелой и доброй руки, не увидела бы свет первая. Так что и по этой книге я Ваш должник.

Вы теперь заняты лингвистикой, и читать методики Вас, конечно, не тянет. Но если захотите узнать, что же сотворил сей грек, то прочитайте только четырнадцать страниц: 54–66, 84 (последние два абзаца), 86 (последние 8 строк), 226–227.

Низко кланяется Вам моя Ольга. Желаем Вам здоровья и многих светлых лет впереди.

Я должен Вам шампанского, помните? Давайте разопьем его с Вами в день Вашего столетнего юбилея.

С глубоким уважением, Ваш П. Харакоз (подпись).

P.S. Если что по здоровью нужно, обязательно со мной посоветуйтесь. П.Х.

**И.М. Матюшков — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 25.01. 1960**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Сегодня (25.01.60 г.!) меня порадовали Вашим письмом. Письмо, переданное Фирой (Оздоева Фируза Гиреевна. — *прим. авт.*), мне вручила одна девушка, работающая в отделе кадров университета. Фиру до сих пор не видел.

Очень жаль, что до меня не дошли Ваши письма. Вы пишете, что писали мне уже дважды. Поверьте, я не видел ни одного из этих писем.

Не думайте, что я забыл Вас.

Нет, Дошлуко Дохович, я не могу этого сделать. Я считаю себя многим Вам обязанным. Вы один из немногих людей, которые в трудное для меня время отнеслись ко мне с доверием и теплотой.

Благодаря Вашей поддержке я смог получить образование.

Это были дни горести не только для меня, но и для целых народов. Они останутся черной полосой не только в биографиях высокопоставленных сукиных сынов, но навечно лягут позором в историю нашего государства.

Слава Богу, что все хорошо получилось! Моя личная жизнь круто изменилась в лучшую сторону.

После правительственной награды меня оформили в партию. Большую роль в этом сыграли мои чешские друзья, спасшие меня когда-то от смерти. Они мне часто пишут. Вы, я знаю, в свое время не одобряли меня за то, что я не женился. Поверьте, в то время я не имел на это права. Теперь я могу Вас порадовать. Я женился на одной умной девушке, враче.

С работой устроен плохо. Сейчас работаю методистом во Фрунзенском филиале ВЗФЭИ. В порядке почасовой оплаты совмещаю работу в университете и библиотечном институте. Занят постоянно, а толку мало.

Штатной работы в университете мне получить не удалось. Честно говоря, мне и не очень-то хотелось там работать, так осточертел он мне. Университет в моем понятии хуже п[нрзб]. В нем очень вольготно устроился Хор[нрзб] (подлец, которого Вы помните).

Желаю Вам от всей души здоровья, Дошлуко Дохович, и завершения своей работы. Привет всем Вашим людям, кто меня знал. Пишите, если будет время.

Ваш И. Матюшков.

М.Я. и Р.И. Немировские — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 04.02.1960

Дорогой Дошлуко Дохович!

Извините, если неправильно написал Вам имя-отчество. Но это неважно, правильно. Гораздо важнее, что Вы написали очень интересную, единственную в своем роде книжечку «О некоторых непонятых местах в “Слове о полку Игореве”». Ваша попытка объяснить эти непонятные места заслуживает серьезного внимания и особенно потому, что никому до сих пор не удавалось найти подходящих объяснений, а искать и найти их в вайнахских языках и в голову не приходило, а и кто знает эти языки, кроме их носителей.

Интересный материал можно найти в недавно опубликованном первом томе Историко-этимологического словаря осетинского языка В.Н. Абаева, где много сравнительно-этимологических сопоставлений кавказских, в том числе и вайнахских языков. Если Ваша книжка есть оттиск какого-то сборника, хотелось бы получить его.

Вы знаете, конечно, что Халид Дадаевич Ошаев должен был опубликовать мой очерк по обзору кавказских языков, и мне будет очень обидно и жалко, если работа, стоившая мне много сил и здоровья, не увидит света.

Не можете ли узнать, как обстоит это дело и почему Ошаев молчит.

Вы, вероятно, знаете, как дела в НИИ и почему уже прошел год, а Ошаев молчит.

В заключение еще два вопроса: 1) нельзя ли где-то опубликовать мою русскую статью (1–1,5 печатных листа) по вопросам культуры речи; 2) известно ли Вам, что за 9 месяцев от нас ушли в вечность Леонид Петрович Семенов и Борис Васильевич Скитский?

Искренне Ваши, М.Я. и Р.И. Немировские.

Г.П. Сердюченко — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 17.02. 1960

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Обращаюсь к Вам по поручению Оргкомитета по созыву XXV Международного Конгресса востоковедов. Конгресс должен проходить в Москве с 9 по 16 августа текущего года. На Конгрессе будет работать специальная секция кавказоведения. Из докладов, поступивших от советских ученых на Конгресс, пока нет ни одного доклада по чеченской группе языков. Из ФРГ получена заявка на доклад «К изучению чеченской группы восточно-кавказских языков». Оргкомитет принял мое предложение просить Вас представить для Конгресса доклад на грамматическую или диалектологическую тему по чеченскому и ингушскому языкам. Можно, конечно, выступить и с докладом на другую тему, но желательно, чтобы она не была

очень узкой и фонетической. По фонетике уже представлено много докладов, а по грамматике, диалектологии, развитию литературных языков в советский период — почти нет.

Очень прошу Вас принять поручение Оргкомитета и срочно сообщить мне для передачи Оргкомитету тему Вашего доклада. Поощряются темы проблемные и обобщающие по содержанию. Доклад должен быть написан в объеме не больше 15–17 страниц на пишущей машинке через два интервала. Он будет переведен на один из европейских языков. На какой Вы считаете более целесообразным, напишите.

Доклад надо иметь в Москве, чтобы успеть его отредактировать, утвердить и напечатать, не позже, чем к 10 марта.

Я думаю, что у Вас имеется много уже готовых материалов, из которых Вы можете быстро отобрать для доклада.

Теперь о другом. Я совсем ухожу с работы в Академии Педагогических наук. По совместительству в Институте национальных школ АПН я заведовал сектором школ народов Кавказа. Необходим новый завсектором. Уже объявлен конкурс на это место в «Учительской газете» от 11 февраля. Не хотели бы Вы переехать в Москву и подать заявление на конкурс? В случае Вашего согласия можно было бы ставить вопрос и о квартире перед Президиумом Академии Педагогических наук.

Прошу подумать и об этом и, возможно скорее, сообщить мне и в Институт национальных школ (ул. Погодина, 8, директор — Иннокентий Васильевич Баранников).

Очень благодарю Вас за присланную Вами работу. Мне сообщили о присылке ее из Института национальных школ, но после поездки в Индию я болел и работы Вашей не смог еще прочитать. Завтра поеду в Институт и возьму Вашу работу. С удовольствием прочитаю ее.

Шлю Вам и Вашей семье сердечный привет и самые лучшие пожелания. Не собираетесь ли в ближайшее время быть в Москве? Если будете, обязательно заходите.

Мой адрес: Москва [адрес].

Адрес Института востоковедения и Оргкомитета: Москва, Армянский переулок, 2.

Ваш Г. Сердюченко (подпись)

**В.А. Васильев — Д.Д. Мальсагову
Пятигорск — Грозный, 20.02.1960**

Дорогой Дашлоко, простите, что я к Вам так обращаюсь, но я привык Вас так называть. Искреннее и сердечное спасибо за внимание и за память. Ваша книга по теме очень интересна, а по содержанию я еще затрудняюсь сказать, так как успел

лишь бегло с нею ознакомиться. Судя по первому впечатлению, она и со стороны содержания представляет большой интерес. В ближайшее время я ее проштудирую внимательно. Как Вы все, дорогие, старые друзья, живете? Как Ваше здоровье? От души желаю Вам, всей Вашей семье счастья, здоровья, успехов в работе и в жизни. Привет Халиду Дудаевичу, Орцо, с семьями, и Тамаре Тонтовне, и всем старым знакомым!

Всегда Ваш, В. Васильев.

С.В. Шервинский — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 24.02.1960

Уважаемый Дошлуко Дохович!

Нуреддин Гамбертович был так любезен, что принес мне Ваш милый подарок — брошюру о темных местах «Слова о полку Игореве». Пришлось мне опять пожалеть, что тогда нездоровье помешало мне присутствовать на Вашем докладе в нашей комиссии. С Вашим трудом я познакомился еще в рукописи, у Нуреддина Гамбертовича, а сейчас с тем же удовольствием перечитал ее. Особенно убедительны Ваши изыскания по поводу Овлура и Дива. Вопрос о Диве — это один из самых «проклятых» вопросов игореведения, и мне кажется, что Вами он разрешается, в сущности, неопровержимо. Интересно, что ряд лет тому назад я обратился с вопросом, кого следует понимать под «Дивом», к известному московскому зоологу, покойному профессору С.И. Огневу, и тот, без всякого колебания, мне ответил: «Это, конечно, удад». Совершенно уверен, что Сергей Иванович не знал того, что знаете Вы о мифологических основах понимания Дива как удада, но все же эта уверенность в устах выдающегося натуралиста примечательна. У меня лично есть, впрочем, одно недоумение, которое я рад был бы подвергнуть Вашему критическому разбору, а именно: удад распластается, припав к земле, когда чувствует опасность. Между тем в Слове обычно считают Дива олицетворением всякой «погани» (так считаете и Вы), и он выступает, стало быть, сторонником половцев, если не их прямым символом. По мнению комментаторов, Див предупреждает об опасности, грозящей степнякам, будучи сам на их стороне. Так почему же он «врѣжеса <...> на землю» не тогда, когда опасность грозила половцам, а наоборот, когда они одолели и беда обрушилась на русских?

Тут надо что-то додумать, и буду признателен, если Вы потрудитесь написать мне свое мнение по этому частному вопросу.

Ваша работа — одно из звеньев тех трудов, которые заставляют со всей настойчивостью признать, что без кавказоведения и, в частности, науки о Северном Кавказе и его языках мы уже и шагу ступить в изучении «Слова о полку Игореве» не сможем. Мне хотелось бы о многом побеседовать с Вами и с другими авторитетными лицами на Кавказе, поэтому не удивляйтесь, если весной я сам заявлюсь туда, в частности, в Грозный. Впрочем, если мое намерение начнет оформляться в реальность, я Вас своевременно извещу.

Примите же, Дошлуко Дохович, мою живейшую благодарность за книжку. А если оглашение в нашей Комиссии, как мне сказал Нуреддин Гамбертович, сколько-нибудь облегчило для Вас ее прохождение в печать, для меня сугубо радостно.

С искренним уважением и приветом, С. Шервинский.

**М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 27.02.1960**

Глубокоуважаемый и дорогой Дошлуко Дохович!

Обращаюсь к Вам с несколькими просьбами.

Во-первых, помогите в получении моих отдельных оттисков. Мне прислала Библиотека только три экземпляра «Известий» и ни одного отдельного оттиска, что лишает меня возможности послать кому-либо отдельный оттиск. Не могу же я посылать целый том Известий ЧИНИИ.

Во-вторых, ни Е.А. Бокарев, ни Ю.Д. Дешериев не прислали мне опубликованных ими в Москве работ. Не сможете ли Вы при случае намекнуть им, что я обижен ими. Конечно, вопрос щекотливый, и я не знаю, удобно ли Вам это сделать. Решите сами, Вам виднее.

Пока, кажется, все. Пишите!

Искренне Ваш, М.Я. Немировский.

P.S. Извините, что пишу на листке. Бумаги нет, а на улице дождь и ветер, и я рискую выходить в такую ненастную погоду. В Ростове весна приходит с большим опозданием и хорошо, если в апреле станет более или менее тепло.

Имеются ли у Вас оттиски моих более или менее новых работ (изданных после 1953 г.)? А в НИИ у Х.Д. Ошаева и в библиотеке?

**Г.П.Сердюченко — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 29.02.1960**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

На днях я послал Вам важное письмо на адрес Грозненского пединститута. Писал его, когда еще не знал Вашего домашнего адреса. От Вас нет ответа, и я беспокоюсь, получили ли Вы письмо. Очень прошу, если не получили, навести справки в пединституте и срочно прислать мне ответ (о докладе для Международного Конгресса востоковедов и о работе в Институте национальных школ Академии педагогических наук СССР).

С удовольствием одним залпом прочитал Вашу статью о «Слове о полку Игореве». Считаю, что статья Ваша солидно аргументирована и привлечет внимание специалистов.

Почему Вам не дать статью в какой-либо центральный журнал на эту тему? Об Овлуре, «Диве», Канине», «до кур», «волке-оборотне», «уши закладаше» и других написано очень интересно и убедительно.

Желаю Вам дальнейших творческих успехов. Над чем сейчас работаете? Жду Вашего письма и желаю Вам и Вашей семье полного благополучия.

Искренне Ваш, Г. Сердюченко (подпись).

**А.С. Чикобава — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Грозный, 14.03. 1960**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Вашу работу, любезно Вами присланную, получил. Касается она интересных вещей и, на мой взгляд, убедительна. Желаю новых успехов в Вашей научной работе.

Привет от нашей семьи.

С искренним уважением, Арнольд Чикобава.

P.S. Посылаю мои работы (если они представляют интерес), А.Ч.

**Л.А. Дмитриев — Д.Д.Мальсагову
Ленинград — Грозный, 15.03.1960**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Очень прошу Вас простить меня за столь долгую задержку ответа на Ваши письма ко мне: три дня тому назад сдал книгу в издательство («История первого издания “Слова о полку Игореве”») и только теперь немного освободился, до этого все время был страшно занят, так как только готовил книгу к сдаче в издательство.

Прежде всего, очень благодарю Вас за присылку мне своей работы. По правде говоря, я очень сожалею, что она вышла не в наших «Трудах» — как Вы знаете из моих писем, Вашу работу я ценю очень высоко и считаю ее очень интересной и ценной в «слововедении». К сожалению, теперь мы ее в «Трудах» напечатать уже не сможем. Я попытаюсь написать рецензию на Вашу книгу и опубликовать ее либо в «Трудах», либо в каком-нибудь периодическом издании, чтобы как можно больше людей узнало о Вашем исследовании.

Если у Вас есть еще экземпляры Вашей работы, то я посоветовал бы Вам послать ее следующим лицам, работающим в области изучения «Слова»:

- 1) Гудзию Николаю Каллиниковичу (Москва К-9, [адрес])
- 2) Двинятинову Борису Николаевичу (Тамбов [адрес])
- 3) Еремину Игорю Петровичу (Ленинград [адрес])
- 4) Ларину Борису Александровичу (Ленинград [адрес])

- 5) Лихачеву Дмитрию Сергеевичу (на адрес сектора древнерусской литературы)
- 6) Мещерскому Никите Александровичу (Петрозаводск [адрес])
- 7) Назаревскому Александру Адриановичу (Киев [адрес])
- 8) Позднееву Александру Владимировичу (Москва, Г-69 [адрес])
- 9) Ржиге Вячеславу Федоровичу (Москва [адрес])
- 10) Робинсону Андрею Николаевичу (Москва [адрес])
- 11) Стеллецкому Владимиру Ивановичу (Москва, Ж-28 [адрес])
- 12) Творогову Леониду Алексеевичу (Псков [адрес])

Все эти лица, как мне думается, вернее, я в этом уверен, с интересом ознакомятся с Вашими наблюдениями над «Словом».

Желаю Вам всего наилучшего.

С искренним уважением, Дмитриев.

**И.Ю. Алироев — Д.Д. Мальсагову
Панкиссия — Грозный, 16.03.1960**

Привет из Панкиссии!

Здравствуйте, дорогой Дошлако Дохович!

Вот уже десять дней я нахожусь здесь, в Панкиссии. Очень интересный диалект. Они сохранили очень много наших слов, исчезнувших из фонда литературного чечено-ингушского языка. Вот, например, я встречаю помимо таких форм, как беба аз (сделаю я), также интересные слова (например) хьюьнарк — глухарь; не знаю, как в ингушском, а в чеченском его называют «глухой голубь». Кроме этого, у них один предмет иногда носит от 4 до 5 синонимических названий (например, я встретил около 6 слов, обозначающих мешок).

Все это идет хорошо и гладко, только вот с синтаксисом не ладится, не нахожу ничего такого, кроме «место ца в употреблении с частями речи».

И вообще, нет, по-моему, значительных расхождений, не знаю, может быть, позже наткнусь.

Что касается моего устройства, то я живу у Вашего бывшего студента. Вы преподавали ему в Орджоникидзе. Не знаю, помните, или нет, Маргошвили Магомед Костиевич.

Он исключительно тепло встретил меня. Мы часто вечером вместе вспоминаем Вас. Вот только плохо одно, что они меня каждый вечер приглашают на свои «кейпи» (вечеринки). Все без исключения гонят самогон. У всех в доме вино. Получается так, что меня приглашают сразу двое-трое и из-за этого обижаются друг на друга. Я, было, пытался отказываться, но ничего не вышло. Всю теплоту к большой Чечне, они, вероятно, хотят выразить на «моей работе». Мне приходится из-за этого до обеда собирать материал, а после обеда обрабатывать. Вы, оказывается, были правы, когда говорили, что они мне этим гостеприимством будут несознательно вредить. Однако я лавирую и думаю, все будет в порядке.

Да, Дошлуко Дохович, я в вечер, когда Вас провожал из Махачкалы, слышал, что Вы опять начнете работу. Так я желаю Вам успехов и успехов. Вам быть там необходимо.

Тут около 40 девушек из одного села, они работают в колхозе после окончания десятилетки. Несколько человек хотят поступить к нам.

Много и много расскажу Вам, когда приеду.

С приветом к Вам и ко всей Вашей семье, Ибрагим.

**И. Лосев — Д.Д. Мальсагову
Грозный — Грозный, 18.03. 1960**

Уважаемый Дошлуко Дохович!

Мне поручено договориться с Вами и Халидом Дудаевичем о последнем сроке написания вводных разделов учебного пособия по истории чечено-ингушской литературы на русском языке.

Очень прошу Вас зайти в понедельник (20 марта) с 9 до 10-30 утра, или с 2 до 5 дня, или в другое удобное для Вас время; укажите, когда именно, чтобы я мог пригласить на это время и тов. Ошаева Х.Д.

**А.Е. Супрун — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 26.03.1960**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Очень тронут был Вашим письмом с лестной оценкой моей книжки. Большое спасибо. Слышал, что Ваша работа продвигается тоже вполне успешно.

С интересом познакомился бы с Вашей расшифровкой «Темных мест «Слова»», которая, говорят, вышла, но, к сожалению, у меня нет координат этой работы.

Скоро надеюсь послать Вам свою заметку о македонском переводе «Слова».

Если не считать замены Зенкова Рудовиным в должности заместителя декана, у нас после отъезда Тамары Тонтовны особых новостей нет.

С сердечным приветом, А. Супрун (подпись).

**Г.П. Сердюченко — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 29.03.1960**

Дорогой мой и глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Получил Ваше письмо почему-то с большим опозданием. Написано оно 4 марта, штемпель Грозного от 14 марта, а Москвы — от 19 марта.

Я получил его только 20 и сразу не ответил из-за нездоровья.

Сообщение о семантике грамматических классов в нахских языках готовьте обязательно. Но учтите, что на Конгрессе будет выступать с докладом о грамматических классах в языках Кавказа А.С. Чикобава. Хорошо будет Ваше выступление связать с его докладом. Тем самым будет развернуто обсуждение этого интересного вопроса. Текст своего сообщения присылайте как можно быстрее в адрес Секретариата Оргкомитета Конгресса на имя Игоря Михайловича Дьяконова. Я его уже предупредил.

Сам я на этих днях уезжаю на юг лечиться, так как чувствую себя очень плохо. Все больше дает о себе знать сердце и гипертония.

Конкурс в Институте нацшкол продлен еще до 20 апреля. Если есть желание переезжать в Москву, то шлите заявление в адрес директора Института Иннокентия Васильевича Баранникова. Обусловьте свой переход предоставлением квартиры.

Из-за нездоровья и заваленности различной работой не сумел продумать, что порекомендовать Вам в отношении Вашей, несомненно, интересной и научно-ценной статьи о «Слове». Послали Вы ее в Ленинград академику Лихачеву и члену-корреспонденту Адриановой-Перец? Если нет, обязательно пошлите. Думаю, что было бы очень важно написать и о фразеологии «Слова» в сопоставлении с фразеологией чечено-ингушских песен. Как с Вашей докторской диссертацией?

С удовольствием бы помог Вам организовать ее защиту.

Уезжаю на полтора месяца. Куда точно, еще не знаю, так как нет пока путевок. Адрес, на всякий случай, сообщу.

Желаю Вам и Вашей семье всякого добра и, паче всего, здоровья. Привет Вам от моей семьи.

Искренне Ваш, Г. Сердюченко (подпись).

**Н.К. Гудзий — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 16.04.1960**

Глубокоуважаемый Дошлоку Дохович!

Благодарю Вас за присланную мне книжку, Вашу работу о языке «Слова о полку Игореве».

Основная мысль работы: о возможности и вероятности отражения в образах «Слова о полку Игореве» воззрений, общих восточно-руссам и горцам Северного Кавказа, представляется мне неоспоримой. Прямые связи и непосредственные отражения в языке этих связей тоже не могут быть поставлены вне обсуждения, но просматриваются они не так ясно.

Я прочитал Вашу работу, не отрываясь, как волнующие стихи. Вполне убедительно Ваше объяснение происхождения имени Овлург и принадлежность этого героя «Слова» к горцам Северного Кавказа. Если признать, что Див — удад, то все

остальное во II очерке превосходно для объяснения «темного места», но я не убежден в исходном «уравнении». Очень хороши графы IV «До курь» и II «Уши закладаше», в VII важны соображения о Хоти. Наименее приемлемы для меня догадки о «Кнес = церковь» и «Канина» = маштак».

Если даже вычесть мало убедительные разделы, Вы сделали много для лучшего и более верного понимания ряда ценных мест «Слова о полку Игореве». За это Вам — Слава!

(подпись).

**А.В. Позднеев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 16.04. 1960**

Многоуважаемый т. Мальсагов Д.Д.!

Приношу благодарность за оттиск статьи из Известий НИИ истории, языка и литературы «О некоторых непонятых местах в “Слове о полку Игореве”». Я имел возможность сразу прочитать эту книгу.

Ценной ее стороной я считаю то, что Вы полагаете необходимым обратиться к этнографии для объяснения темных мест «Слова». Отдельные объяснения очень любопытны.

Недостатком книги является то, что для Вас единственным (или почти единственным) комментированным изданием была книга Орлова «О Слове о полку Игореве» (лучшего знатока «Слова»).

Между тем для нашего времени таким подведением итогов в изучении «Слова» является его издание в 1950 г., осуществленное АН СССР под редакцией члена-корреспондента Академии наук В.П. Перетц (комментатор Д.С. Лихачев), и обходить его никак нельзя.

Но надо иметь в виду, что сейчас «Слову» посвящаются труды буквально во всем мире, и игнорировать объяснения комментированных изданий зарубежных ученых (статьи Петерсона, Р. Якобсона — США и других), в последних по капельке каждый вносит что-нибудь новое, едва ли может считаться научным.

К сожалению, изучение носит более лингвистический характер, да еще на таких разных языках, в которых чувствуешь себя профаном.

Для Вашего сведения хотел бы сообщить, что не лишне бы упомянуть, что русские войска попадали на Кавказ еще в X в. и добирались до р. Курь, идя по побережью Каспийского моря. Это, кстати, было дважды. К сожалению, у меня сейчас нет под рукой научных книг, чтобы дать точные данные указания.

Остаюсь с благодарностью, проф. Позднеев.

И.П. Еремин — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 17.04.1960

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Оттиск Вашей статьи о некоторых темных местах «Слова о полку Игореве» получил. Сердечное спасибо! Статью прочел с большой пользой для себя. Она порадовала меня и тем, что к толкованию «Слова» Вы привлекли новый материал (языки и этнографию кавказских народов), и тем, что Вы здесь обнаружили подчас очень тонкое понимание текста «Слова», внутренней логики его поэтических иносказаний. Хочется от души поздравить Вас с несомненной удачей. Думаю, что мимо Вашей статьи, не посчитавшись с нею, не пройдет ни один комментатор «Слова».

Очень интересно и правдоподобно все написанное Вами об «Овлуре». То же следует сказать и о Вашей интерпретации «Дива». Жаль только, что здесь (имею в виду Ваши суждения о Диве) Вы не довели своего исследования до конца, не объяснили действий Дива, как они изображаются автором «Слова», и, в частности, не объяснили в свете Вашего толкования поэтического смысла фразы «уже врѣжеса Див на землю»; не доказали, что «див» — действительно в русском языке старое название удода, позже замененное новым. Вполне вероятным представляется мне Ваше толкование фразы «уши закладаше»: готов согласиться с Вами, что здесь «уши» — «ворота». Правда, пока признать это толкование прочно установленным фактом мешает то обстоятельство, что в словаре Срезневского не отмечено указанное Вами значение слова «ухо»; надо бы привлечь сюда данные диалектов русского языка; цитаты из Даля, приведенные Вами (с. 161), свидетельствуют, что поиски в этом направлении могут увенчаться успехом.

Отмечу теперь то, что кажется мне менее убедительным и даже совсем не убедительным.

Не могу согласиться с Вашим толкованием фразы «уже дьскы без кнеса в моем тереме...». Непонятно, почему автор «Слова», имея в виду «церковь» или «домовую церковь», употребил нерусское, еврейско-хазарского происхождения слово «кнес» (как вы полагаете), когда в его распоряжении были широко распространенные и в бытовом обиходе, и в литературе слова: «църкы», «церьквы», «църквица», «церковца». Если принять Ваше толкование, загадочны здесь и «дьскы».

Не убеждает меня и Ваше толкование выражения «до кур» (с. 147 и сл.) Почему нельзя выражение «великому Хрѣсови <...> путь прерыскаше» понимать в том смысле, что Всеслав добегал из Киева, из Тмутаракани еще «до кур», т. е. до рассвета, до восхода солнца, — предупреждая его восход, перебегая ему путь? Текст дает для этого все основания.

Очень точно Ваше замечание, что в том эпизоде «Слова», где речь идет о битве на Нежатиной Ниве, посмертная судьба Бориса Вячеславича противопоставляется посмертной судьбе Изяслава Ярославича (с. 158). Не убеждает меня только Ваше толкование слова «канина» по следующим основаниям: 1) если слово это

значит «упряжная лошадь», «маштак», непонятно словосочетание «зелену паполаму». Почему «зелену»? Почему автору здесь вообще понадобился этот эпитет? 2) вызывает сомнение и самый процесс образования «канина» от «конь», по типу «день» — «днина», равно как вызывает сомнение и самое существование в русском языке слов «канина», «кони́на» в указанном Вами значении. Все эти сомнения и несогласия, однако, ни в коей мере не клонятся к тому, чтобы умалить научное значение проделанного Вами ценного исследования.

С искренним приветом и наилучшими пожеланиями, И.П. Еремин (подпись).

**А.А. Назаревский — Д.Д. Мальсагову
Киев — Грозный, 18.04.1960**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Я очень признателен Вам за присылку статьи о некоторых трудных местах в «Слове о полку Игореве».

К сожалению, я сейчас так загружен чтением лекций, дипломными работами студентов (руководством и рецензированием), начавшимися уже зачетами и т.д., что совершенно не имею возможности с должным вниманием прочесть Вашу интересную работу (я бегло просмотрел ее) и поделиться своими соображениями по затронутым в ней частным вопросам.

Вообще же я считаю, что обращение к языкам и этнографии Кавказа при углубленном изучении «Слова» не только правомочно, но и желательно.

Может быть, мне удастся подробнее написать Вам уже по окончании этого очень трудного для меня семестра.

С искренним уважением, А. Назаревский.

**Б.Н. Двинятинов — Д.Д. Мальсагову
Тамбов — Грозный, 18.04.1960**

Многоуважаемый Дошлуко Дохович!

Очень тронут Вашим духовным подарком. С Вашей интереснейшей работой я бегло познакомился еще в январе месяце через Л.А. Дмитриева в Ленинграде. Сейчас я ее с большим интересом прочел, она меня захватила и во многом весьма убедила. Это искренне и не в порядке комплимента. Вы мне представляетесь человеком пытливого ума и большого сердца. К сожалению, я не могу быть авторитетным критиком Вашего исследования и причина тут одна: «Не колодец глубок, а веревка коротка». Без знания языка и культуры вайнахов точно судить о деталях затруднительно. Одно несомненно: смелое привлечение этнографии для объяснения отдельных темных мест «Слова» плодотворно. В связи с этим замечанием посылаю заметку свою, где одно «темное» место я пытаюсь просветить тоже с этно-

графической точки зрения. О Вашем исследовании я постараюсь дать небольшую заметку в нашей газете «Народный учитель» и пропагандировать ее среди студентов и знакомых любителей «Слова».

Пошлите оттиск профессору Федору Михайловичу Головченко. Он известный автор работ о «Слове» и, думаю, изучит ее. Его адрес: ст. Перловская, Московская область, [адрес].

Еще одно пожелание. В Париже живет и давно работает над «Словом» Сергей Николаевич Плаутин. Человек, преданный «Слову». Я ему посылаю иногда книги о «Слове» и, судя по его живому интересу и деликатному разбору этих книг, ему очень желательно, необходимо даже послать Ваше исследование. Пошлите, дорогой Дошлуко Дохович, старик будет рад. Кстати, Плаутин недавно издал в Париже «Слово» на русском языке (с интересными примечаниями), я дал о ней заметку, которая получила некоторую известность во Франции.

Его адрес: С.Н. Плаутину, [адрес], Париж, [адрес], Франция.

Мне было приятно получить Ваш подарок из Грозного, где я работал 3 года (до 1950 г.) в пединституте. У меня остались самые теплые воспоминания о Грозном, о Шатое, Ведено, Сержень-Юрте.

Сейчас там работают мои старые знакомые доценты: Б.С. Виноградов, А.И. Турнова и др.

Очень рад, что в Грозном, видимо, успешно работает Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт. Тяжелое прошлое позади. Впереди много работы, нужной и плодотворной.

Желаю Вам, далекий друг, тепла не натопленного, доброго здоровья и успехов, хороших и разных.

До скорой встречи, в которую верю.

Искренне Ваш, Б.Н. Двинятинов.

**Н.А. Мещерский — Д.Д. Мальсагову
Петрозаводск — Грозный, 20.04.1960**

Многоуважаемый товарищ Мальсагов!

Я был очень рад получить Вашу чрезвычайно заинтересовавшую меня книжку. Очень, очень благодарю за нее.

Мне кажется, что привлекаемый впервые Вами материал, несомненно, очень важен и плодотворно скажется на изучении языка «Слова о полку Игореве».

Особенно убедительными мне кажутся главы, посвященные Овлуру и Диву.

Что касается толкования слова «кнесъ», то оно все же вызывает недоверие к себе со стороны смысла. Само по себе появление этого слова в древнерусском языке из древнееврейского (каким был культовый язык иудео-хазар) мне представляется невозможным.

Это, конечно, не из греческого, а именно из древнееврейского языка. Древнееврейский [нрзб] <...> значит собирать, арамейский [нрзб] — собирать. В современном иврите это слово тоже имеется.

Из еврейского, а не из греческого, оно, по-видимому, могло попасть и в вайнахский язык.

Пока пишу наспех. Надеюсь где-нибудь и когда-нибудь встретиться с Вами лично и побеседовать подробно обо всем. Еще раз благодарю за книжку.

Ваш Н.А. Мещерский (подпись).

P.S. Шлю в ответ несколько своих последних работ.

**В.Ф. Ржига — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 25.04.1960**

Уважаемый Д.Д.!

Благодарю Вас за присланную статью. Я прочитал ее с интересом, но во многом никак не могу согласиться с Вами. Тем не менее, склонен думать, что некоторые объяснения Ваши обратят на себя внимание будущих комментаторов «Слова о полку Игореве».

С приветом. В.Ф. Ржига.

**В.А. Васильев — Д.Д. Мальсагову
Пятигорск — Грозный, 25.04.1960**

Дорогой Дашлуко (простите, что я по старой памяти так обращаюсь к Вам), от всего сердца поздравляю Вас и всех Ваших близких с светлым весенним майским праздником, с пробуждением новых творческих сил в природе и в человеке! Желаю новых удач в жизни, дальнейших успехов в творческой работе, сил, бодрости, счастья, многих, многих лет жизни. Передайте от меня самые искренние приветы старым друзьям, сотоварищам по работе, ученикам и всем, кто знает и помнит меня: Халиду Дудаевичу, Тамаре Тонтовне, Орцхо, всем, всем! Скажите, что я помню их всех всегда и буду всегда с теплым чувством вспоминать годы совместной работы.

Многая лета Вам всем! Всегда Ваш, В. Васильев.

**Н.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 09.05.1960**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Очень благодарен я и Роза Иосифовна за Ваш теплый первомайский привет и добрые пожелания. К сожалению, старость — не радость, и мы хвораем и болеем.

Роза Иосифовна занята хозяйством и очень утомляется без помощницы. Я нахожу удовлетворение в научной работе, которая увлекает и украшает жизнь. Нашими развлечениями служат газеты, книги (беллетристика) и телевизор. Так мы не замечаем быстроты, с которой уходит жизнь. Но эпоха замечательная и будет отраднее, если мы еще успеем проследить ее дальше.

Искренне Ваш, М.Я. Намировский.

Яков Михайлович с женой и сыном шлют Вам также свой привет.

К.Т. Лайпанов — Д.Д. Мальсагову
(адрес отправителя не установлен) — Грозный, 14.05.1960

Добрый час, Дошлуко Дохович!

Я несколько раз писал Тамаре Тонтовне. Но она мне не ответила. Я очень хотел знать о Вас, как здоровье, как Ваши дела, что нового?

Я работаю директором Института, получил диплом кандидата. Старую кандидатскую диссертацию превращаю в докторскую. Сейчас еду в командировку в Москву до 20.04.

На работе ничего, четвертая моя работа выходит из печати в этом году.

Выпускаем «Ученые записки» том V. Пришлите что-нибудь, с охотой напечатает. Мой сердечный привет Т. Тонтовне, Вашей семье.

С уважением, Лайпанов.

А.Е. Супрун — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 21.05.1960

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

С большим интересом ознакомился с Вашим исследованием некоторых темных мест «Слова». Наиболее интересны, по-моему, соображения о «диве», «кнесе», «куре». Ту задачу, о которой Вы пишете в конце статьи, работа, бесспорно, выполнила: привлечение кавказских параллелей явно нужно (хотя конкретные случаи и могут быть не бесспорны). Надо бы, чтобы работа обязательно попала в руки тех, кто специально занимается «Словом» (имею в виду, в частности, Отдел древнерусской литературы в ИРЛИ — Пушкинского Дома).

Посылаю Вам небольшую библиографию русистики в Киргизии. Л.А. Булаховский, возможно, болеет, на мою книжку он ответил только книжкой же, причем надпись была выполнена неверным почерком.

С приветом, А.С. Супрун.

Д.С. Лихачев — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 21.05.1960

Глубокоуважаемый коллега!

Спасибо Вам большое за присылку Вашей интересной работы. Отвечаю Вам с запозданием, так как был в Болгарии. Вернулся только что.

В Болгарии я получил также подтверждение Вашему толкованию «уши закладше», и собираюсь писать об этом заметку для Трудов ОДРЛ.

Кстати, в Болгарии Ваши работы не будут получены. Пожалуйста, пошлите отпечатки специалисту по «Слову о полку Игореве» Николаю Михайловичу Долевскому. Его адрес: Болгария, София, [адрес].

Не забудьте и некоторых других специалистов:

Якобсона Р.О., например: Prof. R. Jakobson. USA.

А.А. Назаревский — Д.Д. Мальсагову
Киев — Грозный, 05.06. 1960

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Позвольте, прежде всего, поздравить Вас с исполнившимся сегодня 40-летием Советской власти в Чечено-Ингушской АССР и затем уже перейти к деловой части письма. Я только на днях освободился от большинства дел, связанных с окончанием учебного года в университете, и не хочу задерживаться с ответом.

Я с большим вниманием прочитал Вашу работу и могу сказать, что она меня очень заинтересовала привлечением нового материала, рядом удачных сопоставлений, самым стремлением помочь разгадке отдельных «темных» мест «Слова о полку Игореве» и подкрепить его подлинность новыми соображениями.

Вполне согласен с Вашим мнением, высказанным в кратком «Введении», далее же располагаю свои замечания в порядке параграфов статьи.

1. «Овлур». Я не считаю автора «Слова» участником похода Игоря (вслед за Соловьевым я вижу в нем дружинника великого князя киевского Святослава, бывшего до 1180 г. черниговским князем), но это не мешает мне признать Ваши соображения относительно имени Овлура достаточно убедительными.

2. «Див». Интересным и заслуживающим внимания мне кажется вывод о том, что «Див-удод» во втором веке служил символом язычества, половецких (языческих) сил, враждебных Руси (с. 141 статьи). Особенно интересна биологическая подробность об удоде, хорошо объясняющая выражение «врѣжеса Дивъ на землю».

3. «Кнес». С Вашим объяснением не могу согласиться.

4. «До кур». И здесь Ваше объяснение мне кажется искусственным. Я понимаю это место так: Всеслав достигал Тмутаракани «до петухов», т. е. до восхода солнца, и т. о. перебежал путь солнцу, т. е. тот путь, по которому позже будет двигаться взошедшее солнце.

5. «Канина». Ваше объяснение, противопоставляющее увоз с поля боя Изяслава «ме... иноходци» и увоз убитого Бориса Вячеславича «на упряжной лошади», очень заманчиво. Но я (не будучи лингвистом) не берусь судить, насколько в «канине» можно видеть простую лошадь. Кроме того, текст «Слова» не говорит об увозе мертвого Бориса Вячеславича: слава (т. е. дело чести) привела его на суд и постелила зеленое покрывало (попону) на простую лошадь.

6. «Уши закладаше». Ваше объяснение (резюме на с. 162) принимаю целиком: Владимир каждое утро, опасаясь нападения, закладывает ворота — здесь чувствуется и героический оттенок, и это хорошо объясняется тем, что автор «Слова» — олегович, а не мономахович (я принимаю и это предположение Соловьева). Однако, слова «Того старого Владимира» (у Вас на с. 159) я отношу не к Мономаху, а к Владимиру Святославичу.

К с. 164 «дружину твою <...> птиц крылы приоде». Здесь образное выражение: птицы, слетавшиеся на трупы, опускавшиеся на них с распластанными крыльями, как будто одели их своими крыльями.

К с. 165. Сопоставление Троян — Тарам для меня неприемлемо.

В заключение могу сказать, что, на мой взгляд, работа Ваша интересна, полезна, она вызывает серьезное внимание к давним связям восточных славян с Кавказом и доказывает возможность успешного объяснения некоторых мест «Слова» данными кавказских языков и этнографии.

От души желаю Вам дальнейших плодотворных наблюдений над трудными местами «Слова».

Думаю также, что Вам все же следовало бы послать свою статью на суд кого-нибудь из видных лингвистов, занимающихся и «Словом». У нас в Киеве таким является академик АН УССР Леонид Арсеньевич Булаховский, директор Института языкознания, много лет изучающий «Слово» (Вы, вероятно, встречали его статьи). Писать ему можно на Институт: Киев, бульвар Шевченко, 14, Институт языкознания АН УССР им. А.А. Потебни, Директору Института Леониду Арсеньевичу Булаховскому.

Если будете мне еще писать, не откажите сообщить, откуда Вы узнали не только о моем существовании, но и об имени-отчестве и домашнем адресе.

И, заканчивая, я еще раз благодарю Вас за присланную работу, которую я читал с большим интересом и удовольствием и, может быть, смогу частично использовать в своих лекциях, говоря об изучении трудных мест «Слова».

С искренним уважением, А. Назаревский (подпись).

P.S. Надеюсь, что первое мое письмо — ответ от 18.05.60 г., Вы получили. А.Н.

Г.П. Сердюченко — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 18.06.1960

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Почти два месяца был на Юге, отдыхал в Крыму. Поэтому Ваше письмо получил с большим опозданием, лишь вернувшись в Москву. Конечно, сейчас уже поздно представлять доклад на Конгресс. Все сроки уже давно прошли, и Оргкомитет докладов больше не принимает. Очень жаль, что Вашего доклада не будет, у Вас очень ценный и малоизвестный материал. Теперь очень важно, чтобы Вы обязательно приехали на Конгресс и выступили там в прениях по любой интересующей Вас теме. Надо только уже сейчас прислать от Вашего Института заявку для получения пригласительного билета. Заявку следует адресовать Оргкомитету Конгресса (Москва, Армянский пер. 2) на имя председателя Оргкомитета XXV Международного Конгресса востоковедов члена-корреспондента АН СССР Б.Г. Гафурова.

Пока я ездил, обстановка в Институте национальных школ изменилась. Появился новый директор В.В. Решетов. Сейчас обсуждается вопрос об изменении структуры Института: взамен языковых секторов предлагают создавать проблемные группы. В связи с этим временно отпал и вопрос об избрании нового заведующего сектором. Я уже фактически не работаю в Институте. И лишь изредка захожу к ним на заседания Совета и доживающего свой век сектора.

Дорогой Дошлуко Дохович, Ваше письмо напомнило мне многое. Осенью в позапрошлом году я специально заезжал в Карачаевск, чтобы повидать Анну Тихоновну. От обстановки, в которой я ее нашел, от ее вида и бесед с нею осталось тяжелое впечатление. Действительно, как Вы пишете, чувствовалось, что дело идет к закату. А ее я хорошо представляю молодой, умной и очень трудолюбивой. Ведь вместе с ней я начинал составлять свои первые буквари и методические книжки. Судьба ее не баловала и мало принесла радости в жизни. Очень-очень жаль ее. У меня недавно был Хамид Лайпанов, он защитил диссертацию по истории, в которой, по-видимому, немало было труда и Анны Тихоновны.

Вы пишете о моей «неиссякаемой энергии». Была когда-то, но тогда еще было мало опыта и знаний. Сейчас это, конечно, возросло, но здоровья и энергии стало совсем мало. Кавказом я занимаюсь сейчас изредка. На плечах большая забота о своем зарубежном Востоке. Издаю большую серию «Языки зарубежного Востока и Африки», образцы которой посылаю Вам. Сам написал очерк чжуанского языка (Южный Китай) и часть очерка по китайскому языку, издаваемых в этой серии. Печатаюсь в «Проблемах востоковедения». Если в Грозном их получают, посмотрите номера 4 и 5 за прошлый год, в № 3 за этот год печатается моя статья о русской транскрипции языков зарубежного Востока. Печатался и в «Советском китаеведении» в 1958 г., сейчас журнал слился с «Проблемами востоковедения», где я являюсь редактором языкового отдела.

Очень хотел бы в неофициальной обстановке повидать Вас и поговорить искренне, по душам. Будете в Москве, обязательно заходите. У меня сейчас появи-

лась внучка Машенька, дочь Димы, родившегося в разгар жутких событий 1937 г. в Пятигорске. Он сейчас живет со мной и учится на 4-м курсе Инженерно-физического института в Москве, а невестка кончает сейчас Ростовский университет.

Будете в Москве, обязательно заходите. В Москве попросим Вас выступить и с докладом о «Слове». Всего, всего Вам доброго. Лучшие пожелания Вашей семье.

Глубоко уважающий Вас, Г. Сердюченко.

**А.С. Чикобава — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Грозный, 11.07.1960**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Отношение Чечено-Ингушского педагогического института о переводе студентов Адисултанова Т., Гайрбекова Ч. и Гайтукиева Р. на второй курс отделения кавказских языков филологического факультета с резолюцией проректора по учебной части проф. Мирианашвили М. передано декану филологического факультета «на оформление».

Для оформления потребуются заявления вышеуказанных студентов и справки о сданных предметах.

Деканатом резервированы места для Адисултанова Т., Гайрбекова и Гайтукиева Р. в студенческом общежитии.

Консультация со студентами Адисултановым Т. и Гайдбековым Ч. состоялась. Уточнено, какие предметы подлежат дополнительно к сдаче и к зачету в начале сентября.

Желательно, чтобы заявления со справками были присланы теперь же, примерно до 20 июля.

С приветом, Арнольд Чикабава.

**М.Е. Лопухин — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 24.07.1960**

Привет, дорогой Дошлуку Дохович!

От Вашего бывшего секретаря узнал, что Вы поручили ему сообщить Вам о нашем, Лопухинском, житье-бытье.

С большой охотой я сам Вам напишу обо всем, что нового в нашей семье.

В доме у нас экстраординарный случай: 13 февраля 1960 г. Лидия Михайловна родила девочку. Назвали девочку Лидой в честь матери. Причиной этому имени: мать разродиться не могла, сделали кесарево сечение, девочку извлекли. Лидия Михайловна получила инфекции, заражение грозило гибелью. Горячее участие принял Гиматуллин, он прямо-таки выхватил Лиду из пасти смерти. Сейчас Лидия Михайловна жива и здорова. Вам шлет горячий привет — она до сего времени питает к Вам самое теплое чувство.

Девочка родилась очень крупной — 5 кг 400 г. Родилась с зубом. Сейчас девица очень занятая: родных отличает от посторонних, играет в игрушки. Родные, в числе их и я, избаловали девчонку — любит сидеть на руках и чтобы с ней ходили по улице. Она в это время глядит, как двигаются автомобили, идут люди — вообще очень наблюдательная девчонка.

Второй случай: может быть, Вы знаете, Матрене Ивановне сделали операцию, вырезали зуб. Зоб был очень опасный, она таяла на глазах.

Пришлось срочно отправить в Москву, и там очень удачно ей провели операцию. Долго была энергичной, деятельной, но потом стала жаловаться на полость живота. Пришлось взяться за нее как можно суровее. Оказалось — киста. Здесь, во Фрунзе, в родильном доме сделали операцию. Сейчас двигается, рана еще немного болит, но чувствует себя бодро.

Была и у меня операция, но моя операция в сравнении с другими легкая: мне вырезали моего рака и провели пластическую операцию. Глаз теперь стал приличным, но зрение слабеет. Может быть это нормально, но я все-таки пойду к врачам. Не хочу слепнуть.

18 сентября будет 73. За год я написал учебник за 5 класс по новой программе. Министерство утвердило, Институт педагогики, секция русского языка к учебнику подходили придирчиво. Учебник выйдет из печати в начале августа. Пришлю Вам один экземпляр.

Сейчас ко мне прикомандировали двух соавторов: Исагулова — учитель из Джеты-Огуза и т. Бочкареву.

Будем втроем исправлять или портить. Скорее будем портить, ибо установка «Секции»: произведения сократить и адаптировать словами из списка обязательного минимума. Вероятно, разделаем так произведение, что автор и сам его не узнает. Но такова воля «Секции».

Вообще, «Секция» считает, что учебник надо назвать «Книгой для чтения» и что в 5 и 6 классах киргизских школ следует проводить объяснительное чтение.

Вот все, что за этот отрезок времени случилось в нашем доме. Правда, забыл отметить, Юра написал докторскую диссертацию, в августе-октябре будет защищать. Сейчас он отдыхает в братской республике. Миша занят и даже не может приехать к нам.

Но не исключено, что могут приехать и Юра, и Миша.

Лето было скверное, холодное и дождливое, как и весна. Урожай фруктов плохой. Только в последнее время температура стала доходить до 30.

Крепко Вас обнимаю. Привет всем, всем нашим.

М. Лопухин (подпись).

Лида и Матрена Ивановна часто Вас вспоминают. Ст.Ст. шлет привет.

Напишите Ваш адрес.

Къазий — Д.Д. Мальсагову
(адрес отправителя не установлен) — Грозный, 03.09.1960

Салам алейкум, Дошлуко Дохович!

Позже напишу подробное письмо, сейчас хочу сообщить кратко о том, что Вы пишете.

Оба парня, о которых Вы пишете, мне понравились, они вполне могут оправдать Ваши надежды. Во время сдачи экзаменов, конечно, поможем — нам так нужны кадры... Спасибо Вам за заботу о воспитании национальных кадров.

Единственный тормоз на пути к цели: у ребят нет двухгодичного стажа (а без этого здесь на гуманитарное отделение не принимают). Если Министерство высшего образования (в порядке исключения) разрешит этот вопрос положительно, то здесь навстречу пойдут.

Желаю Вам здоровья, счастья в жизни, успехов в работе.

Салам всей семье, родственникам.

Якубу напишу.

До свидания, Къазий.

П.И. Балтин — Д.Д. Мальсагову
Карачаевск — Грозный, 03.10.1960

Дорогой Дошлуко Дохович!

Давно уже не писал я Вам. Были на то очень веские, уважительные причины. Бандероль с Вашей весьма интересной статьей застала меня в больнице, где я пролежал четыре месяца.

Летом прошлого года, перед тем, как Вам приехать в Черкесск, я был в Гаграх и почувствовал сильную чувствительность своих глаз к яркому солнечному свету. Месяца через два (я заметил это во время пребывания в экспедиции) эта чувствительность достигла степени светобоязни. Левый глаз стал видеть так, как обычно все видят в густом тумане. Врач в Черкесской поликлинике успокоил меня, полагая это следствием близорукости. Но через полгода это же самое постигло и правый глаз. Я обратился к опытному доктору, заслуженному врачу РСФСР, — это привело меня к больнице. Но пребывание там не помогло. Я ездил в центральное исследовательское учреждение по глазным болезням, в институт им. Гельмгольца в Москве, и получил очень мрачный прогноз: должен ослепнуть и потом лечь на операцию, которая может быть и неудачной. Созревание катаракты (это уже четвертый диагноз) может длиться годами. Слепоты предотвратить нельзя. Я вынужден был оставить исследовательскую работу и перейти в Педагогический институт.

Теперь живем вместе с Марзией Закировой, дочь в Нальчике, на 2-м курсе университета, изучает английский язык.

Я так же, как и Вы, давно пережил неприятные фрунзенские впечатления и теперь вспоминаю тот уютный и милый город только добром. Ныне я знаю, что там осталось у меня друзей ничуть не меньше, чем недругов. Недавно получил оттуда библиографические указатели по киргизской литературе — приятно было во многих местах встречать свою фамилию: все же что-то от моей работы осталось там.

Там много новостей. Президент АН — Каражев, ректор КГУ — Табышалиев. Основная масса моих неприятелей вновь попала в недоброе для них постановление ЦК республики.

Один кавказец еще во Фрунзе как-то сказал мне: «Один трус не имеет врагов!». Это, наверное, истина. Пришлось мне в прошлом году выступить в защиту карачаево-балкарских народных песен о Кавказской войне. С тех пор горцы в области и в Балкарии стали моими доброжелателями, а казаки и великодержавцы, естественно, противниками. Что же делать? Без всего этого не прожить: очень уж остры противоречия в нашей жизни.

Мне также хотелось бы увидеться с Вами. Надеюсь, что это произойдет, и в недалеком будущем.

Искренне Ваш, П. Балтин.

**Н.С. Тахо-Годи — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 11.10.1960**

Здравствуйте, дорогой Дошлуко Дохович!

Я получила от Халида Ошаева том «Известий» с Вашей статьей и очень благодарю за любезный автограф. Вашу работу я прочла с большим интересом. Прекрасный слог, строгая логичность позволяют и не специалисту читать с громадным удовольствием. Накопленные научные данные и большая библиография делают этот труд заслуживающим серьезного внимания. «Овлур», «Див» и «До кур» меня прямо поразили.

Я снова проштудировала «Слово» и теперь вторично перечту Вашу работу. Как грустно, что нет Леонида Петровича, который бы достойно оценил ее. Я же могу только еще и еще раз поблагодарить Вас и пожелать здоровья и сил для продолжения дальнейшей научной работы. Не забывайте нас и, когда будете в Орджоникидзе, загляните к нам.

Глубоко Вас уважающая, Н. Тахо-Годи.

**П. Пожидаев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 14.10.1960**

Многоуважаемый товарищ Мальсагов!

Я являюсь автором большой исследовательской работы «Кавказская тамга и славянская глаголица», содержание которой — происхождение древнерусского докирилловского письма. В ней я доказываю, что это письмо пришло к нам не через греков, а через посредство древних кавказских иероглифов.

Работа эта была признана настолько значительной по своему содержанию, что Главнаука присудила мне за нее премию и за нее я получил звание профессора.

Академия наук СССР дважды заключала со мной договор относительно напечатания этой работы, но Отечественная война, и связанные с ней затруднения (например, отсутствие бумаги), и важные неотложные задачи задержали это напечатание, и договор был аннулирован. Позднее, чтобы облегчить напечатание, я сократил работу в несколько раз (выбросил большую часть иллюстративного материала), доведя ее до размеров двух печатных листов.

Будучи в 1949 г. в городе Ставрополе, я сделал там, в Педагогическом институте, доклад, в котором изложил содержание моего труда и мою точку зрения на происхождение древнерусского письма. Трудом моим заинтересовался, в числе других научных работников, доцент Педагогического института Андрей Васильевич Попов, который предложил мне свое посредничество для напечатания работы в одном из печатных органов Ставрополя. Несмотря на старания и добрую волю Андрея Васильевича, ему до сих пор не удалось продвинуть в печать мой очерк. Меня же постигла беда — я ослеп и на время потерял возможность принимать меры для напечатания моих работ вообще и вышеназванной в частности.

В сентябре этого года Мария Михайловна Невтонова (Ваша бывшая сослуживица и сотрудница при кафедре языкознания Педагогического института в г. Орджоникидзе), которая теперь живет у меня и помогает в работе в качестве секретаря и чтицы, была в Ставрополе, виделась там с А.В. Поповым. Последний говорил ей, что, будучи в Грозном, он беседовал с Вами о моей работе, которой Вы якобы заинтересовались, собирались написать мне. Письма от Вас я не получил и решил первым написать Вам и завязать с Вами отношения.

Если Вы действительно заинтересовались моей работой и считаете, что есть перспективы для ее напечатания в Грозном, я готов прислать ее Вам для просмотра и дальнейшего соответствующего продвижения.

Буду ждать от Вас ответа.

Мой адрес: Москва Б-64.

Профессору Пожидаеву Василию Павловичу.

Если Вы увидите Мурата Муратовича Базоркина, передайте ему мой привет.

Я помню его еще мальчиком, своим учеником. Передайте также привет товарищу Пономаревой и поблагодарите ее за любезность по отношению ко мне.

Вам шлет привет М.М. Невтонова, надеюсь, что Вы помните ее.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь преданный Вам, В. Пожидаев.

**Н. Тахо-Годи — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 03.11.1960**

Дорогой Дошлако!

Примите от нас самые сердечные поздравления с праздником (7 ноября).

Я посылала Вам <...> письмо со всеми впечатлениями о Вашей статье по «Слову о полку Игореве». Очень интересен перевод его у Пушкина и комментарии. Некоторые совпадают с Вашими.

Всего лучшего.

Н. Тахо-Годи.

**Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 06.11.1960**

Дорогой Дошлуко!

Сердечно благодарю за теплое письмо. Для меня очень важно Ваше мнение о «Фонетике» моей. Буду Вам очень признателен, если сообщите свои конкретные замечания. К сожалению, я сам до сих пор не получил своей «Фонетики». Написал в министерство. Надеюсь, что скоро получу.

Фонетика наша настолько слабо разработана, что выполненная мною работа нуждается в дополнении и расширении. Сожалею, что в «Фонетику» включены очень скудные общие сведения. Вместе с тем не включен экспериментальный материал.

Вопреки существующему мнению наши языки дают очень богатый и совершенно новый материал для разработки проблем общей фонетики: о принципах определения фонемы и фонемного состава конкретного языка в синхронном плане, о консонантизме и вокализме.

Хотелось бы узнать, заметили ли товарищи, какие звуки, выступающие нередко в функции фонем, не выделены мною и почему.

В более углубленной и детальной разработке нуждаются разделы, посвященные открытым и закрытым гласным. Особо должен быть разработан вопрос о геминированных согласных. Поэтому я и оставил его открытым, т. е. ограничился постановкой этой проблемы. Ведь для наших предшественников эта проблема не существовала. Хотелось бы более подробно разработать вопрос об ударе, но объем работы и время не позволили. А ведь много материалов для более развернутого изложения этих вопросов мною собрано.

Обо всем поговорим при встрече.

Очень хорошо, что Ваша дочь собирается продолжить Ваше дело (речь о Лидии Дошлуковне Мальсаговой. — *прим. авт.*). Вы будете иметь возможность передать ей свои знания и большой опыт. Если я смогу быть Вам в этом деле чем-нибудь полезным, то прошу сообщить мне об этом.

Сын Д.Д. Мальсагова Якуб Мальсагов (во втором ряду четвертый справа) со своими учениками. Грозный, 1960 г. Личный архив Л.Д. Мальсаговой

А как дела у Якуба? Поступил ли он в аспирантуру? Что помешало? Скоро ли представите диссертацию?

Моя «Сравнительная грамматика нахских языков» лежит из-за того, что я до сих пор не закончил теоретического введения. Ее можно было бы издать и без этого введения. Но мне очень хочется, чтобы она вышла из печати вместе с этим «введением». Как только закончу это введение, пришлю Вам на просмотр и критику. Лето у меня было очень тяжелым во всех отношениях. Из-за этого осталась незавершенной «Сравнительная грамматика». Вы, очевидно, знаете, что у нас новый директор — член-корреспондент АН СССР А.А. Серебрянников — прекрасный ученый.

Большой привет Вашей семье. Крепко жму руку, Дешериев (подпись).

**Л.Б. Панек — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 09.11.1960**

Здравствуйте, дорогой Дошлуко!

Вот уже более двух недель, как я приехала из Грозного. Ехала в поезде очень хорошо. В Москве зашла в Институт языкознания, застала одного Дешериева (Бокарев был в Дагестане). Он был очень приветлив. Работа Анатолия Несторовича, хотя и стоит в издательском плане 1961 г., но никакой гарантии, что ее не снимут опять с плана, нет. Живые сильнее мертвых. Была также у Абаева. Здоровье его стало лучше. Он начинает понемногу ходить, и, вероятно, в этом месяце его выпи-

шут. Хотят его отправить в санаторий в Крым, но ему уже надоела больничная обстановка, и он сопротивляется, просил передать Вам привет.

Живу дома с Борей, хорошо. Галя придет через две недели. За это время хочу привести кое-что в порядок, подготовить два доклада в Географическое общество.

Сегодня высылаю Вам «Serdalo» и несколько фотографий.

Большое-пребольшое спасибо Вам и Дзабанте за теплый прием. С Вашим заданием я справиться не могла: курице и яблокам пришлось показать Москву. Теперь включите в свой жизненный план поездку в Ленинград. Ждем Вас.

Шлю Вам, Дзабанте и Якубу свой сердечный привет.

Л. Панек

Привет Тамаре Тонтовне.

**П.И. Балтин — Д.Д. Мальсагову
Карачаевск — Грозный, 09.11.1960**

Дорогой Дошлыко Дохович!

Очень обрадовало меня Ваше письмо: веет от него большой добротой и теплотой лаской. О катарактах, дорогой Дошлыко Дохович, я теперь знаю, кажется, больше терапевтов, хирургов и прочих врачей, за исключением окулистов. Я протудировал немало по этому вопросу, даже в библиотеке им. Ленина, в том числе и вузовские курсы Плетневой и Одинцова.

Моя -- так называемая «осложненная» cataracta complicate. Этиология ее не установлена. Развивается она на почве внутренних инфекций, главным образом, в результате туберкулезной инфекции. Я возлагаю надежду на то, что помутнение не затронуло сумки хрусталика. Простая катаракта удаляется просто, за каких-то три-пять минут. Как-то, когда я лежал в больнице, там оперировали старушку-карачаевку. Я присутствовал, выполнял роль переводчика. Вся операция состояла в том, что врач делает разрез роговицы по верхнему полукружью зрачка и надавливанием снизу понуждает замутненный хрусталик выскочить из сумки подобно вишневой косточке. Но если замутнена сумка, дело плохо: надо удалять ее. А это значит, что ликвидируется преграда между передним и центральным отделами глаза. Это может повести к выпадению стекловидного тела в передний отдел глаза. Тогда все пропало — слепота (и полная!) неотвратима.

Но я еще надеюсь. А если ослепну, может еще хватит сил с чьей-то помощью работать, хотя бы переводить с тюркских языков.

Только досадно, что теперь, когда я чему-то все же научился, настигла меня эта неприятность, мешающая работать. Вот пишу, а линейки еле вижу. Взгляну на страницу в лупу — строчки-то идут мимо линеек.

Кинезбаев — фамилия не киргизская: в корне, очевидно, слово «кенез», а в киргизской форме оно завершается шипящим, т. е. «кенещ». Кинезбаев поэтому скорее казах. Но некоторых казахов как записали киргизами при рождении, так они

киргизами по паспорту и числятся. Я такого не знал. Среди казахов есть известный лингвист (одно время был даже вице-президентом Академии наук Казахстана) Кенесбаев.

Что за человек Ваш Корзун? Запросил у меня недавно программы по карачаевской и черкесской литературам. Я их выслал.

У нас теперь новый директор: Хамит Оразович после смерти Анны Тихоновны женился на какой-то москвичке, после освобождения от директорских обязанностей взял творческий отпуск и уехал в Москву. А новый директор — Баучиев Аубекир Джумукович. Может быть, Вы его знаете: он в Канте был директором средней школы, а до пединститута — заместителем председателя Карачаево-Черкесского облисполкома.

Марзия Закировна шлет Вам горячий привет.

Желаю Вам здоровья и исследовательского вдохновения, П. Балтин.

**В.П. Пожидаев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 10.11.1960**

Дорогой товарищ Дошлуко!

Получил Ваше интересное и содержательное письмо и прочитал его с большим вниманием и удовольствием. Мне отраднo было узнать из него, что Вы помните не только меня, но и мою работу, которой я посвятил все сознательные годы моей жизни.

Я очень, очень рад тому, что тяжелая встряска, которую Вы пережили, не разбила Вас с Вашей профессией научного работника -- лингвиста и этнографа, и Вы стойко и честно идете по избранному Вами пути...

Ваши суждения о моей работе и Ваши высказывания относительно далекого прошлого Кавказа показывают мне, насколько глубоко Вы изучаете это темное и еще мало разгаданное раннее средневековье Переднего Кавказа, на котором долгие годы, а может быть и века, жили совместно горцы этого края и восточные славяне (Тьмутараканская Русь).

Вы правы, предполагая, что если бы моя работа была напечатана, то она многим открыла бы глаза и заставила бы их пересмотреть свои суждения о первоначальной истории наших народов.

Следуя Вашему совету, я одновременно отправляю письмо Х.Д. Ошаеву, к которому обращаюсь с просьбой познакомиться с моей работой в целях выпуска ее в свет, для чего я и вышлю ему ее, получив от него на это согласие.

Вам, дорогой ученик, а теперь товарищ, я чрезвычайно признателен.

Высоко ценю Вашу готовность сделать все, от Вас зависящее, для того чтобы моя работа стала известна широкому кругу серьезных читателей.

Крепко жму Вашу руку, желаю успешного продолжения Ваших научных изысканий и остаюсь искренне уважающий Вас В. Пожидаев.

10 ноября 1960.

Дорогой товарищ Дошлуко!
Получил Ваше интересное и содержательное письмо и прочитал его с большим вниманием и удовольствием. Мне отрадно было узнать из него, что Вы помните не только меня, но и мою работу, которой я посвятил все сознательные годы моей жизни. Я очень, очень рад тому, что творческая встреча, которую Вы пережили, не разобщила Вас с Вашей прогрессивной научной работой латвийского города, и Вы стойко и честно идете по избранному Вами пути...
Ваши суждения о моей работе и Ваши восхитительные отзывы далекого прошлого Келледе показывают мне насколько глубоко глубоко Вы изучаете

Фрагмент письма В.П. Пожидаева Д.Д. Мальсагову.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой

P.S. Мария Михайловна очень тронута Вашим теплым письмом и собирается ответить Вам, а пока шлет Вам сердечный привет. В.П.
Адрес мой: Москва Б-64.

**М.Е. Лопухин — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 12. 11.1960**

Здравствуйте, Дорогой Дошлуко Дехович!
Вчера по вопросу своего учебника зашел в Институт педагогики, хотел видеть О.Т. Бочкареву — она соавтор, но ее не застал, а увидел Льва Абрамовича (Лев Аврумович Шейман. — прим. авт.). Он был очень любезен и рассказал мне о полученном им от Вас теплом письме и приглашении его и супруги в Грозный. Рассказ закончил тем, что очень сожалеет, что не видел Вас.
Восхищен встречей с Умаром в Нальчике.
Умар, оказывается, сделался большим человеком, прекрасно обеспечен.
Неплохо было бы иметь его адрес. «Чем черт не шутит, когда ...» — у меня все

еще теплится желание побывать на Кавказе, побывать хоть несколько дней с кавказскими друзьями. Мне очень хочется Вас обнять. Правда, выбраться из дома очень трудно: Лида, Степан работают, няню достать трудно, почти невозможно. Отсюда вывод — бабушка и дедушка должны нянчить ребенка, да, кроме этого, кормить всех.

У нас так и делится день: утром — дед за нянюку, в 12 часов бабка выносит ребенка на улицу, в 4 часа передаем ребенка матери, а в 7 часов берет на руки отец.

Ребенка набаловали до предела.

Был летом, до 10 сентября, Михаил Михайлович. Срочно вызвали, а теперь можете читать его статьи, начиная с 25 сентября в «Экономической газете» (28 сентября, 18 октября, 2, 10 ноября).

Юрий Михайлович сейчас в Болгарии. Докторскую будет защищать в декабре, рецензии уже получил.

Новостей в городе нет. Вероятно, Вы уже знаете, что Юнусалиева решено снять (Константин Кузьмич сказывал, что было постановление партии). Мурат не возражает, остается простым профессором. Хочет восстановить свое здоровье.

Константин Кузьмич усиленно работает над своим словарем, но ходит он плохо — едва тянет свои ноги.

Был на днях Николай Николаевич Ивановский, скучает по Фрунзе. Думает возвратиться во Фрунзе навсегда.

Привет всей семье.

Привет от Льва Абрамовича.

Крепко обнимаю, Ваш М. Лопухин.

**Д.С. Лихачев — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, декабрь 1960**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Сотрудники сектора древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР⁷ сердечно поздравляют Вас с Новым годом и желают Вам здоровья и новых творческих успехов.

Д. Лихачев (подпись).

**Цагаева А.Д. — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 03.12. 1960**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Примите самый искренний привет от меня с пожеланием доброго здоровья и новых творческих успехов!

⁷ 10 подписей сотрудников Института.

*Д.Д. Мальсагов с коллегами по университету.
В нижнем ряду справа Т.А. Гойгова, Д.Д. Мальсагов, З.К. Джамбулатова,
в верхнем ряду первый слева И.А. Арсаханов. Грозный, 1960 г.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой*

Мы тогда так неожиданно приехали и располагали таким ограниченным временем, что не смогли видеть Вас, о чем я сожалела и сожалею до сих пор. Собственно, основная цель моей поездки и была встреча с Вами. Но не встретились, и тогда я передала свою рукопись Зинаиде Куразовне и попросила ее передать Вам. Надеюсь, что она передала ее Вам давно.

Дошлоко Дохович, мне бы очень хотелось знать Ваше мнение о своей несовершенной рукописи. Если это не составит особого труда, то тешила бы себя надеждой иметь Ваше мнение письменно. Если же это невозможно, то вполне буду довольна и пометками на полях.

Дошлоку Дохович, Вы, конечно, помните наш разговор о том, что я работаю над топонимикой. Работа эта мне очень нравится, но не имею возможности заняться ею всецело. Все же урывками занимаюсь. Материал у меня накопился значительный. Как первый опыт, попыталась дать пока 1 печатный лист в печать (та часть, которая приложена отдельно, была напечатана в начале этого года). Из-за места в «Известиях» я не могла поместить ее всю. Теперь вот обещают поместить ее в следующем номере (продолжение). Почему я беру пока Западную Осетию или Дигорию? Кажется, я Вам говорила, что я сама дигорка, хорошо знаю эти места и мне легче их понимать. Когда у меня накопится опыт, тогда постепенно займусь и остальными районами Осетии.

Привет от меня очаровательной Зинаиде Куразовне, всем моим знакомым и коллегам.

С приветом, Цагаева.

**Л.А. Шейман — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 13.12. 1960**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Как хорошо, что Вы «нашлись» и сразу откликнулись на мое письмецо! Спасибо за добрую память и сердечные слова. Для меня, для И.М. Скляра, для А.Е. Супруна Вы были и остаетесь во многих отношениях идеалом морального облика ученого и человека.

Как обстоят мои дела? Работаю по-прежнему в институте педагогики. В какой-то мере дело это меня захватило трудностью, неразведанностью многих проблем. Правда, условия для их разрешения — крайне неблагоприятные. Сочту за честь прислать Вам некоторые наши новые издания.

Последние 2–3 года работал над большим учебником по русской литературе для IX класса киргизской школы (26 печатных листов). Недавно сдал его в Учпедгиз. Хотелось написать интересно, доступно и методически оригинально. Что получилось — покажет будущее.

Не оставляю и «Слова о полку Игореве». Правда, времени для этой работы нет, занимаюсь ею отрывками — буквально раз в несколько месяцев. Но оставить ее не могу. С удовольствием перечитал Вашу книжку о «Слове». Очень признателен Вам за ее присылку. Хотел прислать, в порядке «откупа», кое-какие историко-литературные заметки по теме: «Пушкин и киргизы», но издание пятого тома «Ученых записок» КГЗПИ после закрытия института затормозилось.

Я после этого события получил полставки в университете. Но через два месяца пришел приказ, категорически запретивший совместительство. И ныне я почасовик с нагрузкой до 400 часов. Дает это гроши, но преподавательской работы, конечно, оставлять нельзя.

Живу я по-прежнему с матерью в домике, приобретенном три года назад. Круг друзей сократился: часть преподавателей заочного пединститута переехала в г. Ош (Шелис, Гришков, Кац, Лукинцев и др.). Шелис и Илья Маркович разошлись, детей она увезла в Ош ко второму мужу. Скляр тоже женился вторично, по-моему, не совсем удачно.

А.Е. Супрун с каждым годом подымается все выше. Он у нас возглавляет работу по славистике. Недавно получил третье (очень лестное!) письмо от Андре Мазони. У него (А.Е.) сейчас новая хорошая квартира, растет славный сын. Ваше предсказание о блистательном будущем А.Е., как видите, быстро оправдалось.

Наш сборник «Русский язык в киргизской школе» просуществовал только два года. В прошлом году закрыли «Муталимдерте жардам», а наше издание было

лишь приложением к нему. Обещают возродить в 1961 г. как приложение к местной «Учительской газете».

Надеюсь, что Вы не будете забывать нас? Желая Вам всего хорошего!
Сердечный привет Лиде, Якубу, всей Вашей семье.

Л.А. Шейман.

**М.Е. Лопухин — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, начало 1961**

Дорогой, близкий, Дошлуко Дохович!

С 28 ноября по 1 января находился в больнице: высокое кровяное давление и перебои с сердцем. Сейчас немного подремонтировали, но силы все же нет, боль за грудиной осталась, ходить не могу в холод.

Сердечное спасибо за письмо. Оно доставило нам всем большую радость (уж одного того хватило, что Вы в полном здоровье и трудитесь). Я всегда считал Вас близким, родным. Вся семья и Миша, во время пребывания, вспоминаем то счастливое время, когда Вы заходили к нам на огонек. Как будто ничего особенного и не было, один чаек, а как было приятно, легко и спокойно на душе.

За приглашение спасибо, не осилю, Вы моложе меня, приезжайте-ка к нам во Фрунзе, будем счастливы. В этом году во Фрунзе собирается приехать Юра со своей семьей, а Миша к концу лета обещает (он не использовал отпуск за 1960 г.).

19 декабря 1960 г. Юра защитил докторскую, сейчас ждет утверждения (47 — за, 2 — против).

Мишины статьи можете прочитать в «Экономической газете» за 1960 год: 25–28 сентября, 18 октября, 2, 10, 19 ноября, 16 декабря; за 1961 год: 8 января и 3 февраля. Съезды, конференции вытесняют заграничную информацию.

Лидия Михайловна здравствует. Работает. Отняла дочку от груди. Дочке 16 февраля будет один годик. Бабушка готовится праздновать.

Маленькая Лидочка будет баловень: большая хохотушка, смышленная, большеглазая, настойчивая, любознательная. Любит слушать рассказы, конечно, не понимая содержания, но сам тон рассказа ее удовлетворяет. Из игрушек любит бабушкины тряпки, пуговицы, шкаф, буфет, коробочки, карандаши. С утра, с 8 часов, до 4–6 вечера на попечении бабушки и дедушки: едим, спим, гуляем, играем. Остальное время — на попечении родителей.

Степан Степанович трудится на работе и с дочкой. Дочку он очень любит.

С учебником дело обстоит так: Бочкарева до 1 марта будет держать у себя. Она пересмотрела все рассказы, «адаптировала» их. До сдачи осталось два месяца, а работы, мне кажется, непочатый край. Увидим. Хорошего не жду.

Дошлуко Дохович! Скажи, пожалуйста, что это означает: «Якуб женится, семья увеличится».

Привет от всей нашей семьи Якубу, Лиде и веселому Вашему двоюродному брату.

Погода устанавливается теплая, снег уже растаял. Ждем раннюю весну, следовательно, бесфруктовое лето.

Крепко Вас обнимаю.

Ваш искренний друг М. Лопухин.

А.Д. Цагаева — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 17.01.1961

Глубокоуважаемый Дошлоко Дохович!

Получила Ваше письмо и свою работу в целостности и сохранности. Приношу Вам огромную благодарность, что просмотрели мой незавершенный труд. Правда, Вы очень высокую оценку дали ей. Это меня очень воодушевляет. Хочу сказать, что я не ограничиваюсь Дигорией. В этом году как раз хочу закончить 1–2 печатных листа из топо- и гидронимики Санибанского ущелья, а материала у меня еще по двум ущельям. Кроме того, летом поведу полевую работу в части Алагирского ущелья и в Куртатинском ущелье. Вот такие мои планы. Ваши пожелания я приму к сведению и выполню с удовольствием в меру своих сил.

Дошлоко Дохович, мы же ведь горцы. И мне более чем странно, что Вы не хотите обращаться ко мне по имени. Я ведь против этого ничего не буду иметь. Мне гораздо приятнее, когда обращаются неофициально, а просто по имени. Если Вы хотите знать мое отчество — так отца звали Дзабола. Но, пожалуйста, обращайтесь просто по имени.

Дошлоко Дохович, большое Вам спасибо за привет и добрые пожелания. Искренний привет шлет Вам Борис Андреевич.

Привет от меня очаровательной Зинаиде Куразовне и всем сотрудникам, знакомым и друзьям моим.

С приветом, Анастасия.

П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 17.01. 1961

Дорогой Дошлоко Дохович!

Большое спасибо Вам за письмо, еще большее — за внимание к моей давней мечте уехать отсюда поближе к родным краям. Я об этом старался не напоминать, т. к. знал, что в этом нет необходимости: раз Кавказ молчит, значит, отсутствуют какие бы то ни были возможности.

Открывшимися возможностями обязательно воспользуюсь.

Получил Ваше письмо в декабре, но по свойственной мне недисциплинированности не сразу ответил.

Как Вы советовали, я написал заявление на имя директора Пединститута (не знаю его имени, поэтому безымянно), приложил листок кадров, автобиографию, список работ и обе свои книги и высылаю одновременно с этим письмом.

Здесь отпуск получаю в августе, т. к. работаю и на заочном отделении университета — единая нагрузка.

Жалко, не знаю условий работы в Грозном: психоатмосферу института, степень учебной загрузки, можно ли работать над учебниками, посещать школы... Квартирные возможности жестки? Как институт решает такие вопросы своим работникам?

При переходе в моем возрасте (и не заметил, как стукнул 55-й) на новое место тревожит такое: устраивают, создают условия, а что от меня ожидают? Не захвалили ли меня и ждут чудес? А потом, из-за отсутствия последних, пожалеют.

Это было бы весьма невесело, особенно на новом месте, где за тобой нет отданных этому месту молодых лет труда, в какой-то мере оправдывающих поедание тобой под старость хозяйского хлеба.

Не думаю, чтобы отсюда легко уволили. Не потому, что жить без меня не могут, а по мотивам самолюбия. Выгнать могут, а если сам попросишься — это уже другое дело. Ишь, какой-то беспартийный грек не хочет, видите ли, жить с ними!

В этих условиях, значит, о возврате назад нельзя и помышлять.

Вам там обстановка виднее, Дошлуко Дохович. А охоту к перемене мест чувствую большую. Но только туда, где меня хотят, не насильно вписываться.

Работаю сейчас тут плохо. Хотя голосовой работы (лекции и практические) всего 270 часов, устаю, теряю голос. В прошлом году снимали опухоль с голосовых связок.

Дом до сих пор без террасы и с камышовым фронтоном никак не дострою.

У Вас с домом на Пушкинской опасность сноса прошла? Я слышал такое. Я бы второй раз строиться не смог, даже если б полностью оплатили дом.

А так все хорошо: трое ходят в школу, четвертый бросил учиться, я старею.

В гости никто не ходит; что думаешь, сказать некому; чего не понимаешь, спросить не у кого. Я не понимаю очень много вещей. Вы — очень далеко.

Удивительно, что при отсталой технике — почтовые тройки, ни тебе ТВ, ни ИЛа — во времена Пушкина, говорят, обмен мыслями, чувствами на больших расстояниях шел куда живее! Кто его знает, в чем секрет.

Если читаю, так только романы о полетах на звезды, на планеты. Знаете, у них определенное достоинство: совершенно не раздражают.

В методике у нас от Петрова идут новые веяния: в связи с законом о связи школы с жизнью необходимо в национальной школе идти «от легкого к трудному».

Но методика Вас, знаю, не интересует.

Ректором у нас теперь не Юнусалиев, а новый, фамилию забыл.

Хорошо бы, если бы дал Бог свидеться.

Здоровья Вам, детям и внукам.

До свидания, П. Харакоз (подпись).

Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 18.01.1961

Дорогой Дошлуко!

Ждал Вас в декабре, в первых числах января. Сами не едете, и весточки от Вас нет. Как чувствуете себя?

В ближайшее время должен закончить окончательную редакцию «Сравнительной грамматики». Но нет времени. В институт переслал первую редакцию без «введения» (даже не успел просмотреть после машинки) в связи с необходимостью представления материала (по условиям договора). Вам я, конечно, должен выслать ее только в окончательной редакции. А пока посылаю Вам лишь один параграф, посвященный историческому (грамматическому) чередованию гласных в ингушском языке. Может быть, выскажете свои соображения (хотя бы предварительно). Хотелось бы более подробно поговорить с Вами о «фонетике» (мне до сих пор не прислали обещанных 40 экз., поэтому я не имел возможности направить Вам ее). Примеры на открытые и закрытые гласные там есть (фонематически противопоставляем их), но, очевидно, слово «полудолгие» мешает правильно понять их. У меня в моей редакции не было этого слова.

Полагая, что учителя не поймут правильно термины «открытые» и «закрытые», А.Т. Мациев посоветовал мне из педагогических соображений вставить слово «полудолгие», хотя по долготе открытые и закрытые и не различаются. Это тема для специального разговора.

Шлем большой привет Вам и Вашей семье.

Будьте здоровы, Ваш Юнус.

М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 25.01.1961

Дорогой Дошлуко Дохович!

Не откажите в любезности узнать в Чечено-Ингушском НИИ: получена ли там тов. Ошаевым моя большая статья о кавказских языках и разработке этой темы в лингвистической школе А.С. Чикобава. Статья послана еще месяца 2–3 тому назад. Буду Вам очень благодарен.

С товарищеским приветом в новом 1961 г. и с глубоким уважением.

Профессор М.Я. Немировский.

Роза Иосифовна присоединяется к моему приветам и добрым пожеланиям Вам и т. Ошаеву.

**Н. Тахо-Годи — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 16.02.1961**

Здравствуйте, дорогой Дошлуко!

Я Вам на днях выслала оттиск со статьей Леонида Петровича, напечатанный в «Известиях» ОСНИ, а как Ваша коллективная работа с учебником? Получила от Халида письмо. У него неприятности с директором. Тот взял, да и подписал его заявление об уходе на пенсию, хотя Халид уже раздумал и решил остаться, а не сообразил взять свое заявление обратно. Директор подержал его под сукном, а потом взял, да и подписал. Теперь вопрос должен разбираться в Обкоме. Жаль Халида. Он еще может и может работать, а в институте, как я слышала, работают малокультурные люди.

У меня к Вам большая просьба. 30 мая этого года исполняется 75 лет со дня рождения Леонида Петровича. Я писала об этом Халиду, прося его написать в местной печати статью о брате. Он пишет, что сделает, но находит, что это лучше сделать Вам. Я тоже того же мнения. Думаю, что Вас это не очень бы затруднило. Вы хорошо знали и Леонида Петровича, и его работу. Немного теплых слов было бы достойной данью памяти этого человека, скромного, благородного и самоотверженного.

Пусть этот образ послужит примером для вашей молодежи. Напишите мне, что Вы об этом думаете. Ни Вы, ни Халид давно не заглядываете в наши края.

Я сейчас одна, так как Миночка уехала в Ленинград поработать в библиотеке и архиве. Первого марта она вернется.

Желаю Вам всего лучшего.

Н. Тахо-Годи.

P.S. Халид сам собирался побеседовать с Вами по поводу статьи.

**Ш.И. Микаилов — Д.Д. Мальсагову
Махачкала — Грозный, 18.03 (предположительно, 1961)**

Дорогой Дошлуко!

Я хотел даже воздержаться с поздравлением Вас с присвоением звания профессора, т. к. был убежден, что Вы давно профессор.

Ну что, поздравляю от всей души, живите долго, радостно! Главное — с пользой для своего народа.

Ваше желание сделать доклад у нас приветствую, только вот не успел поговорить с Данияловым, сегодня уезжаю в Москву на 10 дней. Вернусь, займусь этим делом.

С приветом, Ш. Микаилов (подпись).

**П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 20.04.1961**

Здравствуйте, Дошлуко Дохович!

Я получил письмо от заместителя директора т. Ефанова. Сообщал, что в институте имеется вакансия по моей специальности, и любезно пригласил принять участие в конкурсе. Но, к моему большому сожалению, он выразил также сожаление, что институт в настоящее время не располагает свободной жилплощадью.

А с моей житейской «цепкостью и практичностью» найти вольным способом квартиру, да еще для многодетной семьи, — задача невыполнимая. Когда же появилось объявление в «Учительской», то в нем вовсе не оказалось методики: была вакансия на заведование кафедрой педагогики.

Вынужден был написать Ефанову, что не смогу принять участие в конкурсе, и попросил извинения за доставленное беспокойство.

На моей совести это неприятное для Вас происшествие: стараться для человека, а он взял да отказался.

Трудно мне здесь будет, раз оказался не в состоянии воспользоваться редким случаем уехать. Но искать возможностей буду и впредь, т. к. не хочу здесь оставаться.

Стремлюсь сейчас дополнительно заработать, чтобы приехать хоть на пару дней, повидать Вас. В отпуск. Осенью. Поговорить, вспомнить прошлое, определить будущее человечества. Письменная речь — громоздкий способ.

Пожелания здоровья, доброй жизни семье, внукам.

Будьте здоровы.

Ваш П. Харакоз (подпись).

**Д.Ю. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 28.04.1961**

Дорогой Дошлуко!

Горячо поздравляем Вас, Вашу семью с весенним майским праздником, желаем Вам доброго здоровья и всего наилучшего!

Благодарю за рецензию. На днях пришлю Вам свою работу.

Мы готовим коллективный труд «Языки народов СССР», посвященный 50-летию Советской власти (по решению директивных органов о подготовке к 50-летию Советской власти).

Мне было поручено написать очерки о нахских языках (по 1,5 печатных листа каждый).

Хотелось бы, чтобы Вы приняли участие в этом труде в качестве одного из авторов. Этой работе придается большое значение. Нами разработаны планы построения очерков — статей по каждому языку. Я могу прислать Вам такой план. Статью можно будет представить в конце 1962 г. в объеме 1,5 печатных листа.

Пожалуйста, подтвердите Ваше согласие написать статью об ингушском языке. Тамара Ивановна три недели лежала в больнице. Недавно вернулась домой. Как обстоит дело с Вашей докторской?

Тамара Ивановна шлет Вам большой привет. Желаем Вам всего хорошего.

Крепко жму Вашу руку, Юнус.

**Н.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 31.05.1961**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Пишу Вам, надеясь, что Вы в Грозном и в курсе событий ЧИНИИ. Халид Додавич меня просил написать о научной школе А.С. Чикобава, что я и выполнил, и послал в НИИ. Сколько я писал затем, никакого ответа не получал. Наконец, недавно получил обратно мою статью, которую случайно обнаружил в сейфе кто-то, я не разобрал его фамилии в подписи.

Он же сообщил, что т. Ошаев в Институте не работает.

Все изложенное и заставило меня просить Вас сообщить мне то, что Вы знаете. Заранее Вас благодарю и прошу извинить за беспокойство.

Жена и Яша шлют Вам свои приветы.

Искренне Ваш, М.Я. Немировский.

**Т. Гойгова — Д.Д. Мальсагову
Грозный — Грозный, 07.06. 1961**

Дорогой Дошлуко!

Зная, что Вас нельзя беспокоить посещением, хочу, хотя бы письменно выразить Вам и Вашей семье нашу искреннюю радость в связи с тем, что Вы уже на пути к выздоровлению.

Желаем Вам полного излечения от всех болезней и недугов. Вы очень нужны нашему бедному народу, у которого сегодня Вы — единственный ученый.

Тамара Гойгова с детьми.

**Г.-М.А. Даурбеков — Д.Д. Мальсагову
Кустанай — Грозный, 09.06.1961**

Дорогой Дошлуко!

Первым долгом прими от моей семьи и лично от меня привет, а также передай своей семье, Дзабанте, Якубу и девочке.

Тебя, конечно, удивит это мое короткое и вдобавок мертвое письмо. Я писал тебе два раза, не знаю, получил ли или нет. Время летит быстро. Я не живу, а му-

чаюсь. Хочу тебе написать живое письмо, но душевное переживание мешает разуму и мышлению.

Все это передать на бумаге трудно. Я большой преступник перед Чечено-Ингушским народом, я теперь понял и вернулся к жизни, хотя и поздно.

Может быть, это прошедшие года привели меня к уму. Скоро настанет время, когда мой народ поймет, почему я потерял столь ценное для дела время, тем более что человек живет один раз.

Дошло! Конечно, мне верить трудно, зная мой прежний характер. Все скажут, слабый характер, малодушный. Конечно, мне давно надо было быть мужчиной, а не принимать успокоительное, якобы в жизни не везет, а наоборот — бороться за жизнь. Любой приговор народа приму, чтобы тем оправдаться перед ним.

Если суждено будет нам встретиться, постараюсь искупить свою вину. Надеюсь, найдутся люди, которые успокоят меня и посоветуют не вспоминать о прошедшем.

Дошло! Я слышал, Орцхо скончался. Тяжело, что его не увижу. Выразишь его семье мое соболезнование.

Дом с трудом продали, дав покупателю отсрочку до мая месяца, чтобы дети могли продолжать учебу. Как их отпустят на каникулы — приедем.

Я думаю приехать раньше, но не так, как в первый раз. В этот раз я буду спокоен за детей. Надо будет там выхлопотать разрешение на выезд, без чего не дают контейнер и вагон.

Кланяйся Тамаре Тонтовне и Зине Куразовне.

Остаюсь с уважением, Гази Даурбеков.

Е.И. Крупнов — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 17.06.1961

Глубокоуважаемый Дошло Дохович!

Примите мою искреннюю признательность за Ваш теплый дружеский отклик на знаменательное для меня событие в моей научной биографии. Это произошло в конце декабря в Институте этнографии. Выступали четыре официальных оппонента и один неофициальный. Кроме того, были оглашены пять отзывов от всех научно-исследовательских институтов Северного Кавказа.

Последнее меня особенно тронуло. Постараюсь оправдать Ваши надежды и пожелания. Я написал брошюру о памятниках ЧИ АССР. Она в Грозном.

Шлю Вам наилучшие пожелания, Ваш Е. Крупнов.

**Н. Тахо-Годи — Д.Д. Мальсагов
Орджоникидзе — Грозный, 21.06.1961**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович,

Уже несколько дней, как получила Ваше письмо, но отправляла дочь в отпуск и потому не могла сразу ответить. Мне бы хотелось, чтобы Вы не считали себя в чем-нибудь виноватым передо мною. К сожалению, я писала по старому адресу и поэтому не знала причины Вашего молчания. Но Ваше теплое сердечное письмо меня очень тронуло. А то, что Вы говорили с Саламовым и Ошаевым, уже дало некоторые результаты. Я получила от Ошаева письмо, в котором он пишет, что в «Известиях» института будут напечатаны: «Чах Ахриев», «Склеп с фресками в селении Эгикал», затем полная библиография работ Леонида Петровича, а к «Чаху» будет приложен полный его план, который еще сам Леонид Петрович посылал Ошаеву.

Том «Известий» будет начинаться статьей Корзуна о Леониде Петровиче. Все как будто хорошо, только Ошаев, верно, очень рассеянный человек, пишет: «Посылаю Вам для ознакомления статью Корзуна» и просит ее вернуть, а сам ничего не послал. Возможно, что вышлет следом вместе с договором на работы Леонида Петровича.

Брат мне оставил две дарственные: одну на дом, а другую на движимое имущество, где указаны и рукописи, и все его бумаги, так что я являюсь его наследницей. Я чувствую большую ответственность за его литературное и научное наследство. Вот причина всех моих хлопот, и я буду очень благодарна Вам, если Вы примете в этом участие. Очень прошу Вас навестить меня, если дела приведут Вас в наш город. Дорогой друг, я знаю Вас очень хорошо со слов Леонида Петровича, знаю его любовь и глубокое уважение, которое он питал к Вам. Пишите мне, если у Вас будут какие-нибудь новости.

От всей души желаю Вам здоровья и благополучия, Ваша Н. Тахо-Годи.

**Д.Д. Мальсагов — Т.И. и А.С. Чикобава
Грозный — Тбилиси, июнь 1961**

Глубокоуважаемые Тамара Ивановна и Арнольд Степанович!

Примите сердечные поздравления с Новым годом и искренние пожелания здоровья и успехов в Вашей плодотворной деятельности.

Свидетельством такой деятельности является Ваша вторая часть «Эргативной конструкции». Горячо желаю скорее завершить Вашу работу по эргативной конструкции. Твердо уверен в том, что проблема эргативной конструкции — одна из центральных проблем не только в кавказских языках, но и вообще в языкознании — будет блестяще разрешена.

Я очень внимательно читал Ваш новый труд. Эта научная работа изучена мною после моей болезни. От болезни я почти оправился. Очень помогли мне пивявки.

Я их ставил три раза, причем каждый раз в результате упорной борьбы с медиками. Кстати, у нас многие специалисты не понимают выражения «пьявки без отсывания крови».

Тамара Ивановна, как здоровье Арнольда Степановича? На днях был у меня Ю.Д. (Дешериев. — прим. авт.) и сообщил, что Арнольд Степанович приболел. Это нас в Грозном очень встревожило, хотя Ю.Д. уверял, что ныне со здоровьем Арнольда Степановича все обстоит благополучно.

С глубоким волнением и благодарностью читал Вашу телеграмму, хотя юбилея не справляю, ибо дата ошибочна.

Среди дорогих имен деятелей великой русской литературы: Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Глеба Успенского и украинца Тараса Шевченко, любивших Кавказ и его народы, — в сердцах чеченцев и ингушей звучит имя Николая Тихонова — автора неподражаемой поэмы «Серго в горах». Нас особенно трогает, что Вы работали над ней в годы нашего переселения.

Писатели и общественность Чечено-Ингушетии были бы счастливы приветствовать Вас в горах и долинах, чудесно воспетых Вами.

Научная работа по нахским языкам у нас постепенно улучшается. Растут молодые кадры, среди них есть способные и усидчивые работники. Ваш ученик Магоматов успешно работает в области лексики нахских и некоторых дагестанских языков.

Если бы Вы могли сообщить мне о том, в каком положении находится диссертация Р. Долаковой — моей племянницы, я был бы очень благодарен Вам. Этот вопрос сейчас интересует меня не потому, что она является моей племянницей, а потому, что у нас сейчас здесь стоит вопрос о предоставлении ей работы в соответствии с уровнем ее подготовки и способности.

Настоящее письмо продиктовано мною, но приписку я делаю сам. Рука и пальцы, как видите, работают хорошо.

С глубоким уважением и признательностью, Д. Мальсагов (подпись).

А.С. Чикобава — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Грозный, 24.06.1961

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Весть о Вашей болезни огорчила всех Ваших знакомых. Надеемся, что проявите выдержку горца и сделаете все, что потребуется, для преодоления остатков заболевания. Один вид родных гор даст больше сил, чем многомесячное лечение в санатории.

Работа Долаковой производит положительное впечатление. К сожалению, она прибыла в Тбилиси, когда я был в отъезде. Кетеван Виссарионовна переговорила с ней о всех процедурных вопросах. Все будет сделано. Препятствий никаких не предвидится. Проследим, не беспокойтесь!

Находясь в Москве, с большим удовлетворением подписал текст представления Д.Д. Мальсагова к профессорскому званию, составленный Ю. Дешериевым, инициативу и благожелательность которого нельзя не оценить. Думаю, что представление это, подписанное Ю. Дешериевым, Е. Бокаревым и Вашим корреспондентом, будет уважено ВАКом.

Тамара Ивановна Вам и Вашей семье кланяется.

Сердечный привет и пожелания скорого выздоровления шлет Вам искренне Вас уважающий Арнольд Чикобава.

P.S. Следят ли врачи за протромбином? Каков Ваш индекс протромбина? Не советуют ли ставить пиявки?

P.S. Буду признателен, если племянница напишет о состоянии здоровья дяди (и своих делах). А.Ч.

**Адилгерей (данные не установлены) — Д.Д. Мальсагову
(адрес отправителя не установлен) — Грозный, 1961**

Моему другу — садоводу науки, расширяющему ее размышлением и исследованием, знающему, что наука — не мертвое сокровище, это живое дерево, и борю щемуся, чтобы оно росло, расцветало, приносило плоды. Пусть в этот день присвоения Вам звания профессора земной шар превратится для наших народов в одно большое счастье, чтобы мы достойно могли стеречь его. Желаю кавказско-го долголетия,

Ваш Адилгерей.

**Р.С. Ахматова — Д.Д. Мальсагову
Грозный — Грозный, 1961**

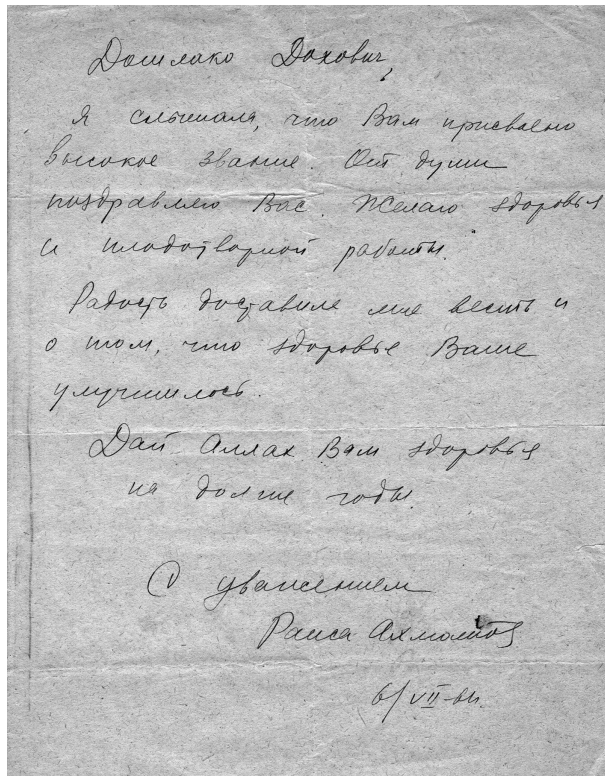
Я слышала, что Вам присвоено высокое звание. От души поздравляю Вас. Желаю здоровья и плодотворной работы.

Радость доставила мне весть о том, что здоровье Ваше улучшилось. Дай Аллах Вам здоровья на долгие годы.

С уважением, Раиса.

**Кураз (данные не установлены) — Д.Д. Мальсагову
(адрес отправителя не установлен) — Грозный, 1961**

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС ПРИСВОЕНИЕМ ЗВАНИЯ ПРОФЕССОРА — ОРДЕ-
НОНОСЕЦ КУРАЗ**

Письмо Р. Ахматовой Д.Д. Мальсагову.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой

Лита (данные не установлены) — Д.Д. Мальсагову
(адрес отправителя не установлен) — Грозный, 1961

ПОЗДРАВЛЯЮ ПРИСВОЕНИЕМ ЗВАНИЯ ПРОФЕССОРА ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ МНОГИХ ЛЕТ ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА — ЛИТА

Л. Лопухина — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 11.11.1961

Дорогой Дошлуко Дохович!

Я должна сообщить Вам печальное известие: 30.09.61 г. скончался папа. Умер он скоропостижно при следующих обстоятельствах: он пошел в поликлинику, чтобы измерить кровяное давление. Там почувствовал себя плохо, произнес: «Я умираю» и потерял сознание. Когда я прибежала, он был уже без пульса, дышал еще, но помочь ему было уже невозможно.

На похороны приезжали Миша и Юра и их семьи.

В последнее время он часто жаловался на боли в области сердца, постоянно лечился, но даже облегчить его состояние не удалось. И все же смерть его была для нас такой неожиданной. Я до сих пор не могу полностью осознать все произошедшее. Так и кажется, что он где-то рядом и сейчас затеет игру с дочуркой.

Мы получили Вашу телеграмму.

Как здоровье Ваше сейчас, Дошлуко Дохович, и что Вы перенесли? Напишите нам, пожалуйста, о себе, о членах Вашей семьи. Вы всегда были нам близки и дороги, теперь же особенно.

Сердечный привет Вам от мамы и Ст.Ст.

Передайте привет Вашей супруге, Якубу и Лиде.

Ваша Л. Лопухина.

**Ш.И. Микаилов — Д.Д. Мальсагову
Махачкала — Грозный, 09.12.1961**

Здравствуй, дорогой Дошлуко!

Мы все очень глубоко переживали твою болезнь, следили за выздоровлением. Ваши молодые люди рассказали все подробности, и мы несколько успокоились.

Здоровье, конечно, на первом месте.

Второе: от души поздравляем с присвоением звания профессора; ты заслужил это не сейчас. С этим званием ты будешь народу более полезным.

Обнимаю как брата

Твой Ш. Микаилов (подпись).

P.S. Такие же пожелания и приветы тебе передает Унеизат Азизовна Мейланова — Ваша куначка, помнишь? Она и я также передаем привет твоей супруге и сыну.

Нам очень нужна книга «Д.Д. Мальсагов. Чечено-Ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного языка», Грозный, 1941.

Книгой этой я воспользуюсь и сейчас же верну. Но она нужна очень быстро (пишу одну подобную работу). Поручите Алихану, нет, лучше сыну, он отошлет.

**Л.Б. Панек — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 27.12.1961**

Поздравляю Вас, дорогой Дошлуко, с Новым годом и желаю здоровья Вам и Вашим родным. Мне кажется, что болеть не Ваш стиль, и Вы должны побеждать болезнь.

Минувший год был приятен очисткой мавзолея, но печален отравлением атмосферы. Все-таки, чистый воздух человеку нужнее всего.

Хорошо, что мы с Вами не физики и не химики, а только не приносящие человечеству несчастий гуманитарии.

Еще раз шлю Вам горячий привет.

Напишите, как себя чувствуете.

Л. Панек.

А.Н. Савченко — Д.Д. Мальсагову
Ростов — Грозный, 11.01.1962

Глубокоуважаемый коллега!

При Северо-Кавказском совете по координации научной работы по гуманитарным наукам, созданном по приказу Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, формируются экспертные комиссии по отдельным наукам. Совет просит Вас стать членом экспертной комиссии по филологическим наукам. Комиссия будет состоять из девяти человек, кроме Вас: т. Алиев и Хакуашев из Кабардино-Балкарского университета, Муркелинский из Махачкалы и пять человек из Ростовского университета. В текущем полугодии будет два заседания комиссии: в марте — в Ростове (рассмотрение планов научной работы филологических кафедр и научно-исследовательских институтов Северного Кавказа) и в мае — в Нальчике (о научной работе в области кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков).

Местопребывание совета и экспертных комиссии — Ростовский университет.

Очень прошу Вас срочно сообщить, согласны ли Вы принять на себя обязанности члена экспертной комиссии.

С уважением, Председатель экспертной комиссии по филологическим наукам А.Н. Савченко (подпись).

А.С. Чикобава — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Грозный, 27.01. 1962

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Обе рецензии (проф. Ш.Г. Гаприндашвили и Р.Ф. Гагуа) были положительны. Защита назначена на 27 февраля. Телеграмму я послал 23.01.62 — непосредственно после Совета, где рецензии были заслушаны.

Декабрь месяц у нас был очень загружен, и я должен извиниться, что не заметил, как опаздывает рецензия (одного рецензента).

Как Ваше здоровье? Надеемся, что восстановление пойдет дальше ускоренным темпом, а до этого — выдержка...

Привет семье от Тамары Ивановны и меня.

Тамара Ивановна Вам кланяется.

С уважением, Арнольд Чикобава.

P.S. Возможно, в феврале мне придется поехать в санаторий. (Протромбину в крови много! Чувствую себя плохо!)

На этот случай я оставлю письменный отзыв (чтобы была бумага в деле). А.Ч.

С.П. Писарев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 30.01.1962

Глубокоуважаемый и Дорогой Дошлуко Дохович!

То, что я не поздравил Вас с Новым годом, объясняется пребыванием на больничной койке из-за воспаления легких. Назло злодеям и некоторым другим успешно поправляюсь. О моем здоровье можно не беспокоиться.

Но вот за Вашей борьбой с гораздо более серьезной болезнью, такой прискорбной для всех нас, Ваших друзей, для науки и для чеченского и ингушского народов, с точки зрения непрерывности Вашей большой научной и общественной деятельности, я следил с искренней обеспокоенностью.

Невозможность для меня теперь через кого-либо узнать о Вас заставляет тревожиться.

Поэтому я буду Вам очень признателен, если Вы известите меня, хотя бы открыткой, как идет Ваше лечение и каковы перспективы победы над недугом и восстановлением Вашей столь необходимой делу и народу работоспособности.

Если Вам трудно, поручите ответить мне кому-нибудь из членов Вашей семьи.

Горячо желаю Вам скорее поправиться.

Уважающий Вас и преданный Вам Писарев С.

Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 04.08.1962

Дорогой Дошлуко!

Ваша рукопись была просмотрена мною давно. Но я не хотел направлять ее в издательство до встречи с Вами. Нужно было предварительно обсудить вместе с Вами некоторые вопросы. С этой целью я захватил вашу рукопись и приехал в Грозный.

К сожалению, Вас не было в Грозном. Я, конечно, был очень огорчен этим и вместе с тем обрадован тем, что Вы получили путевку и поехали в санаторий.

В Грозный я привез и «Сравнительно-историческую грамматику». Хотелось бы показать Вам всю рукопись, посоветоваться с Вами по ряду вопросов и попрощать Вас, если здоровье Вам позволит, написать отзыв. К сожалению, наша встреча не состоялась в Грозном. В конце августа или в начале сентября я снова буду в Грозном. Привезу с собой и второй экземпляр «Сравнительно-исторической грамматики».

Надеюсь, что Вы будете иметь возможность ознакомиться с ней и высказать свои соображения.

По рукописи Вашей у меня возникли следующие вопросы и пожелания:

1) пожалуйста, внесите необходимые коррективы и дополнения в «Предисловие»;

2) представляется, что первый раздел: «Историческая судьба Чечено-Ингушетии» следовало бы снять по многим соображениям или же коренным образом переработать. Но переработать его будет трудно, поскольку еще невозможно, по известным причинам, должным образом осветить послевоенный период. Без Вас я не могу и не имею права решить этот вопрос;

3) нужна была транскрипция. Диалектические исследования, выполненные без соответствующей транскрипции, производят в наше время весьма невыгодное для автора впечатление. Но дело не столько во впечатлении. В одних случаях слова транскрибированы, а в других — нет. Но вряд ли возможно проделать данную работу сейчас (в связи с переизданием этой работы). Может быть, достаточно будет ограничиться объявлением трудностей, связанных с транскрипцией;

4) опечатки надо устранить. Их довольно много. Особенно в чеченских и ингушских примерах. Было бы хорошо, если бы корректор (ингуш) и корректор (чеченец) внимательно просмотрели всю работу. Большие опечатки (т. е. в большом количестве) есть во всех наших изданиях в Грозном (в том числе и в моих работах). Но во втором издании надо постараться довести их до минимума (особенно в диалектических работах);

5) может быть, следовало бы пересмотреть некоторые Ваши рекомендации по вопросам развития чеченского и ингушского литературных языков, орфографии, алфавита;

6) некоторые тексты должны быть заменены или сняты (например, на с. 122, 123, 124, 125 и т.д.);

7) другие мои замечания и пожелания отмечены на полях рукописи;

8) я не буду настаивать на некоторых своих исправлениях, если Вы не будете согласны внести их в рукопись. В этом отношении, пожалуйста, поступайте так, как находите нужным;

9) на странице 6 следовало бы говорить не об упрощении системы дифтонгов, а об [нрзб] ее;

10) я старался ск[нрзб] все неточности, которые были замечены мною (напр., с. 54, 120 и т.д.);

11) исправлял опечатки (напр., с. 47, 53, 72, 78, 88, 44 и т. д.), но далеко не все.

Прилагаю «Предисловие» от редактора. Если найдете нужным, то включите в работу, если же в том не будет необходимости, то оно может послужить рекомендацией (отзывом) редактора.

До скорой встречи в Грозном!

Желаю Вам всего хорошего. Привет Вашей семье: Якубу, Лиде и всем остальным!

С приветом, Ю. Дешериев (подпись).

P.S. Я говорил с А.А. Саламовым об издании Вашей работы. Он сказал мне, что Институт готов направить Вашу рукопись в печать. Задержка из-за Вас.

Л.А. Шейман — Д.Д. Мальсагову
Ессентуки — Грозный, 10.08.1962

Снова провожу свой отпуск в Ессентуках, «по соседству» с Вами. Как Вы поживаете? Смотрели ли Вы новый академический сборник «Слово о полку Игореве» — памятник XII века? Там ссылаются на Вашу книжку о «Слове» — я этому очень рад.

Буду признателен за весточку. Сердечный привет Лиде и Якубу.

Уважающий Вас, Л. Шейман.

А. Савченко — Д.Д. Мальсагову
Теберда — Грозный, 10.08.1962

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Благодарю Вас за достигнутую договоренность относительно докладов для научной сессии. Темы докладов заслуживают внимания сессии. Ваше сообщение о «Слове о полку Игореве» также обещает быть интересным. Возможно, будут затруднения с включением его в программу сессии, поскольку от Чечено-Ингушетии предлагается много докладов, но постараемся включить и его. Если кто-нибудь из намеченных докладчиков не пришлет тезисов, как это нередко бывает, то всякие затруднения отпадут. Во всяком случае, пришлите тезисы обоих Ваших докладов.

Я вполне согласен с Вами в том, что нужно рекомендовать кафедрам тематику научной работы по кавказским языкам.

На прошлом заседании экспертной комиссии мы определили основные направления исследований, наиболее нужные в настоящее время: разработка нормативных грамматик, совершенствование орфографии, составление словарей, изучение истории литературных языков, методика преподавания русского языка в национальных школах и др. Наше постановление послано по вузам и научно-исследовательским институтам. Теперь, вероятно, нам нужно будет разработать более конкретную тематику. Об этом поговорим на заседании.

Заседание экспертной комиссии намечаем на 17 сентября.

Жму Вашу руку.

Ваш, (подпись).

Пишу из Теберды, где провожу отпуск.

**И.В. Тресков — Д.Д. Мальсагову
Нальчик — Грозный, 11.08.1962**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Прошу извинить за опоздание с этим письмом. Приболел, потом лечение в Трускавце. Только что вернулся и сразу пишу Вам.

На Голубом озере я пообещал Вам прислать свой труд по взаимосвязи культур народов Кавказа и, в частности, об общности прометеево-богоборческих мотивов у кавказцев и греков.

Старые журнальные статьи посылать не хочется, а новая работа еще только готовится. Как лишь она увидит свет, сразу же вышлю первый экземпляр Вам, дорогой Дошлуко Дохович, как основоположнику советского кавказоведения.

Вы пообещали познакомить меня с чечено-ингушскими и другими материалами по данной проблеме. Если не сложно выслать эти материалы почтой, буду Вам весьма признателен.

Желаю Вам, дорогой Дошлуко Дохович, нартского здоровья и орлиных творческих крыльев.

С глубоким уважением, Ваш И. Тресков (подпись).

**П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 13.10.1962**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Думал, что встречу с моими кавказскими друзьями на Ташкентской конференции — не вышло. Ездил всей семьей в Мариуполь, к родным — стало во Фрунзе теперь еще тоскливее. Совершать поездку к родным и друзьям в 30 лет раз, кажется, очень мало.

До чего же хорошо иметь столько денег (сребролюбец!), чтобы ежегодно бывать у друзей! Вот не добрался до Кавказа.

То ли это старость уже, то ли интеллигентская психология — тянет к старым друзьям, говорить и говорить хочется, вспоминать, а никого из вас нет близко и говорить не с кем. Знаете, скверно!

Был брат тут, а теперь совсем один, похоронил его. Погиб нелепо, поехал в Москву, а привезли на самолете: убила генеральская машина.

Сижу вот один в комнате, за окном дождь моросит осенний. Невесело. Через два дня на работу идти (я по бюллетеню, из неотложной), а не хочется.

А что Вы делаете сейчас, далекий Дошлуко Дохович? Хорошо, знаете, жить среди своих.

Эх, до чего же Вы далеко отсюда. Тоска.

А тут еще одну глупость совершил: в 1958 г. выпросил план и удвоил размер дома. Только закончил прошлой осенью, и новый закон вышел. В ближайшие

годы получу возможность выкупить за 110 кв. метров своего дома благоустроенную новую квартиру на 4-м этаже. За 9000 руб., это не очень дорого.

Если компенсировать это себе докторской степенью, было бы терпимо, но горкомхоз этим не занимается.

Дети, Дошлуко Дохович, незаметно, но неуклонно растут (ростом, не количеством).

А как у Вас внуки? А сколько их у Вас?

Письменно разговаривать, конечно, какой уж разговор. Но все же сообщили бы Вы что-нибудь о себе, а?

Да. Далеко очень. На самолете? Самолетом оно как-то без эмоций. Хорошо сесть на коня и верхом на огонек, к друзьям. Только нужен конь, да десятка два километров, вместо тысяч.

Так-то, дорогой Дошлуко Дохович.

Удалось издать в третий раз «Методику...», несмотря на разгромную рецензию Петрова. Ташкентская конференция помогла: нужно было показать «лицо».

Сейчас все против грамматики: «Грамматика вытесняет язык». Была такая статья в «Учительской». Я им послал в ответ: «Какая грамматика вытесняет язык», не напечатали. Напечатали в нашей.

Пошлю Вам их на память еще раз, ладно, Дошлуко Дохович?

В институте работаете?

Работайте обязательно, Дошлуко Дохович!

Работайте и работайте. И долго, долго здравствуйте.

Ну, вот и дождь перестал. Но все серо. Послезавтра на работу.

Пишите.

Здоровья Вам, Ваш П. Харакоз (подпись).

**А.В. Попов — Д.Д. Мальсагову
Ставрополь — Грозный, 1963**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Великое Вам спасибо за Вашу интересную и очень ценную работу о «Слове о полку Игореве», которую прочел с большой пользой для себя.

От всей души поздравляю Вас с праздником и прошу принять от меня скромные подарки: работу на близкую Вам тему и брошюру о дуэли и смерти М.Ю. Лермонтова. Как сказал Саади: «Листок зеленый — дар дервиша, что ему делать, если он — все его достояние».

С искренним уважением, А.В. Попов.

А.Н. Савченко — Д.Д. Мальсагову
Ростов — Грозный, 01.02.1963

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

В ноябре в Москве должна состояться научная конференция при Министерстве высшего и среднего образования (в масштабе РСФСР), доклады для которой представляются краевыми советами по координации научной работы, в том числе и нашим советом.

Мы можем представить от всего Северного Кавказа примерно три доклада по языкознанию. Среди них мы могли бы представить Ваш доклад. Я думаю, что для конференции подошли бы Ваши исследования о лексике «Слова о полку Игореве», а что касается чеченского языка, то там, может быть, и не будет людей, знающих его. Но для представления доклада нужно, чтобы Вы по 23 февраля прислали мне тезисы доклада, не больше 3–4 страниц машинописи через два интервала, в двух экземплярах. 25-го мы должны уже отправить тезисы в Москву. Они будут печататься. Раньше я не мог сообщить Вам об этом, потому что сам узнал только позавчера.

Заседание экспертной комиссии, на котором необходимо будет Ваше присутствие, состоится в апреле в Ставрополе. Обсудим научную работу филологических кафедр Ставропольского пединститута и некоторые отдельные научные работы по калмыцкому и карачаево-балкарскому языкам. Сообщите, пожалуйста, можно ли послать Вам эти работы для предварительного знакомства с ними.

С дружеским приветом, Ваш А. Савченко (подпись).

Сафар Нальгиев — Д.Д. Мальсагову
Владикавказ — Грозный, 07.03.1963

Дорогой Дошлуко!

Получил твое письмо, переданное мне твоей племянницей. Однако при передаче письма было еще сказано, что ждать мнения и ответа профессора Бугулова в отношении твоего зрения она не сможет, ввиду скорого выезда в Грозный.

Вместе с тем твоя племянница ни словом не обмолвилась о своих учебных делах, которые были изложены в письме. Конечно, я сделаю все, что смогу, чтобы помочь ей. Жаль только, что она не попала в заочную группу здешних врачей-стоматологов, с которыми я вел занятия по терапии с осени до января месяца сего года. Эти врачи уже сдали экзамены по терапии и по другим дисциплинам на прочих кафедрах. Пока я не в курсе дальнейших циклов занятий по усовершенствованию стоматологов. О них можно навести справки в Мединституте. Во всяком случае подобные курсы утверждены и проводятся у нас и в других медицинских вузах (Дагестанском, Ставропольском и др.).

По поводу твоей просьбы я имел беседу с Бугуловым, который предлагает тебе приехать к нему на консультацию в один из дней, кроме среды, пятницы и, есте-

ственно, воскресенья. Приехать можешь прямо в Республиканскую больницу (часам к 9-ти утра), а после консультации заедешь и отдохнешь у меня на квартире. Постарайся приехать до 15-го июня с расчетом побыть у меня несколько дней, так как с 15-го июня у меня начнутся экзамены и я, с дневными перерывами, буду занят в течение дня.

Если не сможешь быть до 15-го, то у меня еще свободный перерыв между экзаменами будет с 18.06 по 20.06 и с 25.06 по 29.06 сего года.

Я пишу подробно о более свободных днях с тем, чтобы уделить тебе время, надеясь, что ты не уедешь обратно в день приезда.

Мне думается, что с городом Владикавказом у тебя связано много воспоминаний, как и у меня. Не утолить жажду твоих душевных переживаний, связанных с молодостью, было бы жестоко с твоей стороны. Тем более, нет надобности напоминать тебе о том, что мы здесь живем на исторически занятой территории Ингушетии среди ингушских поселений от Джераха до Ачалуков, повседневно сталкиваясь с ингушами (не городского типа (!), как в Грозном). Итак, жду тебя в Орджоникидзе у себя.

Несколько месяцев тому назад в Москве скончался Соломон Наумович Ардашников. Этот преданный своим старым друзьям-ингушам человек до последних дней своей жизни посылал мне теплые письма с приветами старым друзьям и с воспоминаниями о прошлых совместно проведенных днях в Орджоникидзе. Только вчера узнал (от профессора Когана) о том, что умер он от лучевой болезни, длительное время работая над проблемой лечения рака и имея дело постоянно и неосторожно с рентгеном.

До свидания. Прими с семьей привет, Сафар.

А.В. Попов — Д.Д. Мальсагову
Ставрополь — Грозный, 27.03.1963

Дорогой Дошлуко Дохович!

Целую вечность не виделся с Вами и страшно соскучился. Надеюсь, что Вы находитесь в полном здравии. Посылаю в знак моего глубокого уважения к Вам и к Вашим научным заслугам мою новую книжку: «Декабристы-литераторы на Кавказе».

Буду очень признателен Вам, если Вы подтвердите ее получение и сообщите свои замечания в любой форме.

С глубоким уважением и братской любовью, А.В. Попов.

Е.И. Крупнов — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 17.04.1963

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Я очень сожалею о том, что в бытность свою в марте с/г в Грозном, с докладами о своей недавней поездке в Турцию, мне не удалось повидать Вас. Вероятно, Вы слышали о моих лекциях, с которыми я выступал в Махачкале, Грозном, Нальчике и Орджоникидзе. Всюду пришлось выступать дважды, а в Орджоникидзе даже трижды, плюс по телевидению. Моими аудиториями были городские активы и вузовцы. Интерес к докладам был проявлен огромный. В Нальчике, например, в актовом зале университета собралось более 1000 человек.

К сожалению, несмотря на мое сильное желание, мне не удалось в Турции посетить ни один пункт, населенный горцами Северного Кавказа. Это просто невозможно! Поэтому об их быте и положении я кое-что узнал только от наших дипломатических работников в Турции. Многие народности переживают там процесс ассимиляции. И положение многих незавидное, подобное недавнему положению там вернувшихся в СССР некрасовских казаков. Я имею в виду трудящиеся слои горского населения. Верхушечные слои — дело другое!

Но мне удалось нанести визит, в сопровождении советского атташе по культуре, одному почтенному жителю Стамбула — ингушу Бейсултану Батирханову. Вот о нем я и хочу поведать Вам. Ему сейчас 70 лет. Но он еще бодрый старик. Жена у него дагестанка-лачка. Сам Бейсултан Батирханов превосходно говорит по-русски. Наше знакомство завязалось года два тому назад, в связи с выходом в свет моей книги «Древняя история Северного Кавказа», которую он с трудом приобрел через Париж. Я получил от него несколько писем, положительно оценивающих мою монографию и брошюру с просьбой прислать все, что у меня выходит по Чечено-Ингушетии и Кавказу вообще, ибо он «только живет мечтой о Кавказе».

Я не знаю, как и когда он оказался в Турции. Раньше он занимался коммерцией. Сейчас живет на проценты с собранного капитала. Первоначально он встретил нас испуганно и недоверчиво, но потом потеплел, и наша очень интересная беседа продолжалась 2,5 часа. Разговор велся вокруг исторических вопросов (движение Шамиля, история чеченцев и ингушей и др.) и современных проблем (выселение, возвращение, события 1958 г., положение женщины на Кавказе, участие горской женщины в общественной жизни, живучесть адатов, патриархальщина, дружба народов и т.д.). В этой беседе этот старик-эмигрант проявил столько разумного подхода к сложным вопросам, что я был просто приятно удивлен его здравым смыслом, его передовыми взглядами на многие стороны нашей кавказской действительности, а о ней там существует искаженное и неверное представление.

Он, например, признавал двойственность природы движения Шамиля и второй этап этого движения не отождествлял с первым. Поднятие хозяйства и культуры таких небольших народов, как ингуши, он считает возможным только через

овладение началами всей мировой культуры и т. д., и т. п. В общем, я слышал от него такие серьезные и прогрессивные мнения, каких не слышал от национальной молодежи, участвующей в нашей экспедиции, проходившей курсы истмата и диамата.

Очевидно, в его оценке жизненных явлений сказался личный опыт жизни и глубокая осознанность пережитого.

Оказывается, в Турции он носит фамилию, искусственно образованную от имени его деда — Батыра. Отсюда — Батырханов. Действительная же его фамилия — Котиев. Родом он из районов Яндырка-Плиево. На столе у него я видел пожелтевшие фотографии родичей в офицерской форме Русской армии. На одной есть надпись матери «Мальсагова».

Недавно, просматривая в библиотеке литературу в «Горском вестнике» № 2 (июнь) за 1924 г., я натолкнулся на стихотворное изложение легенды «Усциг-Мальсаг», посвященной Б. Котиеву и С. Мальсагову. Автор — Е. Редин. Не знаете ли Вы, кто такой был Редин Е.? И не Бейсултану ли Котиеву (ныне Батырханову) посвящена эта легенда? На днях я получил от него еще одно письмо, в котором он развивает мысль о том, что чеченцы и ингуши, по существу, единый народ. Собираюсь отвечать ему, хочу переслать и эти стихи. Буду Вам очень признателен, если Вы ответите мне о Редине.

С глубоким уважением, Е. Крупнов.

Д.Д. Мальсагов — Е.И. Крупнову
Грозный — Москва, 20.04.1963

Глубокоуважаемый Евгений Игнатьевич!

От души поздравляю Вас с присуждением вполне заслуженной Вами Ленинской премии.

С большой радостью и интересом перечитывал Ваши тезисы об истории Кавказа.

По поводу Вашего письма могу сообщить, что в Е. Редин работал в 1922–23 гг. (если я в годах ошибаюсь, то не на много) вместе с Сафаром Мальсаговым и Бердом Котиевым в городе Владикавказе. Е. Редин посвятил свою легенду названным лицам. Ныне ни Сафара, ни Берда нет в живых, они были в 1937 г. репрессированы. Берд Котиев жил и работал с 1924 г. по 1937 г. в Москве. Был представителем Ингушской автономной области при ВЦИК, женат на русской, видимо, она проживает в Москве. Сведения о Е. Редине и его поэме я получил в свое время от Сафара Мальсагова и профессора Л.П. Семенова. Последний в своей работе «О ингушской и чеченской словесности» пишет о Редине и его поэме («Известия» Ингушского института, т. 1). Е. Редин в 20 годах, конечно, не мог писать о Вашем знакомом Котиеве, который в то время, по Вашим словам, был в эмиграции. Если Вас интересует, кто такой эмигрант Котиев, о нем можно навести справки у ста-

риков. Меня удивляют прогрессивные взгляды человека, в период советизации Кавказа эмигрировавшего в Турцию. Трудовая часть Ингушетии героически боролась за Советскую власть...

Вам, конечно, должна быть известна огромная тяга дореволюционных ингушей (об этом пишет Грабовский), и особенно современных, к русскому языку.

До переселения в Чечне и Ингушетии преподавание на родном языке было организовано в первых 4-х классах, но мы настояли на обучении на русском языке, начиная с 1-го класса... Чеченцы и ингуши в значительной степени стали двуязычны (родной и русский языки), народ хочет не только сохранить это двуязычье, но и усилить его. Это, конечно, ни в коей мере не принижает роль родного языка и литературы на нем. Ингушский литературный язык активно развивается...

Вы пишете о Шамиле. Я не знаю движения Шамиля в Чечено-Ингушетии, если говорить, основываясь на научной почве. Ингушетия и часть Чечни активно боролась против Шамиля. В Чечню он был приглашен стать во главе восстания 1840 г. как лицо нейтральное. В то время Шамиль проживал в качестве беглеца в Шатое... Само восстание было вызвано, как об этом говорят многочисленные документы (например, «Чечня и чеченцы», Берже), произволом и насилием царской администрации и настойчивым стремлением закрепить вольные чеченские общества за кабардинскими, кумыкскими и аварскими князьями. Культа Шамиля в Чечено-Ингушетии не было и быть не могло.

Я хотел обратить Ваше внимание еще на одно: я мельком слышал о том, что Вы сказали в докладе, что среди выселенных в 1861 г. в Турцию наших земляков преобладают ингуши. Боюсь, что Ваши сведения не точны. Все источники, предания, рассказы стариков свидетельствуют о том, что среди переселенцев ингушей почти не было. Переселились, главным образом, орстхойцы, т. е. племена, обитавшие на Фортанге (Мартану). Орстхойцы, вплоть до революции, упорно не хотели называть себя ни чеченцами, ни ингушами; язык их переходный между ингушским и горно-чеченским диалектами. Вы пишете о фотокарточке майора Мальсагова. Это очень интересно. Известно, что чин майора в русской армии был при Николае I, при Александре II его уже не было. Следовательно, фотография должна относиться к середине XIX в. Кто тогда из Мальсаговых был майором, не представляю.

Вы пишете о наших студентах. Я с огромным удовлетворением и радостью читал речь Н.С. Хрущева о том, что у нас не должна быть проблема «отцов и детей». Вы знаете, что молодежь в спорах увлекается и в ней сказывается дух противоречия, и, когда ее уверяют, что у ее народа все плохое и только плохое, когда искажаются точные исторические факты о роли чеченцев и ингушей в революционной борьбе за дело Октября, это ее не может не волновать. Я уверен, что эмигранты, покинувшие Родину в трудное для народа время, никогда, ни в какой мере не будут образцом для нашей молодежи.

С глубоким уважением, Д. Мальсагов (подпись).

**П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 08.05.1963**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Вы не забываете меня, и за то сердечное Вам спасибо.

Но теперь мне совестно от того, что Вы продолжаете беспокоиться обо мне.

Нет больше смысла заботиться о моей судьбе.

Последний год разразился для меня такими событиями, что я резко сдал. И мне очень и очень не хватает Вас, Дошлуко Дохович, но я теперь не в состоянии начать все заново на новом месте.

Здесь еще могут меня терпеть «за заслуги», когда я чего-нибудь не сделаю или не приду на работу. На новом же месте я могу не оправдать ожиданий.

Не тратьте больше сил на меня: с выездом я опоздал.

Да и не только с выездом. Поумнеть опоздал. Правильное начало постиг в конце. А может, и в конце — только кажется, что постиг.

Жалко до удушья, если не придется больше встретиться. А, похоже, что так.

Другого Дошлуко на оставшемся пути своем тоже не встретить.

Да продлят Вам оставшийся путь Ваши дорогие дела, свершенные на пройденном.

Мои наилучшие пожелания Вам и роду Вашему.

П. Харакоз (подпись).

**Л.Б. Панек — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 20.05.1963**

Здравствуйтесь, дорогой Дошлуко!

Напишите мне, пожалуйста, Ваш адрес. На Ваше поздравление к Новому году я послала Вам в ответ заказное письмо, но получила его обратно, со справкой из адресного стола, что Вы там не проживаете. Где же Вы живете? Напишите, пожалуйста.

Пока больше ничего не пишу, т. к. не уверена, что не получу и это письмо обратно.

Привет Вам и всей Вашей семье, уважающая Вас Л. Панек.

**А. Савченко — Д.Д. Мальсагову
Ростов — Грозный, 08.07.1963**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Л.П. Громов сказал мне, что Вы не участвовали в заседании экспертной комиссии по литературоведению, которое происходило в Грозном в мае. Из этого я за-

ключая, что Вы не расположены работать в экспертной комиссии по литературоведению, и рассчитываю на Ваше участие в нашей комиссии по языкознанию, где мы так хорошо начали работать.

Сейчас разрешите посоветоваться с Вами.

После того, как расстроилась наша сессия по проблеме эргативной конструкции предложения, я стал думать, какую еще проблему кавказского языкознания следует поставить на обсуждение. Для меня ясно, что в первую очередь нужно обсудить вопросы сравнительно-исторического изучения кавказских языков, поскольку в этой области мало делается и много есть неясного, но я не знал, найдем ли мы докладчиков по этим вопросам на Северном Кавказе. Недавно я, будучи в Киеве, встретился там с Г.Б. Муркелинским и узнал от него, что в их институте (Дагестанский филиал Академии наук) несколько человек работают над сравнительно-историческим изучением дагестанских языков, и даже предполагается сессия по этому вопросу. Он полностью поддержал мою мысль. В обсуждении этих вопросов приняли бы участие и языковеды Тбилиси во главе с А.С. Чикобава. Для того чтобы привлечь к сессии большее количество языковедов, можно включить в программу и вопросы истории литературных языков Северного Кавказа, и вопросы взаимовлияния языков. Исходя из всего этого, я думаю, что нужно попытаться организовать научную сессию по вопросам исторического изучения иберийско-кавказских языков Северного Кавказа в Махачкале. Я уже послал даже письмо директору Института истории литературы и языка Дагестанского филиала Академии наук с вопросом, не согласны ли они провести вместе с нами такую сессию. Ответа я еще не получил. Если они откажутся, то можно договориться по этому вопросу с Дагестанским университетом. Наметить сессию лучше всего на осень будущего (1964) года.

Что Вы думаете по этому вопросу? Найдем ли мы достаточное количество докладчиков? Выступите ли Вы с докладом? Знаете ли Вы кого-нибудь, кто работает над такими вопросами? Не считаете ли Вы, что нужно поставить на обсуждение еще какую-нибудь другую проблему, которая вызвала бы интерес и привлекла к участию в сессии большее количество языковедов?

Сожалею, что не имел времени раньше написать Вам об этом. Через три дня я уезжаю в отпуск на Украину. С конца июля буду находиться в Мукачево. Лучше всего послать мне письмо после 25-го июля по адресу: г. Мукачево, Закарпатской обл. [адрес]. Савченко Юрию Николаевичу для А.Н. Возвращусь в Ростов примерно 25 августа.

В сентябре-октябре проведем заседание экспертной комиссии в Ростове, а потом будет заседание уже в мае в Орджоникидзе по обсуждению работ языковедов Северной Осетии.

В ожидании ответа остаюсь искренне уважающий Вас, А. Савченко (подпись).

**Н.А. Асанов– Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 23.06.1963**

Уважаемый Дошлуко Дохович!

Я снова и еще более внимательно прочитал рукопись Мамакаева и значительно исправил ее.

Очень слабая глава 9 первой части потребовала переделки. Так как в романе нигде не сказано, за что, собственно, был арестован Асланбек (вернее, в одной части говорится, что за защиту крестьян, в другой — за защиту рабочих), то я был вынужден усилить ее освобождением Гикало. Посоветуйтесь с автором. Если этот вариант его не устроит, надо главку снять.

Есть и еще значительные поправки, думается, на пользу рукописи.

Многие замечания обращены к автору. Если автор произведет какие-то поправки и пришлет мне, я дополнительно включу их в русский текст.

Рецензент «Дружбы народов» тов. Тверской дал положительную рецензию на роман, но журнал из своих соображений (много исторических произведений уже опубликовано!) взять роман не может. Однако замечания рецензента я учел в этом варианте.

Видел я и план оформления, сделанный Заурбеком Абоевым. Он вполне хорош. Прошу Вашего художественного редактора связаться с Абоевым письменно или по телефону.

Жду Ваших писем. Буду в Москве еще месяц. С приветом, (подпись).

P.S. Прошу прощения, адресовал рукопись «Ленина, 33», надеюсь, Вы ее получите и так. (подпись)

**А.С. Чикобава — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Грозный, 04.08.1963**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

В ответ на Ваше письмо сообщаю, что возможность прикомандировать двух студентов Института для работы над кандидатской диссертацией имеется по линии университета.

Необходимо на имя Ректора академика АН Грузинской ССР профессора Харадзе Евгения Кирилловича прислать отношение (ходатайство) Пединститута до конца августа, чтобы университет выделил им места в комнатах для аспирантов (в студгородке).

Следует указать, что предметы минимума сданы, а также — названия тем, какие Вы там найдете целесообразным (уточнить можно будет впоследствии по консультации с Вами).

Откровенно говоря, у меня нет уверенности, что сдача минимума не была формальностью (в особенности, по иностранному языку).

Большое сомнение относительно работы тов. Ч. Бибулатова.
Ваша рекомендация в данном случае имеет решающее значение.
Как Ваше здоровье? Желая абхазского долголетия.

Привет Вам от Тамары Ивановны и меня. Прошу передать поклон супруге.

С уважением, Арнольд Чикобава.

P.S. Лето я остаюсь в городе (точнее — под (и над) городом).
Лечиться поеду в первых числах октября (после пятого). А.Ч.

А.В. Попов — Д.Д. Мальсагову
Ставрополь — Грозный, 12.08.1963

Дорогой Дошлуко Дохович:

Великое Вам спасибо за Ваше доброе отношение ко мне и к моим работам.

Я послал Вам еще два новых труда: материалы к изучению романа Лермонтова «Герой нашего времени» и небольшую книгу рекомендательной библиографии по проблеме «Лермонтов и Кавказ».

Кроме того, я направил в Ваш адрес два экземпляра моей публикации о Садулле Хашигулуфе в газете «Кавказская здравница» (Вынужден был отдать его в эту газету, так как работники «Сердало» не хотели давать ингушу Садулле свету). В публикации с большим уважением называется Ваше имя.

Очень хотелось бы лично повидаться с Вами. Если бы я никому не помешал, то с удовольствием бы на национальном отделении прочитал моим молодым друзьям-горцам курс лекций по истории русской литературы XIX в. (хотя бы первой половины).

К сожалению, мои грозненские друзья не балуют меня своими письмами, а ученики, остепенившись, «наложили печать молчания на уста свои». Что ж, и у молодежи свои нравы, свои понятия.

Буду рад, если Вы подтвердите получение моих материалов.

От души желаю Вам здоровья и творческих успехов! С искренним уважением,
А.В. Попов

А.С. Чикобава — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Грозный, 30.09.1963

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Определенная перспектива положительного решения вопроса имеется. Хотелось проконсультироваться относительно тем: «Местоимения в нахских языках (состав основ, морфология, синтаксические функции)», для Алимбека Куркиева и «Лексика животноводства в нахских языках», для Нураддина Бибулатова. Темы конкретные, научно значимые, общими фразами не отделаться.

Буду признателен, если сообщите Ваше мнение.

Было приятно узнать, что товарищ Здоровье ведет себя значительно лучше. Впрочем, особо нагружать себя часами (лекционными) вряд ли можно считать проявлением должного уважения к товарищу Здоровье.

Прошу передать поклон семье.

С уважением, Арн. Чикобава.

**Ш.И. Микаилов — Д.Д. Мальсагову
Махачкала — Грозный, 22.10.1963**

Здравствуйте, дорогой Дошлуко!

На днях мне передали, что Вы собирались ехать к нам, ну что же, добро пожаловать, я жду Вас.

Вы помните, однажды мне подарили оттиск работы о «Слове о полку Игореве»? Откровенно говоря, я ее тогда не прочитал и положил на полку. На днях, когда копался в книгах, наткнулся на нее, начал просматривать, и она втянула меня прямо-таки в анализ Ваших суждений.

Эта книжка оказалась настолько кстати, что ряд Ваших взглядов послужил для меня опорой для подтверждения своих догадок по этимологии некоторых слов, по установлению связей северокавказских народов с южнорусскими народами и т. д. и т. п. Я просто полюбил эту книжку, и когда я рассказал об этом своим товарищам, то она пошла по рукам. Вот как, брат.

Собираясь писать Вам, я случайно спросил аспирантов о Вашем адресе. И только теперь узнал, что о Вашем доме, вернее, от Вашего дома осталось одно воспоминание. Ну что поделаешь, обстоятельства часто складываются не в нашу пользу. Надеюсь, что вы получили достойную квартиру.

Я часто справляюсь о состоянии Вашего здоровья, получаю успокаивающие сведения, рад, что Вы работаете.

Меня опять назначили заведующим сектором литературы и фольклора, согласился после настоятельных требований, т. к. смешно сидеть управлять литературой и писать лингвистические работы. Вот и маюсь меж этими огнями.

Сейчас наши лингвисты заняты тяжелым трудом: сравнительно-исторической лексикой дагестанских языков, в работе участвует около десяти человек, я руковожу этой группой и страшно ругаюсь, потому, что у каждого свое мнение о вещах и споры бесконечные.

Моя личная тема на текущий год: «Сравнительно-историческая лексика аварских диалектов, в процессе увлекаюсь этимологией (конечно, не такой, как у В.И. Абаева, нам далеко до него).

А ведь у нас с Вами этимология особая, младописьменными являются все языки, входящие в группу, следов надо искать все в устной диал. речи и т. д. и т. п.

Спешу, дорогой, иначе можно бы писать без конца. Здоровье мое? Здоров достаточно, но потихоньку попиваю и покуриваю, ях1 не хватает, чтобы взять себя в руки.

Ваш Микаилов (подпись).

Передайте всей семье мой хороший дагестанский салам и пожелания здоровья и благополучия.

Младший сын мой также женился, живет со мной, вдобавок появился внук, вокруг которого сейчас вертится вся наша семейная солнечная система, тем более, он аккуратно поднимает всех на ноги в 4–5 утра. Весело, но хлопотно.

**А.Н. Савченко — Д.Д. Мальсагову
Ростов — Грозный. 28.11.1963**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

У нас (как, впрочем, и на всякой научной конференции) докладчики сами определяют темы своих докладов. От Вас желательно получить доклад или по исторической грамматике нахских языков, или по вопросу о родстве нахских языков с дагестанскими, или по истории литературного чеченского (или ингушского) языка. Поскольку подготовка доклада по исторической грамматике нахских языков затрудняется тем, что еще не вышла книга Ю.Д. Дешериева, Вы могли бы, как мне кажется, подготовить доклад по истории чеченского литературного языка, которой Вы уже занимались.

Сообщите, пожалуйста, мне, как Вы решили этот вопрос. Тезисы доклада нужно послать до 1 апреля в Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук, директору Г.Д. Даниялову (он — председатель Оргкомитета).

Ваш А. Савченко (подпись).

У меня к Вам есть еще личная просьба: узнайте, пожалуйста, не будет ли в Вашем пединституте вакансии преподавателя английского языка.

И еще одна просьба: если еще у кого-нибудь из языковедов Грозного (например, у Р.И. Долаковой) есть материал, подходящий для нашей сессии, то передайте им, что они приглашаются принять участие в сессии и сообщить мне свою тему.

А. Савченко (подпись).

**А.А. Магометов — Д.Д. Мальсагову
Тбилиси — Грозный, 06.12.1963**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Вернувшись из отпуска, застал Ваше письмо. Сердечно благодарю Вас за Ваши поздравления в связи с выходом в свет моей работы. С печатанием у нас трудно-вато, поэтому работа вышла с большим запозданием.

Дагестан откликнулся на книгу, в трех газетах появились рецензии, в том числе в «Дагестанской правде» (от 20 ноября с/г).

Позвольте, глубокоуважаемый Дошлоко Дохович, послать Вам последнюю мою статью, опубликованную в «Вестнике» Отделения общественных наук нашей Академии.

Надеюсь, что Вы уделите внимание и сочтете возможным ознакомиться со статьей. Буду очень рад, если окажусь полезным Вам и Вашей дочери в каком-либо вопросе из даргинского или лезгинских языков.

С искренним уважением и пожеланием доброго здоровья,

Александр Амарович Магометов.

**М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, начало 1964**

Дорогой Дошлоко Мальсагов!

Михаил Яковлевич и Роза Иосифовна Немировские благодарят Вас за новогоднее поздравление (телеграмму) с 1964 годом и, в свою очередь, приветствуют Вас с семьей Вашей и шлют наилучшие пожелания, Вам же лично — успехов в научной и преподавательской работе.

Мы — я и Роза Иосифовна — в 1963 г. отметили еще другое семейное событие — золотую свадьбу в мае, но только для близких родственников.

Кроме того, наш внук женился и уже имеет годовалую дочь.

Пишите чаще. Передайте наш привет Тамаре Тонтовне и другим.

Ваши М.Я. и Р.И. Немировские.

**Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 1964**

Дорогой Дошлоко!

За письмо благодарю. Работу Тамары Ивановны не послали Вам по следующей причине. Нам сообщили, что Вам трудно читать, поэтому ради Вашего здоровья не следует Вас обременять такой работой.

Я был бы Вам признателен, если бы Вы организовали пересылку моей «Сравнительно-исторической грамматики». Несколько экземпляров, сколько есть в Вашем институтском киоске. В магазине сообщили, что ее нет. А вот в Вашем институтском киоске ее видели, в книжном киоске. Книги нужно выслать наложенным платежом.

Большой привет Вам от наших. Пожалуйста, передайте привет своим от меня.

С приветом и наилучшими пожеланиями, Юнус.

М.Я. Немировский — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 1964

Дорогой Дошлуко Дохович!

Ответ Ваш действительно запоздал, т. к. мою работу уже отослал мне некто, фамилию которого не запомнил хорошо, вроде Избоев или Издоев. Он мне сообщил, что случайно, открыв сейф, нашел мою статью, положенную туда Ошаевым. Поручение его он, Издоев, забыл выполнить. Что касается этой моей статьи, то об этом Х.Д. Ошаев ничего мне не писал и не мог, т. к. сам ушел из НИИ. Дать отзыв о Вашей работе «О некоторых непонятых местах в “Слове о полку Игореве”» я не брался еще тогда, мотивируя тем, что я не так владею чечено-ингушским языком, как требуется для данной цели.

Ныне здоровье мое хуже, мне даже правой рукой трудно писать, т. к. три пальца у меня не действуют (контрактура). Память плохой стала. Словом, «старость не радость», болезни мои многочисленны и в моем возрасте неизлечимы (мне уже пошел 79-й год), а когда наступает обострение, то терплю немало бед. Хорошо еще, что Роза Иосифовна меня опекает, а если бы не она, я бы уже давно погиб. Она, бедняжка, можно сказать, приносит себя в жертву. Она постарела, поседела, ослабела, обслуживая меня.

Но вернемся к Вашему письму и отзыву. Вы называете суровым отзыв Ржиги, а этот отзыв мне нравится своей правдивостью солидного ученого, не то, что хвалебные письма.

Лихачев — член-корреспондент. Тоже серьезный и передовой ученый, и его мнение, и заметка, о которой он пишет, имеют ценность.

В его заметке непонятна фраза «Кстати, в Болгарии Ваша работа не будет получена».

В заключение я удивляюсь, для чего Вам, дорогой мой ученик, такое число отзывов от ученых, не знающих Вашего родного языка, дело не в количестве отзывов, а в их качестве, качество же Вашего толкования как знатока чечено-ингушского языка и фольклора (этнографии, если хотите шире охватить), безусловно, на мой взгляд, выше.

P.S. Прошу сообщить адрес Ю.Д. Дешериева, который я утерял, а он прислал даже два экземпляра своего «Хиналугского языка». Надо его поблагодарить.

Надеюсь получить от Вас ответ по поводу моих недоумений.

Неизвестный автор (друг Н.И. Штанько) — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 1964

Дорогие товарищи, в свое время по молодости лет мне не пришлось быть лично знакомым с научными работниками — чеченцами, которые серьезно занимались историей Кавказской войны и русскими писателями, бывавшими во время этой войны в Чечне — Грибоедовым, Полежаевым, Лермонтовым, Толстым.

Хотя от своего близкого друга Н.И. Штанько я знаю, как еще в 1943 г. Дошлуко Мальсагов, высоко ценивший кавказские стихотворения Полежаева за высокое гуманное отношение к бессмысленной жестокости Кавказской войны, планировал в Вашем институте начать работу по Полежаеву. Это меня очень интересует, т. к. в течение многих лет я занимался и продолжаю заниматься Полежаевым, причем тема «Полежаев и Кавказ» для меня, кавказца, выросшего на Кавказе, особенно дорога.

Я уверен, что, несмотря на те испытания, которые пали на долю чеченского и ингушского народов, в самое ближайшее время жизнь в Чечено-Ингушетии войдет в нормальную колею, что в республике восстановится и пойдет далеко вперед развитие национального искусства и литературы, и науки — той самой науки, которая не может правильно развиваться без участия интеллигенции из представителей коренного населения республики. Имею в виду те науки, которыми призван заниматься Ваш институт.

Моя судьба сложилась таким образом, что я уже десять лет живу в Москве, где защитил кандидатскую диссертацию о творчестве Полежаева, где получил ученое звание доцента и работаю в Московском заочном полиграфическом институте. Но Кавказ мне по-прежнему дорог не только как моя родина, но и как одна из главных тем моих научных интересов и сейчас, и на много лет вперед.

Кое-что о Полежаеве в связи с Кавказом я опубликовал, в частности, и в грозненских изданиях. Конечно, печать времени наложила свой след на трактовку вопросов, связанную с оценкой движения кавказских горцев под руководством Ших Гази-хана Мухаммеда (Кази-муллы) и ряда смежных проблем. Время внесло поправку во многие представления и точки зрения, и, думается, сейчас настала пора, когда можно строго научно, не связывая себя ничьими предварительными суждениями, попытаться разобраться в далеком прошлом нашего края. Изучение этого прошлого сейчас особенно важно, ибо оно поможет понять и правильно оценить подлинное, исторически сложившееся родство трудового народа Чечни с простыми русскими людьми, которых превратности судьбы забрасывали на Кавказ.

Нам нечего бояться браться за самые острые темы прошлого, ибо история — настоящая, без грубых исправлений и натяжек, которых, хочу надеяться, больше не будет, — эта история за нас, она работает на нас с Вами.

Мне очень хочется, чтобы в Вашем институте началась настоящая работа по изучению истории Чечни, и хочется предложить Вам свое участие в разработке некоторых вопросов — прежде всего меня интересует Полежаев. Здесь мне часто приходится видеться с Нуреддином Гобердовичем Ахриевым, которого я знаю по Московскому университету и с которым мы очень много говорим о том, что нас обоих так интересует и волнует — о развитии кавказоведения, которое сейчас влечит довольно печальное существование. Если Вам понадобится мое участие, я готов самым решительным образом сотрудничать с Вами. О формах этого сотрудничества мы сумеем договориться. Я бываю в Грозном, где живут мои родители, и надеюсь встретиться с Вами летом этого года (нет окончания. — *прим. авт.*).

С.В. Шервинский — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 06.01.1964

Многоуважаемый Дошлуко Дохович,

Нуреддин Гамбертович сообщил мне, что Вы продолжаете Ваши интересные изыскания по «Слову о полку Игореве». Это меня очень порадовало. Ныне разрабатываемый Вами вопрос о таинственных «карне» и «желе» настоятельно требует разрешения, потому что все предлагавшиеся до сих пор понимания окончательно не удовлетворяют. Года три тому назад один слововед с периферии познакомил нашу Комиссию с любопытной своей теорией, сводящейся к тому, что «карна» и «желя» — музыкальные инструменты, применявшиеся при погребальных обрядах. Его теория нас не убедила, но должен сказать, что его аргументация не лишена была значительного интереса. Я разумею Василия Дмитриевича Воробьева, он, к сожалению, сейчас работает где-то в Литве и от нашей Комиссии оторвался.

Вы спрашиваете, нельзя ли опубликовать Вашу новую работу в столичном все-союзном издательстве. Затрудняюсь ответить на этот вопрос достаточно основательно. Во-первых, т. Ахриев ничего не сообщил мне, какого объема Ваша работа, а это очень важно для разговоров о публикации. Отдельной брошюрой типа Вашей книжки, изданной в Грозном, напечатать ее в Москве вряд ли реально, по крайней мере, я не вижу пока таких возможностей. Другое дело, если речь идет о статье. Однако и в этом варианте предвижу ряд затруднений. По существу, единственным органом, где печатаются серьезные работы по древнерусской литературе, являются Труды Пушкинского Дома. Там ведущим деятелем остается Д.С. Лихачев. Вы могли бы предложить работу туда. У Вас то преимущество, что Вы работаете в институте, связанном с Академией наук. Но никто не возьмет на себя смелость обнадежить Вас, что там работа Ваша будет принята. В позапрошлом году они не приняли к печати мою статью «Поход 1185 в историческом и поэтическом освещении», и мне пришлось опубликовать ее в журнале Украинской академии наук на украинском языке. Что касается Москвы, то у нас нет такого органа, где охотно бы приняли работу на частную тему слововедения. Некоторые из наших ученых, например, Позднеев, нередко публикуют работы за границей.

Независимо от перспектив печатания, наша Комиссия была бы очень заинтересована познакомиться с Вашим новым трудом. Не собираетесь ли в Москву? Конечно, огласить Ваше исследование лично было бы лучше всего. Напишите мне по этому поводу.

Разрешите мне просить Вас об одном одолжении, тоже касающемся Слова. Дело в следующем. В Вашей грозненской книжке Вы упоминаете на с. 136 фамилию «Алборов». Скажите, пожалуйста, что за корень у этой фамилии, и нельзя ли протянуть этимологические нити от нее к упоминаемым в Слове «ольберам». Проблема «татранов», «шельбирив» и других продолжает живо меня занимать. Поскольку я не сомневаюсь, что так или иначе эти наименования относятся к Северному Кавказу, я естественно хочу найти какие-нибудь реликты в современных

именах, в частности в фамилиях и родовых обозначениях Предкавказья, Кавказа и Приазовья. Если у Вас возникнут какие-либо ассоциации этого порядка, не откажитесь мне их сообщить, я буду Вам сердечно признателен.

Примите мои наилучшие пожелания на 1964 год.

С искренним приветом, С. Шервинский.

Д.Д. Мальсагов — С.В. Шервинскому
Грозный — Москва, начало 1964

Уважаемый Сергей Васильевич!

Мне большую радость доставило Ваше обстоятельное и теплое письмо. Несколько слов о себе. Последние два с половиной года я болел, писал мало, но работу не бросал. Ныне работаю в Пединституте и по мере сил стараюсь вести научную работу.

Чечено-Ингушское издательство приняло в печать мои две работы: первую о связях восточных славян и России с чеченцами и ингушами, и вторую — о «Слове». Работы послал на редактуру Николаю Ивановичу Штанько — это ответственный сотрудник газеты «Известия», автор нескольких работ по Чечено-Ингушетии, он же — Н.И. Сергеев, автор поэмы «Солнце в крови», посвященной Ханпаше Нурадилову.

В своей работе я, используя некоторые лингвистические и исторические данные, старался показать, что связи между вайнахами, обитавшими по Военно-Грузинской дороге, и восточными славянами не были случайны с Анского до конца Тмутараканского периодов. Если армяне, грузины, гаргары — предки нахов — имели возобновленную письменность с четвертого века, мне кажется, нет оснований не верить биографу Константина Философа в том, что Константин в Крыму видел священные книги на славянском языке, а если это так, вполне естественно совершенство славянского алфавита, возникшего и в течение нескольких веков развивавшегося там, где впоследствии зафиксирована Тмутараканская Русь. Совершенство славянского алфавита удивляло французского лингвиста Мейе, тем более что такое совершенство не наблюдалось ни в одном западноевропейском алфавите.

Сравнительное изучение глаголицы с армянским алфавитом и с многочисленными надписями в Нагорной Чечено-Ингушетии могло разрешить эту загадку.

Профессор Пожидаев лет 30 назад сопоставлял глаголицу с кабардинской тамгой. Ныне он ослеп, живет в Москве.

К сожалению, кажется, никто по существу не заинтересовался его опубликованными трудами. В современной науке признано культурное значение древнего и средневекового Кавказа, отмечается даже, что славяне находились в более благоприятных условиях исторического развития, чем западноевропейские народы, так как примыкали к Кавказу (например, профессор Токарев), но практический вывод из этого правильного тезиса почти не делается.

В настоящее время я занимаюсь художественными особенностями «Слова», сопоставляя их с данными нахского фольклора. Образы «Слова» и образы устной словесности кавказцев часто удивительно близки, чтобы не сказать едины.

Ваше предложение сделать доклад у вас принимаю с большой благодарностью. Могу приехать в Москву в апреле или в начале мая. Было бы хорошо, если бы Вы смогли повторить свое предложение в официальной форме, чтобы я мог согласовать поездку с ректоратом института.

Вас интересует этимология осетинской фамилии Алборова.

Я послал запрос по этому поводу к профессору Алборову в г. Орджоникидзе.

Публикую работу о «Слове», я опустил главу о «Карне» и «Желе», так как сведения, сообщенные мне в 1936 г. ныне покойным Албастхаджи Тутаевым, я не мог ничем подтвердить. Они сводились к следующему: в 1858 г. ингуши получили приказ царского командования ликвидировать хутора и образовать крупные поселки в местах, указанных царской администрацией. Ингуши возмутились, решили атаковать Крепость Назрань — она находилась в центре Ингушетии. Накануне атаки, ночью многочисленные всадники ездили с хутора на хутор, с населенного пункта в населенный пункт, имея в руках горящие головешки или светильники (рога с горючим). В ту же ночь молодежь собралась на священном холме недалеко от Крепости Назрань, имея в руках подобные светильники. Я долго искал подтверждения слов Албастхаджи, есть старики, которые слышали все это, но в 1961 г. совершенно неожиданно нашел архивные данные о судебном процессе по Назрановскому бунту о том, что обвиняемые скакали с огнем, а молодежь собиралась напротив Крепости со светильниками. Аналогия между ингушским обычаем в середине XIX в. в дни народного горя (опасности) призывать население к бою, отпору врагу, имея в руках огонь, почитавшийся священным, и подобным же обычаем XII в. Юго-Восточной Руси, мне кажется, напрашивается сама собой. В самом деле, Игорева рать потерпела страшное поражение, половцы [нрзб] гнездо, мужественные славяне призывают все население к отпору.

Здесь мы имеем образное изображение всадников, скачущих с пламенем и призывающих к бою, в дни укора и печали.

Укора, о котором в другом месте «Слова» сказано [нрзб] — понести поражение в бою, всегда считалось достойным укора и печали Земли Русской по поводу потери мужественных сынов и буйного нашествия половцев, несших грабежи, разбои и убийства.

Д.Д. Мальсагов.

**Н.И. Штанько — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 10.02.1964**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Простите, что не ответил на Ваши письма своевременно, со мною случилось небольшое несчастье: я сломал руку. Да еще правую, да еще как-то не совсем

обычно, со всякими усложнениями. И вот только сейчас пробую писать хотя бы на машинке, хотя бы левой рукой. Заранее прошу извинить меня за неизбежные опечатки и неряшливость этого письма.

Я получил Вашу работу от издательства. Прочел (пока без карандаша). Первое впечатление — весьма положительное. Попозже сообщу Вам более обстоятельно свои впечатления и замечания, буде такие окажутся (после тщательной и придирчивой читки).

Не скрою, предложение издательства поставило меня в очень затруднительное положение. Я готов без всяких оговорок сделать все от меня зависящее, чтобы эта Ваша работа как можно скорее и как можно в лучшем виде вышла в свет. И не только потому, что автор ее дорог мне, а еще и потому, что я отлично понимаю всю важность, значимость, всю актуальность этой работы. Но именно поэтому я должен еще раз поставить перед Вами очень серьезные вопросы: не переоцениваете ли Вы мои весьма скромные возможности? Я могу взять на себя литературное и в какой-то мере общественно-политическое редактирование этой работы (и охотно это сделаю, не вступая ни в какие договорные отношения с издательством). Но в научном отношении я Вам абсолютно бесполезен. Ведь более десяти лет я не занимался Кавказом, не следил за литературой. Да и будем откровенными — раньше тоже я был скорее публицист, чем историк, и скорее дилетант, чем научный работник.

И совсем мне не ясно, откуда и почему возникло другое предложение: «организовать рецензирование работы одним из специалистов литературоведов или кавказоведов», Дошлоку Дохович!

Честное слово, не знаком я с такими специалистами (разве что с Е.И. Крупновым). Я, разумеется, могу через отдел науки редакции найти подходящего ученого и предложить ему совершенно официально прорецензировать Вашу работу, но я не могу поручиться, что таким путем работа Ваша попадет в руки доброжелательные... Может быть, Вы мне подскажете подходящие кандидатуры?

Еще раз извините за путанное и неряшливое письмо, это моя первая попытка что-то написать за последние полтора месяца.

Горячий привет всем членам Вашей замечательной семьи!

Желаю Вам здоровья, счастья, творческих успехов,

Ваш Н. Штанько.

**Ш.И. Микаилов — Д.Д. Мальсагову
Махачкала — Грозный, 04.04.1964**

Здравствуй, дорогой Дошлоку!

Только что вернулся из Москвы и уже еду в горы (с бригадой). О Вашей поездке к нам советовались с Данияловым, пришли вот к чему: в конце года у нас будет большая научная сессия, посвященная этногенезу дагестанских народов и срав-

нительно-историческому изучению дагестанских языков. Как видите, соединены две отрасли науки в расчете, что они будут восполнять друг друга. Исходя из этого, Вам следует выбрать подходящую для этой постановки тему и сообщить о ней мне или дирекции. Мне кажется, что Вы могли бы избрать что-либо, связанное с историей (древней) дагестанских, да и нахских народов, ну хотя бы связи с восточно-европейскими народами, аланами, сарматами и т.д. Я исхожу из Вашего «Слова о полку...», но поставить вопрос шире, обходя мелкие детали темы (чтобы сэкономить место в докладе). Словом, так. Можно надеяться, что мы до этого встретимся и поговорим хорошо, а пока думайте в этом духе. Я также поделюсь с Вами и о своей теме (сравнительно-историческое изучение лексики дагестанских языков), еще не совсем определено. Когда буду знать повестку дня, сообщу, чтобы и Вы знали, кто и о чем думает. Так много работы, что не знаю, куда повернуться.

Ваш Микаилов Ш. (подпись).

**А.С. Давыдов — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 24.07.1964**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Пользуясь «оказией», хочу передать Вам горячий привет и пожелания крепкого здоровья на долгие годы.

В числе многих [нрзб]ных Ваших воспитанников Киргизского педагогического Института я с благодарностью вспоминаю Ваши умные и доходчивые лекции, отзывчивость и внимание к студентам. Вы, ингуш, много сделали для того, чтобы мы, русские, лучше узнали свой родной язык.

С приветом, А. Давыдов.

Фрунзе, 15, пер. Цветочный, 20.

P.S. Между прочим, друг Вашего сына, Семенов Иван Ерофеевич, мой бывший ученик, ныне доцент КирГУ, очень часто вспоминает Вас добрым словом.

**А.В. Попов — Д.Д. Мальсагову
Ставрополь — Грозный, 11.08.1964**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Давно не виделся с Вами и не имел от Вас весточек... А о многом хотелось поговорить с Вами, посоветоваться. Читали ли Вы книгу А.В. Рыжеволовой «Изучение русской литературы в ее взаимосвязях с родной литературой учащихся». Меня она не удовлетворила: слишком обеднены литературы народов Кавказа.

Какие у Вас новости?

В первой половине октября в Пятигорске Ставропольский краевой лермонтовский комитет наметил проведение научной конференции. Может быть, Вы при-

*Сын Д.Д. Мальсагова
Якуб Мальсагов. Грозный, 1959.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой*

мете в ней участие? Сообщите тему Вашего выступления, и я включу ее в повестку дня...

Получили ли Вы мою поздравительную телеграмму по случаю присвоения Вам ученого звания профессора?

Привет товарищам, которые меня помнят.

Уважающий Вас, А.В. Попов.

**Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 8.09.1964**

Дорогой Дошлуко!

Мы с Тamarой Ивановной были в Доме творчества Союза писателей им. Серафимовича 6 сентября т/г, но, к сожалению, Вас там уже не было. Мы знали, что Вы имеете путевку до 10 сентября, поэтому не хотели помешать Вашему отдыху в начале или середине срока Вашего пребывания там. Сначала нам сказали, что Вы в пятом коттедже. Я заходил туда — в хороший деревянный домик. Затем выяснилось, что Вы досрочно уехали, но в книге

не было отмечено, что Вы уже выехали.

Мы не думали, что Вы так поступите. Якуб у нас вообще не был, неужели не смогли заехать к нам, провести у нас два-три дня хотя бы, а затем поехать в Грозный.

Как чувствуете себя? Надеемся, что у Вас со здоровьем все хорошо. У Тamarы Ивановны много вопросов было к Вам. Как видите, мы не только желали встретиться с Вами в Москве, но и посоветоваться с Вами по целому ряду вопросов, касающихся ее диссертации, это заставляло надеяться на то, что Вы заедете и проведете у нас некоторое время.

У тов. Плиева дела идут нормально. Он производит очень хорошее впечатление и не нуждается в том, чтобы похлопотали за него, хотя он сам иного мнения.

Пожалуйста, передавайте большой привет всем своим.

С приветом, Ваш Юнус.

*С.П. Писарев и З.Д. Мальсагова (его приемная названная дочь, реабилитацией отца которой он много лет занимался). Москва, 1964 г.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой*

**С.П. Писарев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 22.09.1964**

Глубокоуважаемый и дорогой Дошлуко Дохович!
Вашим вниманием и незаслуженно-добрым обо мне мнением Вы окончательно меня растрогали.

Посылаю Вам на память фотоснимок, где я снят вместе с моей любимой приемной «названной» дочерью, Вашей однофамилицей Зоей Мальсаговой.

Для успеха борьбы за реабилитацию ее отца я добился ее приезда, почти два года она у меня жила. Для этой же цели я добился (через ЦК КПСС) приема ее в один из московских медицинских институтов.

Этим летом я «недоглядел», и она вышла замуж за Увайса Магомадова, на днях уехала к нему под Свердловск. Увайс — славный парень, до самозабвенности ее любит и клянется мне, что, пока она не пройдет весь курс института, детей не будет, и он окружит ее «материнской» заботой.

Зою я очень люблю. По своим способностям, здравому смыслу, энергии и, особенно, силе воли она — женщина незаурядная, как и ее отец (по крови).

Но посылаю Вам эту фотографию я с условием взаимности: прошу прислать и мне Вашу!

Мою благодарность Вам за присылку оттиска столь интересной и значительной Вашей статьи Вам должен был передать Абдурахим. До середины сентября я

надеялся на личную с Вами встречу; очень, очень жаль, что Вы ко мне не заехали, проезжая через Москву.

Отвечаю на отдельные Ваши мысли.

Из Вашего письма от 6-08.

Нет, Ваша исключительно интересная работа произвела на меня даже большее впечатление, чем я ожидал после бесед с Мисостом (Ахриевым). Разумеется, я буду очень, очень благодарен за присылку мне и второго ее издания (лучше в 3–5–10 экземплярах для некоторых моих товарищей из Идеологического отдела ЦК и отдельных газет).

Из письма от 16.08.

Конечно, я с удовольствием к Вам приехал бы, если бы не перегрузка, из-за которой уже пять лет я не имел и недели отпуска.

Спасибо за присылку ко мне Абдурахима, мне он очень понравился, желаю ему успеха. Согласен, как было бы хорошо стать ему этнографом.

Из письма от 9.09.

Очень жалко, что Вы так мало отдыхали.

Да, конечно, касающееся чеченского и ингушского народов меня живейшим образом интересует. Недаром в разгар яковлевщины я послал секретарям и некоторым членам Президиума ЦК небольшой методический очерк, доказывающий, что из всех народов нашей страны в наименьшей степени национализм свойственен именно этим двум народам.

Вы меня очень, очень тронули Вашей дружеской, искренней, лестной надписью. Конечно, мне она не просто приятна, но очень ценна.

Я работал в Ингушетии слишком мало. И хотя в результате 24-летних усилий мне удалось добиться реабилитации и посмертного восстановления в партии И.Б. Зязикова, это очень, очень мало. Я не добился, чтобы молодежь (не только ингуши!) училась на его выдающемся примере.

Дружески Ваш, П.С.

**А.О. Мальсагов — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 21.10.1964**

Дорогой дядя Дошлуко!

Искренне благодарю Вас за письмо. Оно вселило надежду, и я надеюсь, что Карфаген все-таки будет разрушен.

Глубоко извиняюсь за долгую задержку «Вайнаьха багахбувцам». Ни в одной библиотеке Союза его нет, и мне пришлось все переписать.

По данному сборнику у меня к Вам два вопроса:

1) мужчине или женщине принадлежат слова из песни

«Шийна ма везара бабийна везац

Т1ерача бедарна биркъя ва боахаш»?

Или эта песня исполняется в диалогической форме? По Вашим институтским лекциям она (песня) исполняется женщиной, но Аушев А. записал ее со слов мужчины, Мусакхи Мовсара из Насыр-Корта, да и смысл ее, на мой взгляд, если слова исходят из уст мужчины, значительно повышается;

2) в литсборнике «Ц1е сийгаш» в Вашей статье «Тохкаргба вай воай наьна мотт» на с. 60 приводится отрывок из песни в записи Аушева А. «Кип тоатолаш дошадеш» и т. д. Меня интересует место публикации этой песни, ведь в «Вайнаьха багахбувцам» I такой песни нет, хотя она и сходна с песней «Шайна ма везара бабийна везац».

Материалы по диссертации мною все собраны, но к написанию еще не приступил, т. к. многие здешние работники не во всем со мной согласны.

Вот по этому вопросу мне придется еще раз у Вас проконсультироваться. Напал на след записей нартовских сказаний Горепекина. В ноябре мы с Уздият Башировой выезжаем в Ленинград, где эти материалы находятся. Мы постараемся поднять все архивные материалы, которые там имеются по фольклору вайнахов.

НИИ прислал письмо на имя замдиректора, что их игнорируют, обращаясь без их ведома к советским партийным органам, и т. д. Неприятно, конечно, было получить такое ничем не обоснованное письмо, тем более что институт будет принимать в этой работе непосредственное участие. Но какой материал они подадут — это другое дело. Сборник этот выйдет лишь в 1967 г., но подготовительная редакторская работа над ним должна начаться в 1966 г., таким образом, в нашем распоряжении еще полный 1965 г. В него мы мыслим включить все записи Ахриева, Далгат, некоторые записи Эльдерханова, Лаудаева и все Ваши. Войдут в этот сборник не одни нартские сказания, но и сказки героического характера, подобные «Астаг1а Тимор» и т.д. Надеюсь и на личные Ваши записи. Вот все.

Если Вас интересуют какие-либо книги, сообщите. Есть ли у вас «Этимологический словарь» В. Абаева?

Большой сердечный салам-маршал Дзабанте. Можно и не отвечать на это письмо, т. к. Вас это может обременить, а я, возможно, приеду на свадьбу Арсамака.

Ахмет.

Д.Д. Мальсагов — М.М. Базоркину
Грозный — Грозный, 28.10.1964

Глубокоуважаемый и дорогой Мурад⁸!

От души поздравляю Тебя, музей, науку с очень удачной по содержанию и форме работой «Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии».

Эта работа очень нужна именно сейчас, когда ставится вопрос о реставрации наиболее ценных из них, как, например, «Ткъоаб1а ерда». Радует то, что Ты со-

⁸ Мурад Муртузович Базоркин (1902–1967), автор книги «История происхождения ингушей».

брал все возможное и все самое лучшее из известных в литературе построек Чечено-Ингушетии.

Прекрасно подготовлены тексты.

Сочетать лаконизм и обстоятельность считается невозможным, но Тебе это удалось сделать и сделать с познавательным мастерством.

Сердечно благодарю за теплую подпись, которую, к сожалению, я так мало заслужил.

Твой дорогой для меня подарок (это удивительно!) я получил только вчера.

Как твое здоровье?

Сердечный привет семье.

Крепко жму руку, Дошлуко.

**Б.А. Алборов — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 21.11.1964**

Дорогой Дошлуко!

Вы как-то говорили мне, что В.И. Абаев в своем толковании ингушского слова кулг «рука» допускает ошибку, когда слово «кулг» переводит только словом «рука». Вы утверждали, что слово кулг, как и осетинское слово къух «рука», происхождение которого объясняется из вейнахского, а именно ингушского, значит не только рука, но и «палец» или «пальцы».

Не откажите мне в любезности сообщить точно, как произносятся и пишутся на вейнахских языках и говорах «рука» и «нога» и какие точные значения имеют эти слова.

Пишу Вам об этом, потому что существующие вейнахские словари и толкования В.И. Абаева меня не удовлетворяют. На основании архаических данных осетинского языка я склонен принять Ваше толкование как более правильное, но мне нужен официальный документ — Ваше письмо, на которое я мог бы сослаться в своей статье. Иначе мне не поверят. Жду быстрее ответа.

Желаю Вам здоровья и хорошего самочувствия. Письмо пишите заказным, с обратным уведомлением, чтобы Вы были уверены в том, что я его получил.

Б. Алборов (подпись).

**Б.А. Алборов — Д.Д. Мальсагову
Орджоникидзе — Грозный, 14.12.1964**

Глубокоуважаемый Дошлуко!

Поздравляю Вас с утверждением в должности профессора и желаю здоровья для дальнейшей творческой работы по изучению Кавказа.

Меня не совсем удовлетворил Ваш ответ.

Прошу Вас написать мне:

- 1) как называется по диалектам «рука» по-ингушки,
- 2) как называется «нога» по диалектам по-ингушки.

Точно также необходимо сообщить мне названия «руки» и «ноги» по-чеченски.

Во всех приведенных названиях выделите словообразовательные суффиксы.

Весной в Грозном предстоит зональное совещание по преподаванию общего и русского языкознания. Я сделал заявку на тему: «Секретная лексика осетин и осетинок» (сравнительный обзор). Думаю, что и у Вас имеется такая лексика. Сообщите несколько примеров по каждой группе такой лексики. Есть ли в них что-либо аланское или наоборот.

Буду Вам благодарен. Привет Тамаре Тонтовне и Мальсагову Ахмету Пшемоховичу, другу моего сына. Будьте здоровы.

*Д.Д. Мальсагов. Грозный, 1965 г.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой*

**У.Б. Далгат — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 1965**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Шлю весенний привет и самые лучшие пожелания здоровья Вам и Вашей семье, творческих успехов и всего хорошего, в том числе и успешного Вашего участия в академическом издании героического эпоса ингушей и чеченцев, и, конечно, еще больших научных изысканий в «Слове о полку Игоре»

Сердечно жму Вашу руку.

С глубоким уважением, Ваша Уздиат Далгат.

**А.О. Мальсагов — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 28.01.1965**

Дорогой дядя Дошлуко!

Вчера ученый секретарь Института отправил в ЧИНИИ письмо с предложением подготовить научные подстрочники и литературный перевод чеченских героических сказаний на русский язык с привлечением к этой работе Х. Ошаева (оплату наш Институт ему производить не может).

Ответственным же редактором ИМЛИ назначит непосредственно Вас, но в письме об этом ничего не сказано. Вопрос этот можно считать решенным.

Разговаривал с Валитовой, дочерью Вашего фрунзенского знакомого. Она толковая женщина, является членом ВАКа и сотрудником нашего сектора. Я ей намекнул о «Слове» (не знаю, правильно сделал или нет), и она обещала помочь во всем.

Как Ваше здоровье? Передайте, пожалуйста, салам-маршал Дзабанте.

Я прибыл благополучно, все обошлось. Телеграмма была вызвана излишней заботой Алиевой. Приступил к работе над циклизацией нартских сказаний.

Не затерялась ли у Вас выписка из Дюмезиля? Если она сохранилась, очень прошу Вас выслать ее мне.

Уздият Башировне письмо Ваше передал. Она была тронута и передает Вам искренний привет. Видимо, в ближайшее время она будет в Грозном. Книга ее называется так: «У.Б. Далгат. Л.Н. Толстой и Дагестан». Махачкала, 1960. Содержание: Введение. Гл. 1. «Кавказ в раннем творчестве Л.Н. Толстого». Гл. 2. «Изучение Л.Н. Толстым фольклорно-исторического материала в период создания «Хаджи-Мурата». Гл. 3 «Анализ дагестанского фольклорного, лексического, этнографического материала, вошедшего в повесть «Хаджи-Мурат». Заключение. Приложения. Список литературы.

Ахмет.

**П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 27.04.1965**

Со светлым Вас праздником весны, дорогой Дошлуко Дохович!

Как хотелось бы поговорить с Вами! В письмах не напишешь, а тут Вас нет, а приехать в Ваши края хоть раз так и не смог. Вот и довольствуюсь одними поздравительными.

О Вас ничего не знаю. Думаю, что не на пенсии, а работаете, хотя Вы здесь и шутили, что с удовольствием не работали бы, если б была возможность. Добровольно уходить на пенсию, думаю, нельзя: вредно и себе, и людям.

Желаю Вам доброго-доброго здоровья, а себе хоть раз бы еще встретиться с Вами.

Петр Харакоз.

Т.И. Дешериева — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 22.06.1965

Дорогой Дошлуко Дохович!

Благодарю Вас за заботу и внимание. Я с радостью приму Ваше согласие быть оппонентом, если дело дойдет до этого. Издательство что-то слишком затягивает издание моей небольшой работы.

Как Вы чувствуете себя? Скоро ли собираетесь быть в Москве? Мы уже переехали на дачу. На конверте наш дачный адрес. Если будете летом в Москве и Вам нетрудно будет добраться до нас, мы будем очень рады видеть Вас у себя.

До свидания. Вся наша семья желает Вам хорошего здоровья, благополучия и долгих лет жизни!

С глубоким уважением к Вам, Тамара Дешериева.

А.О. Мальсагов — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 30.06.1965

Дорогой дядя Дошлуко!

Высылаю Вам еще одну книжку Климова. Выехал я внезапно и не сумел увидеть Вас перед отъездом.

Мне не удалось побывать у Бокова и выяснить насчет работы в будущем. Гриценко не обещает. Остается надеяться на лучшее.

Я нашел работу Заурбека Куразовича о бацбийском языке: 1) «Словарь к песням и загадкам», 220 слов. 2) «Словарь общий», 50 слов. 3) «Словарь атмосферных явлений и временных», 37 слов. 4) «Термины скотоводства и его продукция», 70 слов. 5) «О Vawba — маленький исторический очерк (на основе преданий)». 6) «Краткое изложение о поездке». 7) «10 песен на бацбийском языке с построчным переводом». 8) «14 загадок», записаны со слов Sio Jhizilasvili (Шио Кизылашвили).

Кроме всего даны спряжения глаголов и т. д.

Я ее не переписал, т. к. не знал, где можно эту работу использовать.

Жду вашего совета. Салам-маршал Дзабанте. Как Ваше здоровье?

Ахмет.

А.О. Мальсагов — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 20.07.1965

Дорогой дядя Дошлуко!

Благодарю Вас за письмо.

Числа 24-го я выезжаю в Ленинград сроком на один месяц. Цель поездки — найти материалы Горепекина.

Написала ли Вам письмо Уздият Башировна?

Вышла интересная книга академика И.Ю. Крачковского (4 изд.) «Над арабскими рукописями», в которой на с. 189 он пишет: «Мастерское владение арабским литературным языком говорит о большой жизненности этой традиции и позже. Даже в 20-х годах два ингуша, присланные для завершения образования в Ленинградский институт восточных языков, знали только два языка: родной ингушский и арабский. Совершенно свободно они беседовали по-арабски на разнообразные темы мировой политики и современной жизни, а один с легкостью писал стихи по всем правилам старых арабских канонов» и т. д. Кто эти два ингуша могли быть?

Есть ли у Вас книга «Младописьменные языки народов СССР» М., Л., 1959. В ней имеются сноски на Вас и Заурбека Куразовича.

Дела Абдурахима идут хорошо. Кажется, он собирается домой в отпуск.

Вот пока все. Передайте мой салам-маршал Дзабанте.

Ахмет.

**Д.Д. Мальсагов — А.О. Мальсагову
Грозный — Москва, июль 1965**

Дорогой Ахмет!

Твое письмо, как всегда, принесло радость.

Твои находки в Ленинграде представляют исключительный интерес. Напиши, пожалуйста, статью в «Грозненский рабочий», «Ленинанекъ», «Сердало». Обязательно напиши. Я поставлю вопрос о том, чтобы скопировали эти материалы для Чечено-Ингушетии. Боюсь, Саламов не поддержит.

О нартских сказаниях мне не говорят ни слова. Правда, Абу просил отредактировать ингушскую часть материала. Я отказался: собирали и готовили без меня.

С сентября иду на пенсию. Работаю много. Здоровье, пожалуй, можно сказать, удовлетворительное.

Горепекин привозил в Орджоникидзе большую кипу материалов (в них чеченцев и ингушей он выводит от шотландцев. В этих материалах была большая папка с ценными фольклорными материалами. Я их читал, среди них были записи со слов Дабы Мухиева — отца прокурора Мухиева. Я думаю, там, где основные труды Горепекина, должен быть и фольклор.

Пиши. Когда приедешь?

Дома все благополучно. Какая жара была в Грозном. Но я чувствую себя удовлетворительно.

Еще раз говорю: пиши и будь здоров.

Дошло.

А.О. Мальсагов — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 12.08.1965

Дорогой дядя Дошлуко!

Я только сегодня приехал из Ленинграда, где находился в командировке в течение 14 дней. По приезду получил письмо Абдурахима, в котором сообщалось о приезде Лены с Чилей. К сожалению, письмо Абдурахима задержалось, и мой товарищ не смог ее встретить. Где она остановилась в Москве? Я постараюсь узнать ее местонахождение сегодня же.

Никаких нартских сказаний мне разыскать не удалось.

Большой интерес представляют материалы лингвистического характера. К ним можно отнести следующие архивные рукописи: 1. Записки о Тушетии. И. Елиосидзев, 1847, 70 с. 2. Русско-тушинский словарь. И. Цискаров, 1847, 56 л. 3. Краткая тушинская грамматика. И. Цискаров. Октябрь 1847 г. (состоит из введения и десяти глав).

Но, пожалуй, самое интересное — это «Словарь чеченского языка» (автор неизвестен, год приблизительно 1856–1860) на 136 страницах. Всего слов исконно чеченских около трех тысяч. Если учесть, что в нем нет заимствованных слов из русского языка и нет слов производных, то, на мой взгляд, он по своей лексике превосходит словарь А. Мациева.

Вот пока все. Большой салам-маршал Дзабанте. Как Ваше здоровье?

Ахмет.

А.О. Мальсагов — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 12.09.1965

Дорогой дядя Дошлуко!

Долго Вам не писал, так как все здешние новости Вам, наверное, рассказал Адрахим. Лену я так и не смог отыскать в Москве, ибо, к своему стыду, не знал ее отчества. Не обиделась ли она на меня?

Адрахим написал мне одно письмо, чтобы к его приезду в Москву я подготовил ему отдельную комнату, но ничего не сообщил о здоровье Дзабанты и Вашем.

Слышал, что Вы ушли на пенсию. Рад тому, что, наконец, Вы отдохнете; огорчает другое — в институте некому преподавать.

Получены материалы из ЧИНИИ. Ингушская часть подготовлена слабо. Некоторая паспортизация к сказаниям, видимо, сделана с Ваших слов. Фактически ничего нового они не записали, а просто перевели ранее опубликованные материалы, что уже давным-давно сделано мною. Чеченские материалы оформлены лучше. Но в них нет почти ни одного нартского сказания. Некоторые по своей «гладкости» весьма подозрительны. Из всех собранных материалов, я думаю, получится хороший сборник. Только необходимо Ваше личное руководство.

Интересен и протокол, высланный ЧИНИИ, в котором отразились неграмотные выступления Бокова, Саламова и К. В частности, их всех мучает вопрос о редакторе. Каждый метит в генералы. Но, на мой взгляд, этот вопрос уже давно решен. Думаю, что У.Б. сообщила Вам об этом.

Выслал заметку по Вашему совету в «Грозненский рабочий», думаю, они ее опубликуют.

Вот пока и все. Передайте всем большой привет.

Ахмет.

Д.Д. Мальсагов — А.О. Мальсагов
Грозный — Москва, 14.09.1965

Дорогой Ахмет!

Я, кажется, еще не ответил на твое последнее письмо. Видишь, какая голова — даже это не помню.

Поговорил с Чентиевой по поводу твоей находки, но Институт ничего не делает. Найденные материалы очень важны. Обязательно напиши о них заметку в газеты.

С большой радостью читал статью твою и Былова. От души поздравляю. Радует и сама статья, и этот факт. Получил письмо от Уздият Башировны. Очень теплое и сердечное письмо.

Она мне пишет, что я буду редактором, а Саламов объявил, что через обком партии добьется другого редактора, он вывел меня из состава Совета института.

Вот наши дела. Узидат Башировна пишет, что все, что было на русском языке, собрано. Она просит мои материалы, но у меня их не так много. Опубликованные в «Дега г'оз» и некоторые другие передавал тебе. Остальные просмотрю в своих «фондах», только разбирать их долго. «Но — ничего!», — как часто говорит мой друг Гази.

Над чем работаешь? Как твое здоровье? Какую твою статью мы будем читать в центральной печати? Ведь говорят: лиха беда начало.

Самый сердечный привет и наилучшие пожелания.

Дошло.

P.S. Если это можно, пришли дней на 10 работу Зиминова о «Слове о полку Игореве». Без нее не могу закончить работу.

Занят пропиской, поэтому чуть старый адрес не написал.

А.О. Мальсагов — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 24.09.1965

Дорогой дядя Дошлуко!

Кажется, эта выдержка Вас заинтересовала:

«А какой почет был тогдашним женщинам, когда возникало какое-нибудь трудное дело, вызывающее несогласие между чеченцами, только и было надежды на женщин, они являлись примирительницами. В их просьбе никогда не отказывали (С. Фарфоровский. Чеченские этюды. Ставрополь, 1912)».

Заметка в найденных мною материалах вышла в «Грозненском рабочем» (8.IX) и «Ленинском пути» (5.IX).

Все материалы к подготавливаемому сборнику, переданные мне Вами, опубликованные в «Дега Гюз», «Це сетгаш», «Вайнаьха багахбувцам», «ГалГай фольклор», переведены. В сборник предполагается включить не только нартские сказания, но и сказки героического характера, поэтому Ваш материал нужно будет использовать. Сборник выходит в серии «Эпос народов СССР». Ответственным за серию является А.А. Петросян — заместитель директора Института, которая решает все вопросы, связанные с данным изданием.

В ближайшие месяцы в ДЕГГИЗЕ выходит книга «Сказки ингушей и чеченцев» (7 печатных листов), подготовленная мною и Мусбеком Кибиевым. Я написал к ней небольшое предисловие. Тираж большой. Оформление хорошее.

Числа 27 сентября я, наверное, приеду в Грозный. Все расскажу Вам подробно. Искренний Салам-Маршал Дзабанте и детям.

Ахмет.

Д.Д. Мальсагов — А.О. Мальсагову
Грозный — Москва, 02.12.1965

Дорогой Ахмет!

Давно не писал тебе, хотя и должен был. Спасибо за интересные книги. Меня очень обрадовали «Чеченские и ингушские сказки». От души поздравляю тебя и Мусбека. У Мусбека это уже второе издание за относительно небольшой срок. Поздравь его от меня. Он, кажется, сын моего друга. Я с его отцом провел несколько месяцев там, где узнается подлинное мужество и честность человека. Над чем работаешь? Как диссертация? Якуб приехал, говорит, что ты хорошо работаешь. Это, главным образом, меня радует. Уверен, что ты приедешь кандидатом.

26 ноября был в Махачкале, выступал оппонентом на защите Хайбуллаева. Ездил туда совершенно больным, но ты знаешь, что Дагестан благотворно влияет на меня.

Дома все хорошо.

Дорогой Ахмет, прежде всего — работа, береги здоровье, очень прошу, не увлекайся посторонними делами.

Помни, каждая весточка от тебя и о тебе радуется не только меня, но и каждого, кто любит науку и литературу.

Бывай здоров, Дошлуко.

А.О. Мальсагова — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 10.12.1965

Дорогой дядя Дошлуко!

Долго Вам не писал, потому что не выполнил своего обещания, не мог приехать в Грозный. Срок моего пребывания в Москве подходит к концу. Написано две главы диссертации. В третьей (поэтика) не знаю, о чем писать. Если я смогу задержаться на пару месяцев, то все будет в порядке. Кого мне взять в оппоненты?

Был здесь Боков с писателями. Уздият Башировна и Петросян с ним разговаривали. Он согласился после долгих разговоров о привлечении Вас к работе над нашим сборником.

Уздият — толковая женщина, но все-таки она женщина со всеми слабостями и недостатками.

Адрахим готовится к сдаче минимума по спецдисциплине. Дела его хорошие.

Зимина я не смог достать, книги этой нет даже в Ленинке.

Слышал, что Вы были в Махачкале оппонентом Хайбуллаева.

Приезжал в Москву Хашаев, никак не хочет продлить мне срок аспирантуры. А в Грозном меня, видимо, на работу пока не примут.

Может быть, мне взять направление в Махачкалу или в Орджоникидзе?

Очень рад, что Вам понравились сказки, их затребовали почти во все европейские государства.

Как Ваше здоровье? Что поделывает Дзабанта? Большой ей салам-маршал. Если есть какие-либо поручения, буду рад выполнить.

Обнимаю Вас, Ахмет.

Л.А. Шейман — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 20.12.1965

Дорогой, сердечно уважаемый Дошлуко Дохович!

Узнал сегодня о награждении Чечено-Ингушской республики орденом Ленина и, прежде всего, подумал о Вас. Восстановление исторической справедливости радует, несмотря ни на что! И я от души поздравляю Вас и всех ингушских друзей. Мы с П.И. Харакозом, Г.И. Коротенко, В.Л. Коротенко, А.Е. Супруным и другими товарищами часто вспоминаем о Вас, рады, что в свое время довелось работать вместе с Вами.

П.И. Харакоз получил разрешение защитить докторскую диссертацию по совокупности напечатанного. Адам Евгеньевич в январе «коронуется» в Минске.

У меня все по-старому: работаю на институт и министерство, редактирую журнал, выпускаю небольшие книжки. Получили ли Вы мои книги «Пушкин и киргизы» и «Слово на уроке литературы»? Если нет, пришлю их с удовольствием, присовокупив еще кое-что.

Как Ваше здоровье, дорогой Дошлуко Дохович? Над чем работаете? Что у Лиды и Якуба?

Мама шлет Вам большой привет и присоединяется к моим новогодним пожеланиям.

Ваш Л. Шейман.

Поклон Вашему семейству.

Привет М. Эсембаеву (Махмуд Алисултанович Эсембаев (1924–2000), артист балета, хореограф и балетмейстер, Народный артист СССР. — прим. ред.) (если, став звездой, он не забыл приятелей из Фрунзе!).

Т.И. Дешериева — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 22.12.1965

Дорогой Дошлуко Дохович!

Спасибо за теплое письмо и добрые слова по поводу моей работы. Я буду счастлива, если моя работа хоть в какой-то мере поможет созданию строгой, научной теории чеченского языка.

Новостей у нас особых нет. Юнус собирается написать Вам письмо. Сейчас он страшно занят в связи с концом года.

Наша семья шлет Вам и всей Вашей семье новогодние поздравления и наилучшие пожелания отменного здоровья, счастья и благополучия!

С искренним уважением, Т Дешериева.

(Простите «куриный» почерк: сильно порезала палец!)

Если бы писала, то так не начала бы.

Л.А. Шейман — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 23.12.1965

Дорогой, сердечно уважаемый Дошлуко Дохович!

Ваше письмо, чрезвычайно меня обрадовавшее, прибыло на второй день после отправки моего новогоднего привета Вам. Прочел его вслух, и Сара Григорьевна, вторую неделю болеющая, порадовалась вместе со мною. Она весьма признательна Вам за добрую память.

С большим интересом узнал заголовки новых разделов Вашей работы о «Слове о полку Игореве». Буду признателен за присылку всего, что пишете и печатается Вами по этой теме.

*Д.Д. Мальсагов со своими студентами: Д.Ш. Мальсагов (слева), М.С. Мамилов (справа).
Грозный, 1965. Личный архив Л.Д. Мальсаговой*

P.S. На днях вышлю кое-что печатное.

Ваша работа «О некоторых непонятых местах в “Слове о полку Игореве”» представляется мне глубоко оригинальной и по-настоящему интересной. Почему она не отражена в посмертно изданной второй части книги Ф.М. Головенченко «“Слово о полку Игореве” Библиографический очерк. Перевод. Пояснения к тексту и переводу» (Ученые записки МНПИ им. Ленина, М., 1963)? На любезно присланном Вами оттиске статьи, к сожалению, нет даты выхода в свет и названия сборника, в котором она напечатана.

Но я напишу о ней профессору А.В. Поздневу, который редактировал данную книгу и, кажется, готовит повторное, расширенное ее издание. Он, по-видимому, весьма чуткий и обязательный человек. Мне написал, не будучи со мной знакомым, попросил несколько экземпляров моей брошюры о «Слове», разослал их зарубежным коллегам, в результате чего Андре Мазон и помянул о ней мимоходом в [нрзб].

Я, однако, «Словом» уже давно не занимаюсь, хотя и накопил некоторый материал. Я по-прежнему заведу сектором и редактирую бюллетень «Русский язык в киргизской школе». Заинтересовался проблемой освоения русской литературы в нерусской школе — как литературы инациональной и иноязычной. Вторая проблема, внеплановая: о Пушкине и востоковедах (киргизоведа, казаховеда) его времени, о национальном вопросе в «программе» декабристского окружения. Этой второй проблемой почти не занимаюсь, разве что урывками, но кое-что раскопал и наладил разнообразные научные и личные контакты.

Предложенная Вами тема для меня совершенно нова, но сама формулировка меня интригует, подталкивая к исследованию в плане типологического (когда-то Марр говорил «стадиального») литературоведения. Но надо знать языки!

Очень тронут приглашением в Грозный, да еще и в университет: велики и могучи традиции кавказского гостеприимства, а Вы, Дошлуко Дохович, чудесный рыцарь этих замечательных традиций! Рад буду заглянуть в гости к старым друзьям, если доведется побывать на Кавказе. Но в ближайшие годы это маловероятно: мама перенесла тяжелый инфаркт, много болеет, я ее почти не оставляю. Крепко жму Вашу руку, очень рад буду Вашим письмам.

Ваш Шейман.

**П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 26.12.1965**

Дорогой Дошлуко Дохович!

От души шлю Вам мои наилучшие новогодние пожелания, пусть здоровье не покидает Вас.

Прекрасна эта древняя, по-человечески мудрая и добрая традиция — новогодние пожелания ближнему.

Жаль только, что пока неторопливая судьба надумает вновь подарить мне встречу с Вами, приходится только вспоминать о былом.

Ваш П. Харакоз (подпись).

**П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, Декабрь 1965**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Новогодние от души пожелания сбываются — так говорят в народе, и этому верьте.

На грани двух времен, в 12 ночи, я пожелаю Вам осуществления заветных надежд Ваших и вручу это Новому году.

Через три часа, когда Вы поднимете бокал, Он донесет его до Вас.

Да сохранит Вам Новый год здоровье для встречи следующего.

Примите это пожелание от меня и моей семьи.

С Новым годом, Дошлуко Дохович!

Д.Д. Мальсагов — О.А. Мальсагову
Грозный — Москва, 02.01.1966

Дорогой Ахмет!

Твое последнее письмо меня огорчило. Ты пишешь: «Не знаю, что писать в 3-й главе». Писать многое можно и нужно. Нарт-орстхойские и героические сказания — это типические произведения, когда-то имевшие ритмический строй; их пели и рассказывали. Сказание о Колой Канте, сказание о Кинда Шоа, о Хьамсара Альбике имели ритмический строй, они пелись, а не рассказывались. Как это доказать?

1. Содержание их сложное, а не простое, как у сказок. В них много устойчивых выражений, эпитетов, сравнений и тому подобных изобразительных средств, свойственных ритмическим сказаниям.

2. Упрощение строя, утраты многих поэтических особенностей, утрата ритма естественны, наблюдаются и сегодня, если ритмическое произведение с ритмическим строем не поется, а рассказывается, то они становятся сказкой, героическим преданием или чем-либо в этом роде. Одним словом, с нарт-ортсхойскими сказаниями случилось то, что случилось с былиной об Илье Муромце, ставшей сказкой, и, по-видимому, с Иваном-царевичем на сером волке. Проанализируй 2–3 произведения с этой точки зрения, выдели, установив сначала все средства художественного выражения, и можно сделать интересные выводы. Конечно, я, может быть, не совсем прав.

Уздият я напишу. Беседа ее с Боковым дала результат. Получил из ИМЛИ письмо с просьбой дать нартские сказания, если есть, и одновременно извещение, что они будут издаваться в Москве. Письмо по стилю и содержанию даже нельзя назвать приличным. Я решил на все махнуть рукой и не волноваться.

Твой дядя Дошлуко.

(Ниже приводится текст письма из ИМЛИ, о котором пишет Д.Д. Мальсагов):
«Профессору Мальсагову Д.Д.

Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы обращается к Вам с просьбой дать институту, если у Вас имеется, фольклорный материал, относящийся к нартскому героическому эпосу. Институт готовит для издания в Москве сборник «Чечено-Ингушский нартский героический эпос». Зам. директора по научной работе М. Чентиева, 21.12.65 г.»).

А.В. Позднеев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 31.01.1966

Уважаемый тов. Мальсагов!

У меня «Известия» Чечено-Ингушского института т. 1, ч. 2 (по языкознанию). Мною был написан, насколько я помню, и отзыв о Вашей книге, но Ф.М. Головен-

ченко в эту книгу не включен, руководствуясь данными о Вашем появлении в ЧИ «Известиях». К сожалению, он был тогда ужасно болен, лежал в больнице. Постараюсь отыскать в своих архивах этот мой отзыв о Вашей книге и тогда пришлю его Вам, но сделаю это не так скоро, ибо загружен сейчас работой.

Позвольте пожелать всего лучшего. Уважающий Вас, (подпись).

(Вчера только приехал из Ленинграда.)

P.S. Если Вам нужен присланный этот оттиск — верну его, ибо Ваша книга (хороший экземпляр) у меня есть.

**И.В. Тресков — Д.Д. Мальсагову
Нальчик — Грозный, 01.02.1966**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Весьма признателен Вам за такое чудесное письмо. Вы долго молчали, и я беспокоился за Ваше здоровье. Ну, теперь все в порядке.

Я продолжаю исследовать проблему взаимосвязей фольклора Северного Кавказа. Помню ваши добрые слова и благодарю снова и снова.

Если потребуется в чем-либо моя помощь, я готов ее оказать по первому Вашему обращению, если это будет в моих силах.

Я основательно болел. Но недавно прошел курс лечения в Железноводске и сейчас здоровье несколько окрепло.

Что нового у Вас? Над чем Вы сейчас работаете? Если будут новые публикации, присылайте, пожалуйста. А я буду отвечать Вам тем же.

Привет и наилучшие пожелания знакомым.

С глубоким уважением, Тресков (подпись).

**П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 15.02.1966**

Дорогой Вы мой Дошлуко Дохович!

Письмо Ваше получил — от души спасибо (чтоб не слишком замучить Вас длинным посланием, решил писать на машинке).

Поздравлять меня рано. История с моей защитой будет плачевной историей. Это опрометчивое дело — результат моего неразумения.

Институт общего и политехнического образования, куда я отослал свое «дело», прежде чем решить вопрос о принятии работ к защите, направил их в Институт национальных школ на заключение. Ф.Ф. Советкин обратился ко мне, не подскажу ли я ему оппонентов, у него нет их под рукой, как он выразился. А я попросил его, если работы (а ему это виднее) вызывают хоть малейшее сомнение, дать отрицательное заключение, так как лучше быть не допущенным к защите, чем выйти на кафедру и провалиться.

Участники конференции в Нальчике. Шестым справа стоит Д.Д. Мальсагов, одиннадцатым АА. Саламов; сидит во втором ряду седьмым слева И.А. Оздоев. 23.06.1962 г. Личный архив Л.Д. Мальсаговой

Согласился же я на все это сдуру, а поддержали меня здесь оттого, что Институт педагогики заинтересован позарез иметь еще одного доктора педагогических наук. Как выкрутиться из этой истории, я теперь не знаю.

А работаю сейчас вот над чем.

Подбор словарного минимума для начальной нерусской школы, по-видимому, будет целесообразно сделать из того словаря, которым апеллируют соответствующего возраста русские дети — значит, ученики начальной русской школы. Вероятно, это будет словарь всех учебников (их 15) начальной школы. Я и составляю частотный словарь этих учебников — частоту словоупотребления, падежных форм и глагольного управления.

Наряду с этим готовлю частотный словарь устной, бытовой речи детей 1–3 классов. Записи материала производятся на переменах, в интернате, на улице, дома и т.д.

Те . делаю модную работу, первоочередность которой сам отрицал в печати (местной учительской газете). Программный минимум для восьмилетней киргизской школы из 4000 слов, конечно, неидеальный, но 3000 из них наверняка нужны; малоудачных, не первой необходимости, наберется не более 1000 слов.

Так в чем главная беда? В том, что ученики, наряду с нужными 3000, усваивают и 1000 ненужных, или в том, что ни те, ни другие не усваиваются? Если в последнем (а дело именно так обстоит), то есть какая-то причина. Если причина оста-

нется (а она усовершенствованием минимума не устраняется), то созданный идеальный минимум не будет усваиваться с таким же успехом, как и существующий. Поэтому мне неясно, что хуже: не усваивать идеальный словарь или не усваивать неидеальный?

Сейчас на сцену выступили психологи. Это хорошо. Главный из них по вопросам обучения неродным языкам, кажется, Б. Беляев. Он пишет: языковую оболочку, форму, человек воспринимает интуитивно, а содержание, значение — сознательно (имеется в виду — полное владение). Мне кажется, что такое раздвоение означает то же дискурсивно-логическое восприятие, которое он сам же справедливо осуждает. Мне дело представляется иначе: интуитивно воспринимается именно значение, а не оболочка (оболочки при свободном, как родным, владении вообще нет); сознательно же дается оценка значению. Мне говорят: «Верблюды летают». Я понимаю это интуитивно, без словесно-грамматического анализа. А вот оценку даю сознательно, размышляя: «Нет, не летают» (или: «Да, летают»).

Более того, никакого раздвоения (интуитивно — форму, сознательно — значение) вообще нет: ФОРМУ я воспринимаю КАК ЗНАЧЕНИЕ. Вот это и есть истинное владение языком. Когда форма воспринимается и возникает как значение.

До тех пор, пока ДАС БУХ для меня означает «книга», я не могу мыслить на немецком языке. Только тогда, когда Дас Бух перестанет означать книгу, перестанет быть ФОРМОЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ, а Дас Бух станет для меня так и означать Дас Бух и ничего более — вот в этот момент наступило истинное владение, способность мыслить на этом языке.

И вся сложность овладения чужим языком и заключается в этом превращении формы в значение.

Собираюсь эту мысль высказать в печати. В диссертационном докладе высказал ее, хотя не знаю, имел ли право, раз в работах ее нет.

Хорошо, Дошлуко Дехович, изустное общение, а таким длинным письмом я, конечно, замучаю Вас. Но сам факт длиннющего сего сочинения даст Вам возможность поверить, как одиноко я чувствую себя здесь и как мне Вас не хватает.

Все складывается в мире не так, как верилось в пору юности и молодости.

Когда читаю статьи мудрых (именно мудрых, а не просто умных) людей, возмущенных хамским отношением строителей (руководителей, «лучших сынов народа», а не рабочих, конечно) к природе, сначала вспыхивает острое желание взять кнут, обмакнуть его в дегте (так, помню, всегда советовал мой дед, Митрий Циратхо, поступать с пакостниками) и, спустив с кого надо штаны, переубедить таким вполне действенным педагогическим средством. А потом становится жалко тех хороших, чистых, но наивных взрослых детей, кто надеется своим возмущением повлиять на историю: это же глас вопиющего... А Васька слушает, да ест.

Какое может быть спасение природы, когда в журнале Общества по распространению знаний (издание для служебного пользования) читаю, что опасность перенаселения — буржуазная фикция, что, например, 40 миллиардов даже мало, нам нужно гораздо больше людей, чтоб обработать богатства планеты. А это ведь

убеждение так называемых прогрессивных деятелей. Но коль 40 миллиардов, то, о каких заповедниках может идти речь, для уборных места не хватит. А наивные защитники природы (а по правде — защитники человечества, а не природы) хлопчут и не замечают (или замечают, но вынуждены не замечать?), что те, кто в силах прекратить безобразия, в рот воды набрали. Одни ученые-энтузиасты готовят для меня в будущем раю чудесную пищу из хлореллы, другие — комплекс универсальных аминокислот. За такой подарок человечеству стоит, конечно, сохранить за ними право питаться устаревшими формами.

Вот, никак не дотянусь до кетовой икры! Только успел справиться с эксплуататорами, которые не давали ее мне, как опять мне ее не увидеть, потому что мужественный изобретатель хлореллы и аминокислот никак не боится перенаселения.

А вот года два назад читал другого дальновидного энтузиаста с тонким конъюнктурным обонянием. Он предлагал уменьшить кухни за счет устранения холодильников (спустить их в подвал, причем почему-то обосновывал это помимо прочего желанием облегчить женский труд; я так и не понял, как это облегчится ее труд) и выгадать, таким образом, средства для строительства дополнительных тысяч квартир.

И вот я не могу понять, какими побуждениями вдохновлялся этот строитель новой жизни и, конечно же, наверняка патриот: страстным стремлением облагодетельствовать людей квартирами или обеспечить этим право себе не попасть в такую квартиру?

Вообще чудесно удостоиться звания лучшего сына народа, делая ему подарки, которых ни в коем разе не пожелаешь себе.

С аминокислотами дело обстоит вполне серьезно. Оказывается, уже кормили животных, не одно, а несколько последовательных поколений, и они чувствовали себя прекрасно.

И академик рисует картину с упоением: Нет больше непроизводительного сельскохозяйственного труда, кустарного приготовления пищи... За счет пахотных земель возрастет лесная и парковая площадь...

Вот это последнее — «возрастет парковая площадь» — особенно замечательно: ведь обыватель (а его легион) не заметит, что аминокислотным заводам потребуется база. Также говорили, что освободятся земли для заповедников, когда многомиллионное конское поголовье заменится автомашинами. Обыватель поверил, не заметив, что потребуются шинно-кордные комбинаты, из которых сейчас только один собирается изгадить Байкал и сожрать вокруг него лесные массивы.

Каким нужно быть самоуверенным, ослепленным знаниями (крупицей, по сравнению с тем, что еще неизвестно) академическим невежей, чтобы на основании опыта кормления нескольких поколений, скажем, свиней (на других животных не успели бы опробовать несколько поколений) отважиться на такой безответственный эксперимент, как перевести человечество на синтетическую пищу!

На такой шаг можно было бы решиться только тогда, когда это БИО, ЖИЗНЬ, исследовано и познано вдоль и поперек, по крайней мере, на уровне микрочастиц, а не на основе только того, что ты научился синтезировать аминокислоты.

Академик не хочет подумать (правда, не всякий, а только академик определенного генезиса): а вдруг нечто неизвестное вредное, постепенно и на данном уровне науки совершенно незаметно накапливаясь, или, наоборот, нечто неизвестное необходимое, получаемое только от биологически естественной пищи, так же постепенно утрачиваясь от питания аминокислотами, обнаружит себя не через «несколько» поколений, а через 200, 500, да так, что уже невозможно будет спасти положение.

А история уже давала подобные предупреждения. Наука самоуверенно уже знала, что для здорового питания нужны белки, жиры и углеводы. Ан, глядь, питаясь белками, жирами и углеводами, люди стали болеть. Оказалось, что, хотя белки и прочее и были, не оказалось некоего, неизвестного до той поры витамина.

У писателя-фантаста Ефремова в романе «Туманность Андромеды» есть такой примечательный пример. На планете Зирда за истощением запасов одного вида ядерного горючего потребовалось перейти на другой вид. Несколько ученых запротестовало, предложив поискать иное, но их было только несколько, и прошло мнение подавляющего большинства. Через полтысячелетия весь животный мир вместе с разумными существами перестали вдруг рожать, и жизнь на планете на этом закончилась.

То, что я высказываю, звучит как будто очень и очень пессимистично, неверием якобы в прогресс. Аминокислотники, конечно, относятся, безусловно, к отряду оптимистов.

Я не сумею, вероятно, нарисовать, но мне приходилось встречать некий сорт оптимистов, таких уверенных, безапелляционных, которых я стал очень бояться.

У меня был приятель зубной врач, чему я весьма радовался, потому что страшно боюсь зубоврачебного инструмента, особенно в руках незнакомого врача. Он, признавая, что не всякий зуб может вылечить, уверял, что любую боль может снять и любой зуб удалить совершенно безболезненно. Если случается удалять с болью, то только потому, что не сделали всего, что следует.

Я настолько ему поверил, что удалять зуб, как пришла нужда, пошел к нему. Удалил. Боль была такая же, как если бы удаляли без укола. Это меня поразило чрезвычайно — не боль, а несоответствие того, что он всегда оптимистично утверждал. Я ожидал, что он сильно смутится, а он, как ни в чем не бывало: «Так у вас была киста».

Представьте такого оптимиста в масштабах более крупных. Сначала из всех пор сочащийся оптимизм, самоуверенность, не только не прислушается — осмеет вас, даже изобьет, а когда его проект разразится катастрофой — не стыдясь, глазом не моргнув, даст немедленно безапелляционное разъяснение: на данном этапе это было исторически и диалектически неизбежно. Развитие нельзя понимать метафизически — оно идет зигзагообразно, с взлетами и падениями. Согласно фундаментальным законам все возникает, развивается и угасает. И в утешение и оправдание приведет и цитату о том, что-де материя остается вечной, ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и, если истреблена жизнь на Земле, то она снова возникнет где-нибудь в другом месте и в другое время.

Мы не согласны с Мальтусом. И это очень хорошо. Мальтусовская теория — бесчеловечная теория. Но как мы с ним боремся? Только отвергая: пессимист; философия эксплуататоров; мы оптимисты, даешь хоть сто миллиардов — прокормим; переселимся в другие миры. И именно этим сверхоптимизмом, в конце концов так оправдаем Мальтуса. Я всегда недоумеваю: почему, таким образом, возражаем? Тот: не хватит пищи; мы: нет, и на сто миллиардов хватит. Разве этим опровергнешь Мальтуса? Разве он какую-нибудь конкретную цифру отстаивал? На каком-то этапе (не сто, так двести, триста миллиардов) безусловно, не прокормим при любой высокой технике.

Но ведь опасность перенаселения гораздо проще разрешается: а зачем нас тянет разводиться до 100 миллиардов! И что это будет за счастливый рай (пусть хоть вдоволь будет аминокислот), когда плюнуть будет некуда, не то что Байкал или иной заповедник сохранить? Остановись на нынешних трех или пяти миллиардах, что вполне возможно даже при сегодняшнем уровне науки. Вот тогда, действительно, можно сделать рай. И укрепление, оздоровление жизни. Ибо тысячеверстные заповедники — это не только эстетика, они жизненно необходимы: нельзя всю планету покрыть асфальтом и небоскребами.

И вот только недавно в Литературной газете появилась, наконец, хоть и осторожно, но иной окраски статья профессора Колганова о перенаселении. Хорошо закончил ее: «Итак, угрожает ли нам перенаселение? Нет, не угрожает, если человечество не будет слушать “оптимистов”, которые отрицают опасность перенаселения».

Развитие науки и техники может привести к гибели человечества, оно не может привести к процветанию. Все зависит от того, как наукой и техникой пользоваться.

Жить и работать в Ваших краях, близких моим, и рядом с Вами я и не профессором с радостью согласился бы, но я не умею в нынешних условиях получить разрешение и продать свой дом. И это — главное, что меня вяжет сейчас. (Между прочим, я его вдвое расширил, и, только закончил, вышел закон о бесплатном сносе, без возмещения, равноценной квартирой даже).

Да, кроме того, теперь я и боюсь — возраст (60 лет): повсюду своя молодежь, и старый, чужой, кому она ничем не обязана, человек, занявший место, на которое она имеет право претендовать, вряд ли не создаст тяжелую атмосферу.

Мне нельзя на пенсию, по крайней мере, еще лет 8–10: трое учеников еще — младшая в 6 классе, старший — в 10-м. Здесь, надеюсь, некоторое время будут стесняться предложить мне пенсию.

Между прочим, старший, Митя, поехал летом в Макеевку (Донбасс) к дедушке, а оттуда в Сартану (под Мариуполем), к моей родне и остался там кончать 10-й класс. Мне это, признаться, понравилось: свою родословную почувствует и греческого духу немного наберется. Ему тоже: до сих пор радуется. И школа, пишет, лучше фрунзенских (в нашем селе все-таки и в старое время было 4 народных школы и высшее начальное училище), и тянет его поступить в тамошние вузы.

Мечтает об институте биофизики, но не знаю, как удастся поступить без связей. Тем более что в этом году будет двойной выпуск средней школы.

Почему в письме у Вас не радующая вставка в скобках: «Всегда помню и буду помнить (теперь это недолго)»?

Вы никогда не жалуетесь на свое здоровье, считая, что все равно бесполезно, никто и ничто не сможет помочь. И, конечно, ничего не предпринимаете и меньше всего, кажется, склонны обращаться к народным, естественным средствам.

Зная Ваше положительное отношение к этим средствам (я помню Ваш рассказ, как раненого в Гражданскую войну Вашего земляка, приговоренного академической медициной, вылечил старик тестом) — зная это, я никогда не мог понять Ваше нежелание вмешиваться, почему Вы предоставляете свое здоровье естественному ходу событий.

Я в этом деле неисправимый оптимист и добровольно сдаваться не хочу. Мне полгода назад оперировали на губе опухоль и назначили следующую операцию — удаление опухоли на голове. Я стал мазать ее настойкой иссык-кульского корня и чаги (темно-коричневые наросты на березе). Через десять дней и следа не осталось. Врачи удивились и не поверили, кроме доцента-хирурга — моего земляка.

Но я ничего не знаю о Вашем здоровье. Я смог бы, вероятно, посоветовать Вам что-нибудь. И сделал бы это даже при всей своей уверенности, что Вы встретите совет грустно-иронической скептической улыбкой.

Однако я, действительно, потерял чувство меры: не читать же Вам письмо несколько суток.

Напишите, пожалуйста, о своем здоровье.

До свидания, дорогой Дошлуко Дохович.

Сердечный привет Вам и семье Вашей от меня и Оли.

Ваш Петр.

P.S. Когда академик Ви-ев после разгрома Марра стал неудержимо писать статью за статьей, Вы как-то метко выразились: «Дорвался». Так мое письмо по тому же принципу. Петр.

**Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 26.02.1961**

Дорогой Дошлуко!

Давно нет весточки от Вас. Как Ваше здоровье, над чем работаете? Г.Ф. Турчанинов просил меня написать Вам и просить Вас выступить в качестве одного из официальных оппонентов по его докторской диссертации. Защита будет в Москве, у нас в Институте. Я просил бы Вас, если здоровье позволяет, уважить нашу просьбу.

Все наши шлют Вам и Вашей семье приветы.

С приветом, Юнус Дешериев.

**Т.И. Дешериева — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 20.03.1966**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Получили Ваше письмо, которое одновременно и обрадовало, и огорчило нас, особенно меня. Возможно, потому, что Вы жалуетесь на свое здоровье.

Дорогой Дошлуко Дохович! Ваши опасения относительно «нежелательной известности» меня (и Юнуса) совершенно не смущают. Что касается Вашего здоровья — это нас очень беспокоит. Перегружать Вас мне очень не хотелось бы. Однако Вы уже сделали самую трудную часть этого дела — хорошо ознакомились с моей работой. Тогда, может быть, Вам не будет очень трудно довести это дело до конца. Лично я была бы очень благодарна Вам за выступление в качестве официального оппонента. С нетерпением жду Вашего окончательного решения по этому вопросу. Хочу верить, что оно будет положительным.

Мы собирались всей семьей приехать в Грозный на время весенних школьных каникул. У Юнуса с 22 марта командировка по республикам Кавказа. К сожалению, в канун нашего отъезда заболела гриппом Юля. Пока у нее еще держится высокая температура. Теперь у меня нет возможности приехать в Грозный вместе с Юнусом, о чем я очень сожалею. Он выезжает 22-го Бакинским поездом. В Грозном будет утром 24-го марта.

До свидания, Дошлуко Дохович! Желаю всего самого наилучшего.

С искренним уважением и приветом, Т.И. Дешериева.

**П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 08.04.1966**

Дорогой Дошлуко Дохович!

Моя телеграмма, неожиданная по содержанию и срочная (как на пожар!), безо всяких пояснений, произвела, должно быть, впечатление весьма странное.

И с пояснениями вот запаздываю.

От Советкина пришло опять письмо. Пишет, что думают наметить в оппоненты Бойцову (она была оппонентом моей кандидатской), Пашкова Б.К. (не знаю его, кажется, китаевед) и Измайлова (вероятно, нашего, другого я не знаю), но еще не получено их согласия, и не подскажу ли я других оппонентов.

Ну, я и обратился к Вам.

А думать стал потом. Час спустя после отправки телеграммы, и понял Советкина уже иначе.

По-видимому, работа весьма сомнительного качества для доктора, брать на себя ответственности не хочет, предпочитая возложить ее на тех, кого я назову, и умыть руки.

А если так, то и мне нечестно возлагать на моих друзей, и, не дожидаясь Вашего ответа, написал ему, что у нас тут таких людей нет, и пусть будет, что будет.

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы не слишком осудили меня за телеграмму, которая могла, конечно, произвести переполох.

Ведь вот беда! В некоторых вопросах я вроде бы умен, а во многих случаях страшно глуп. Этим и объясняется, что я сначала дал телеграмму, а думать, вникать в письмо Советина стал потом.

**П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 8.04.1966**

Дошлуко Дохович!

Я на днях узнал от Шеймана, что у Вас неладно с сердцем.

Дорогой Дошлуко Дохович!

Поверьте мне, не отказываясь от академической медицины, примените дыхательную гимнастику. Ды-ха-тель-ную.

Честное слово, этот мой совет разумен. Это не как с телеграммой, это я сначала много думал, а потом уже делаю рекомендацию.

И потом разумность совета не моя — это китайцы и индусы.

Мне книжку прислали из Пекина.

В общем, я на днях эту книжку перепечатаю и пришлю Вам.

И еще одно обязательно: надо сильно хотеть выздороветь.

Моей защитой (диссертацией) не тревожьте себя больше. За согласие большое спасибо,.

Ваш П. Харакоз.

**И.В. Тресков — Д.Д. Мальсагову
Нальчик — Грозный, 08.04.1966**

Глубокоуважаемый Дошлуко Дохович!

Благодарю Вас за письмо.

Конечно, наличие в сказании о Курюко (Кирико, кстати, поддается ли имя расшифровке средствами нахских языков?) образов Тга, Созруко, мотива о «хищении» у Тга куста тростника и пары барашков, последующее наказание за это и т. д. заставляют исследователя задуматься: а не оставлены ли на этом сказании определенные следы нахско-адыгских конкретных исторических связей?

Окончательно решить этот вопрос помогут новые записи вариантов этого сказания, их сопоставление.

Кстати, если Вы располагаете текстами, то буду весьма Вам признателен за присылку их мне (на языке бытования, с точным подстрочником и соответствующими данными о сказителе, месте и времени записи).

Если мне придется на них где-либо сослаться, то я помяну Вас добрым словом и устно, и печатно, как это я сделал в своей книге, которую Вы получили тогда от меня.

Как идет подготовка академического издания эпоса?

Желаю Вам отличного здоровья и новых больших творческих свершений.

С большим почтением, И. Тресков (подпись).

Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 21.04.1966

Дорогой Дошлуко!

Мне не удалось перед отъездом связаться с Тamarой Берсановной Кодзоевой. Прошу Вас обратиться к ней от моего имени и, если можно, от своего имени подействовать Сулейманову Магомед-Хасану (моему двоюродному брату, он живет по ул. Чернышевского, д. 80), инвалиду Великой Отечественной войны, в получении квартиры в том месте (напротив рынка), где стоит его дом, который должен быть снесен, или же в другом месте в центре города.

Я часто останавливаюсь у него и знаю, что ему было бы очень удобно, если бы удовлетворили его просьбу. Еще раз прошу принять от меня большой привет.

Ваш Ю. Дешериев (подпись).

П.И. Харакоз — Д.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 25.04.1966

Дорогой Дошлуко Дохович!

От души желаю Вам встретить весенний праздник в добром здоровье, в кругу родных и друзей.

Получил Ваше письмо. За неизменно душевное отношение ко мне сердечное спасибо. Тронут, что все Ваши, знавшие меня, принимают близко к сердцу мою жизнь.

Лиду и Якуба и не узнать мне, случись встретить их. Все-таки, 10 лет!

Передайте им мое искреннее пожелание счастья в жизни.

Тамаре Тонтовне, З.К. Джамбулатовой (простите, не знаю имени-отчества) — здоровья, спокойной жизни.

Джамбулатова — мать ведь, а не дочь? Правильно я догадываюсь? Дочь недолго была во Фрунзе, вряд ли она меня знает.

Поздравлять меня преждевременно, Дошлуко Дохович.

А вот насчет моих «заслуг», да еще не в чем ином, а «в науке» — за это, ей Богу, можно от стыда провалиться на месте при одной мысли, что Вы можете подумать, что я наивно верю в эти заслуги «в науке» и в то, что я истинно заслуживаю доктора. Не дай Бог!

Поверить мне в эти заслуги значило бы дать Вам вполне справедливо несомненное основание усомниться в моих умственных данных, чего я, ой как не хочу (запятые при «ой», кажется, не нужны).

Ох, мой незабвенный, несравненный Дошлуко-эфенди! Честное слово я не настолько дурак, чтоб поверить в заслуженность доктора. Неумно я поступил, когда согласился начать ходатайство.

В недавнем письме я выразил твердое решение выслать Вам китайскую дыхательную гимнастику вопреки возможности вызвать у Вас ироническую улыбку и отнести меня к категории не вполне взрослых людей. К настоящему этот древний трактат прилагаю.

Вы все-таки просмотрите ее, может, найдете что-либо полезное для себя, для близких.

История же этой находки такова.

В 1956 или в 1957 г. в журнале «Китай» прочитал статейку «Безлекарственный метод лечения» Лю Гуй-Чжэня. Как он по совету одного старика одной дыхательной гимнастикой вылечился от язвы двенадцатиперстной кишки и туберкулеза легких; как организовал после этого санаторий с приглашением в качестве консультанта того старика; как вылечивали самые разнообразные болезни и как изучают секрет воздействия этой гимнастики.

Я сразу же написал письмо в Пекин, в адрес редакции. Через два месяца мне выслали брошюрку на русском языке, с советом, что лечиться нужно все-таки под руководством опытного в таком деле врача.

Настоящая машинопись — точная копия книжки, сделанная мною. Погрешностей нет, смысловых.

Признаюсь, сам из-за слабоволия сейчас не применяю.

Но Полтавских А.В., физик Киргизского государственного университета, еле ходил от слабости и всяких болезней года три назад. Узнав об этой пневмотерапии (курс — 3 месяца) от меня, взял к трудовому отпуску дополнительно месяц без содержания и выполнил все упорно и точно.

Результат — не узнаем сейчас, ходит как юноша, и не прекращает профилактики.

Очень прошу Вас, кроме этого, поручить близким, молодежи, достать Вам журнал «Знание — сила», 1957 г. № 7, 1958 г. № 5 и 1959 г. № 3.

Ознакомьтесь в них со статьями о гимнастике йогов. Все три номера в хронологической последовательности — они продолжают одна другую. И сами решите, как отнестись ко всему этому и что взять для себя.

Не упустите из внимания решающий принцип как китайской, так и йоговской гимнастики: «что бы ни делать из рекомендованных — делать столько, сколько приятно!» Нарушение сего приводит для больного к противоположным результатам, а академической медицине дает повод хихикать.

Даже Смилге, сухой кандидат физико-математических наук, высказался положительно о физкультуре йогов.

Очень хочу, чтобы Вы эти три журнала прочитали — Вы сами лучше найдете, где истина, где вздор.

Дорогой Дошлуко Дохович!

Христом-Богом прошу: прочитайте, только прочитайте эти журналы.

Об оппоненте не тревожьтесь больше, я уже писал Вам.

Очень жду от Вас сообщения, что Вы вступили в активную борьбу за свое здоровье и что в результате оно улучшилось.

Между прочим, помимо всего, йоги мудро придают большое значение уверенности, вере, что болезнь уйдет в результате упражнений лечебных.

Сердечный привет всей Вашей семье.

П. Харакоз (подпись).

**Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 30.04.1966**

Дорогой Дошлуко!

Горячо благодарю за письмо. С Марем Джамбулатовой поговорил. Я рекомендовал ей в качестве научного руководителя зав. кафедрой немецкого языка Тбилисского государственного университета профессора Н.Д. Кадагидзе — бацбийца, защищавшего кандидатскую диссертацию по бацбийскому языку, но лет 30 ведущего преподавательскую работу по немецкому языку, которым он владеет в совершенстве, как и своим родным бацбийским (он жил в Германии). Думаю, что лучше научного руководителя для Марем трудно найти.

Тут же написал ему письмо. Вы можете ознакомиться с содержанием этого письма.

Копии отзывов о работе Тамары Ивановны посылаем вместе с Марем. Просьба вернуть их. Замечания Панова на рукопись о противопоставлении мягких и твердых согласных были вызваны тем, что он читал не всю работу. В работе этого пробела нет.

Большое Вам спасибо за хлопоты и поддержку Сулейманова. Пожалуйста, передайте мою искреннюю благодарность Тамаре Берсановне.

Шлем Вам и Вашей семье первомайские поздравления и наилучшие пожелания!

Ваш Ю. Дешериев.

**Д.Д. Мальсагов — П.И. Харакозу
Грозный — Фрунзе, 12.05.1966**

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Иванович!

Прошу передать Вашей супруге и всей семье сердечный привет.

Если бы Вы знали, с какой радостью я читаю Ваши письма, Вы писали бы больше. Я узнаю Вас, неисправимого оптимиста. Оптимизм чувствуется даже в Ваших жалобах и возмущениях. Вы напрасно с таким сарказмом говорите о своих научных трудах. Никто и никогда не усомнится в логике Ваших научных выводов,

в честности Ваших наблюдений и выводов. Про Вас не скажешь: «Довлеет дневи злоба его». Вы, конечно, будете доктором. И это будет справедливо. Я очень и очень сожалею, что я не буду у Вас, вернее в гостях у Оли не буду отмечать присуждение Вам степени доктора. А жаль и очень. Но сообщить все же Вы сообщите мне об этом.

Вы рекомендуете мне китайскую гимнастику. Забыли Вы, что я типичный ингуш. А ингуши ничего не могут делать спокойно и, главное, систематически. Наш брат может работать самозабвенно, но только рывками. Боже мой, каждый день спокойно, не волнуясь, думая только о хороших вещах и событиях проводить какие-то упражнения! Пусть это делает кто-нибудь другой.

Вы меня можете поздравить. Меня преследуют, оказывается, я защищаю пережитки старины. Повторяется история, подобная батмановской. Помните. Но ничего, с меня как с гуся вода.

Но вот беда: что писал раньше в 2–3 дня, теперь пишу месяц, но пишу, и это хорошо.

Я очень боялся, что Вы обиделись на меня. Теперь понял, как это было, мягко говоря, не очень умно.

Дорогой Петр Иванович! Как мне хочется сказать Вам что-нибудь хорошее: Вы будете доктором!

Примите сердечный привет!

**Ю.Д. Дешериев — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 15.05.1966**

Дорогой Дошлуко!

Сегодня получил Вашу телеграмму и вслед за ней отзыв о работе Тамары Ивановны. Она очень благодарна Вам за внимание и доброжелательный отзыв.

Сегодня же получили из Тбилиси письмо, в котором сообщается, что из-за отсутствия средств они не могут пригласить оппонента из другого города, поэтому вынуждены одного из оппонентов назначить из числа кавказоведов Тбилиси.

Ваш отзыв будет приложен к делу и оглашен на защите, как отзыв неофициального оппонента.

Хотя мы хорошо знали, что для Вас будет обременительна поездка в Тбилиси, все же нам хотелось, чтобы Вы выступили на защите оппонентом. Особенно этого хотела Тамара Ивановна: при Вас (при Вашем участии) она чувствовала бы себя более уверенно и лучше. Мы, конечно, очень сожалеем.

Еще раз большое спасибо за доброжелательное отношение, за хлопоты и труды.

Завтра вылетаю в Тбилиси на сессию (выездную) АН СССР, посвященную развитию общественных наук на Кавказе. Из нашего института буду один. После возвращения сообщу Вам о своих впечатлениях.

Большой привет от нас Вам, Вашей семье.

С приветом, Ваш Юнус.

А.О. Мальсагов — Д.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 26.05.1966

Дорогой дядя Дошлуко!

Передал Ваш привет Тамаре Ивановне Дешериевой. Она благодарит Вас.

Моим оппонентом назначен Илья Ильич Тресков на том основании, что если будете оппонировать Вы, то впоследствии в ВАКе могут получиться осложнения. Далгат несколько поспешила с телеграммой и просит Вас извинить ее.

Защита назначена на третье июня, но может и затянуться, так как объявление в газете из-за перегрузки еще не вышло.

Высылаю Вам программу «Язык и общество». В первый день я был на этом совещании и слушал доклад Жирмунского. Ничего особенного. Гораздо полезнее несколько часов поговорить с Вами.

Салам-маршал Дзабанте.

Крепко обнимаю Вас. Ахмет.

А.В. Николаенко — Д.Д. Мальсагову
Грозный — Грозный, 21.06.1966

Уважаемый Дошлуко Дохович!

Как Вы себя чувствуете в эти сырые недели? Как Ваше здоровье и Ваша работа? Мне очень хотелось написать Вам из своего настоящего адреса, но его все нет и даже не предвидится, а написать Вам очень хочется. В нашей землянке не только отсырели книги и вещи, но и я сама заплесневела, и заржавели все шарниры.

Прописаться нам удалось не здесь, не по этому адресу, месяц я выхаживала свою пенсию в милом чутком Соцсобесе; несколько дней на почте получала перевод. Все-таки это все имело тяжелый конец. Удивительно, правда?

За это же время я вступила в тайное содружество с писателем, конечно Вам известным, и обязалась написать главы к «зафрактованной» им книги. И написала. С самозабвенным удовольствием. И написанное мне самой нравится, только мне. Когда написанные главы были отвергнуты, я поняла, почему их вообще не следовало писать. Не время? Как «негр», т. е. секретарь, машинистка, даже редактор и даже просто переводчик, я тоже не подошла. Во мне «разочаровались».

И еще я очень огорчаюсь болезнью Магомета Эльбертовича Нальгиева. Узнала совсем недавно, что у него инсульт. По своему блистательному и совершенному невежеству я не знаю, могу ли я его навестить, что-либо послать, хотя бы бандеролью. Только послала письмо ему и его жене. Может быть, и этого не следовало делать?

Дочь работает хорошо. Была у них комиссия ученая из Ленинграда, утверждена ее тема, замещает она сейчас и начальника, и его зама. Один из наших «родственников», очень ее утеснявший, сейчас очень болеет, возможно, не сможет работать. И какие-то призрачные перспективы для нас, возможно, прояснятся.

Если, Дошлуко Дохович, можно как-то с Вами встретиться и посоветоваться, я буду бесконечно Вам признательна.

Уважающая Вас и желающая Вам всего наилучшего, Николаенко Александра Васильевна.

**ПИСЬМА, ТЕЛЕГРАММЫ,
ПОЛУЧЕННЫЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ Д.Д. МАЛЬСАГОВА**

**Ю.Д. Дешериев — Я.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 10.07.1966**

ВЫРАЖАЮ ВАМ И ВСЕЙ СЕМЬЕ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПО ПОВОДУ БЕЗВРЕМЕННОЙ КОНЧИНЫ ДОШЛУКО ДОХОВИЧА — ВЫДАЮЩЕГОСЯ КАВКАЗОВЕДА. ВНЕСШЕГО БОЛЬШОЙ ВКЛАД В НАХСКУЮ КУЛЬТУРУ, ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ГЛУБОКО ОПЕЧАЛЕН И РАЗДЕЛЯЮ ВАШЕ ГОРЕ.

**П.И. Харакоз — Л.Д. Мальсаговой
Фрунзе — Москва, 10.07.1966**

ПРИМИТЕ МОЕ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ТЯЖЕЛОЙ УТРАТЫ. УШЕЛ БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК. ДА ПРОДЛИТСЯ БЕЗ КОНЦА РОД ДОШЛУКО.

**Е.Ю. Крупнов — Л.Д. Мальсаговой
Москва — Грозный, 11.07.1966**

ПОТЯСЕН СМЕРТЬЮ ГЛУБОКО МНОЮ УВАЖАЕМОГО ДОШЛУКО ДОХОВИЧА. ВЫРАЖАЮ ВАМ ИСКРЕННЕЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ.

**Г.Д. Даниялов, Г.Б. Муркелинский — семье и коллегам
Махачкала — Грозный, 11.07.1966**

ПОТЯСЕННЫ ПРИСКОРБНОЙ ВЕСТЬЮ БЕЗВРЕМЕННОЙ КОНЧИНЕ ДОРОГОГО ДОШЛУКО. ВМЕСТЕ С ВАМИ ГЛУБОКО ПЕРЕЖИВАЕМ ТЯЖЕЛУЮ УТРАТУ ВИДНОГО ФИЛОЛОГА, ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ. ВЫРАЖАЕМ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ СЕМЬЕ, БЛИЗКИМ И КОЛЛЕГАМ.

У.Б. Далгат — Мальсаговым
Москва — Грозный, 11.07.1966

ПОТЯСЕНЫ ПЕЧАЛЬНЫМ ИЗВЕСТИЕМ О КОНЧИНЕ ДОРОГОГО НЕЗАБЫВАЕМОГО ДОШЛУКО. СКОРБИМ ВМЕСТЕ С ВАМИ.

А.С. Чикобава — Дзбанте Мальсаговой
Тбилиси — Грозный, 11.07.1966

КОЛЛЕКТИВ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛА ГОРСКИХ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ ГРУЗИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ВЫРАЖАЕТ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ КРУПНОГО УЧЕНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ, ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА ДОШЛУКО ДОХОВИЧА МАЛЬСАГОВА.

А.А. Абилов — Л.Д. Мальсаговой
Махачкала — Грозный, 12.07.1966

КОЛЛЕКТИВ ДАГГОСУНИВЕРСИТЕТА ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЕЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ПРОФЕССОРА ДОШЛУКО МАЛЬСАГОВА.

Н.Д. Музаев — А.О. Мальсагову
Грозный — Грозный, 12.07.1966

ПОТЯСЕН УХОДОМ ДОРОГОГО ДОШЛУКО. ВМЕСТЕ С ВАМИ ГЛУБОКО СКОРБИМ. ЖЕЛАЮ СТОЙКО ПЕРЕНЕСТИ УТРАТУ.

Алиева — А.О. Мальсагову
(адрес отправителя не установлен) — Грозный, 12.07.1966

СЕГОДНЯ СЛУЧАЙНО УЗНАЛА О БЕЗВРЕМЕННОЙ КОНЧИНЕ ДОШЛУКО ДОХОВИЧА. РАЗДЕЛЯЮ ОГРОМНОЕ ГОРЕ ЕГО РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ. ПАМЯТЬ О НЕМ НЕЗАБВЕННА.

**Щербина, Петросян — семье
Москва — Грозный, 12.07.1966**

ДИРЕКЦИЯ, КОЛЛЕКТИВ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЫРАЖАЮТ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПО ПОВОДУ БЕЗВРЕМЕННОЙ КОНЧИНЫ ПРОФЕССОРА МАЛЬСАГОВА — КРУПНОГО УЧЕНОГО, ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА.

**Л.А. Чибиров — Ректору ЧИГПИ Н.П. Гриценко
Орджоникидзе — Грозный, 12.07.1966**

РЕКТОРАТ, ПАРТКОМ, МЕСТКОМ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОГО ГОСПЕДИНСТИТУТА ВЫРАЖАЮТ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ВИДНОГО ИНГУШСКОГО УЧЕНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ПРОФЕССОРА МАЛЬСАГОВА ДОШЛУКО.

**Бокарев М.А., Кумахов З.Ю., Кумахова С.М.,
Хайдаков Э.Г. Туманян — Ректору ЧИГПИ Н.П. Гриценко
Москва — Грозный, 12.07.1966**

СЕКТОР КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ⁹ ГЛУБОКО СКОРБИТ ПО ПОВОДУ БЕЗВРЕМЕННОЙ КОНЧИНЫ КРУПНОГО КАВКАЗОВЕДА, ДОРОГОГО ДОШЛУКО МАЛЬСАГОВА. ВЫРАЖАЕТ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ СЕМЬЕ ПОКОЙНОГО И КОЛЛЕКТИВУ УЧЕНЫХ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ.

**А.Е. Супрун — Мальсаговым
Фрунзе — Грозный, 12.07.1966**

ВМЕСТЕ С ВАМИ ГЛУБОКО СКОРБИМ В СВЯЗИ С КОНЧИНОЙ ДОШЛУКО ДОХОВИЧА.

⁹ Сектор кавказских языков Института языкознания существовал с 1922 г. в Яфетическом институте Академии наук (впоследствии Институт языка и мышления) в Ленинграде. В Москве сектор кавказских яфетических языков Московского отделения Института языка и мышления был образован в 1943 г., в 1950 г. с ликвидацией Института языка и мышления в Ленинграде кавказский отдел Института был переведен в Москву. В эти годы отдел возглавлял Ю.Д. Дешериев, в число сотрудников отдела входили Е.А. Бокарев, М.А. Кумахов, З.Ю. Кумахова, С.М. Хайдаков, А.К. Шагилов; некоторое время в секторе работал Б.Б. Талибов, а также специалисты по армянскому языку И.К. Кусикьян и Э.Г. Туманян. Е.А. Бокарев, исследовавший сравнительно-историческую фонетику нахско-дагестанских языков, руководил отделом с 1956 по 1971 г.

**Л.А. Дмитриев — семье и коллегам
Ленинград — Грозный, 12.07.1966**

СЕКТОР ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА¹⁰ ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЕЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ В СВЯЗИ С КОНЧИНОЙ ДОШЛУКО ДОХОВИЧА ЕГО СЕМЬЕ И КОЛЛЕГАМ.

**А.А. Магометов — Дзабанте Мальсаговой
Тбилиси — Грозный, 13.07.1966**

ТБИЛИСИ. ВЫРАЖАЮ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ БОЛЬШОГО УЧЕНОГО, ГРАЖДАНИНА, ДОРОГОГО ДОШЛУКО ДОХОВИЧА. РАЗДЕЛЮ ВАШУ СКОРБЬ.

**Я. Сулейманов — МАЛЬСАГОВУ
(адрес отправителя не установлен) — Грозный, 13.07.1966**

ВЫРАЖАЮ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ ДОРОГОГО ДОШЛУКО МАЛЬСАГОВА. ГЛУБОКО СКОРБИМ ПО ПОВОДУ БЕЗВРЕМЕННОЙ УТРАТЫ.

**Г. Топуриа — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
Тбилиси — Грозный, 13.07.1966**

ПРИНОШУ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ИЗВЕСТНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА ДОШЛУКО МАЛЬСАГОВА.

**В. Топуриа — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
Тбилиси — Грозный, 13.07.1966**

ВЫРАЖАЮ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ КРУПНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ ДОРОГОГО ДОШЛУКО МАЛЬСАГОВА, ТРУДЫ КОТОРОГО ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЫМ ВКЛАДОМ В ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКОЕ ЗЫКОЗНАНИЕ. ДОБРАЯ ПАМЯТЬ О НЕМ СОХРАНИТСЯ НАВСЕГДА.

¹⁰ При Пушкинском Доме в 1932 г. был создан Отдел (Сектор) древнерусской литературы, руководимый акад. А.С. Орловым, затем — чл.-кор. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц (1947–1954), а с 1954 г. — акад. Д.С. Лихачевым и др.

**Семья Тахо-Годи — Ректору ЧИГПИ Н.П. Гриценко
Орджоникидзе — Грозный, 13.07.1966**

ПРИСКОРБИЕМ УЗНАЛИ О СМЕРТИ ДОРОГОГО ДОШЛУКО. ВЫРАЖАЕМ ИСКРЕННЕЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ РОДНЫМ, ДРУЗЬЯМ.

**Л. Костоева — Л. Мальсаговой
Москва — Грозный, 14.07.1966**

ЛИДОЧКА, МИЛАЯ, КРЕПИСЬ ЭТО ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШЕЙ СЕМЬИ, НО И ДЛЯ ВСЕГО ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОГО НАРОДА. ЛИЧНО ДЛЯ МЕНЯ ТВОЙ ОТЕЦ ВСЕГДА БЫЛ И БУДЕТ ИДЕАЛОМ УЧЕНОГО И ПРЕДАННЕЙШЕГО СВОЕМУ НАРОДУ ЧЕЛОВЕКА.

**В.Н. Панвидзе — З. Мальсаговой
Тбилиси — Грозный, 14.07.1966**

УЧЕНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР ВЫРАЖАЕТ ВАМ ИСКРЕННЕЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ВИДНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ПРОФЕССОРА ДОШЛУКО ДОХОВИЧА МАЛЬСАГОВА.

**Матюнин (данные не определены) — Я. Мальсагову
(адрес отправителя не установлен) — Грозный, 14.07.1966**

СОБОЛЕЗНУЮ Я И МОЯ СЕМЬЯ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ВАШЕГО ОТЦА Д.Д. МАЛЬСАГОВА.

**Берзиковы — Мальсагову
Кисловодск — Грозный, 15.06.1966**

ВМЕСТЕ С ВАМИ СКОРБИМ, ПЕРЕЖИВАЕМ СМЕРТЬ ДОШЛУКО.

**Ахриевы — Мальсаговым
Москва — Грозный, 16.07.1966**

ГЛУБОКО СКОРБИМ С ВАМИ О СМЕРТИ ДОШЛУКО.

З.А. Муталибов — Я. Мальсагову
(адрес отправителя не установлен) — Грозный, 17.07.1966

СЫНОВЬЕЙ СКОРБЬЮ СОБОЛЕЗНУЕМ БЕЗВРЕМЕННОЙ УТРАТЕ ДОШЛУКО. ИСКРЕННО РАЗДЕЛЯЕМ ГОРЕ.

**Союз писателей Черджиев, Джанаев, Ардасенов,
Хадарцева, Гутиев — Ахматовой Раисе**
Орджоникидзе — Грозный, 18.07.1966

ВМЕСТЕ С ВАМИ ГЛУБОКО СКОРБИМ ПО ПОВОДУ БЕЗВРЕМЕННОЙ КОНЧИНЫ ДОРОГОГО ДОШЛУКО — НАШЕГО ДРУГА И ТОВАРИЩА. ЧТИМ В ЕГО ЛИЦЕ СВЕТЛУЮ ПАМЯТЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ, УЧЕНОГО БРАТСКОЙ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ. ПЕРЕДАЙТЕ СЕМЬЕ БЛИЗКИМ ДОШЛУКО НАШЕ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ.

Л.Б. Панек — Д.Д. Мальсагову
Ленинград — Грозный, 21.11.1966 г.

Дорогой Дошлуко!

Давно не имею от Вас вестей. В последнем письме я спрашивала Вас о карточке Анатолия Несторовича, но, если она в связи с Вашими переселениями потерялась, то не огорчайтесь. Когда человека теряем, это — беда, а карточку — это уже не такая беда. В делах моих нет никаких перемен. Ни в Москве, ни в Абхазии работ Анатолия Несторовича не печатают, и я чувствую какое-то бессилие. За всю жизнь энергия истощилась. Собираюсь лечь на операцию и после этого, когда Галя возьмет отпуск, поеду к Вам на несколько дней.

Шлю Вам и Вашей семье сердечный привет, Л. Панек.

Л.А. Шейман — Я.Д. Мальсагову
Фрунзе — Грозный, 12.09.1966

Глубокоуважаемый Якуб Дошлукович!

Высылаю Вам № 3 бюллетеня «Русский язык в киргизской школе», где помещен краткий некролог, посвященный Вашему отцу. Прошу извинить за опоздание: получил известие о кончине Дошлуко Доховича поздно, а типография задержала выпуск журнала на 2 месяца.

Мне хотелось бы, со своей стороны, выразить Вам глубокое соболезнование. Дошлуко Дохович Мальсагов — это целая эпоха не только в жизни нашего секто-

ра. Для меня лично он был и остается образцом настоящего ученого и подлинно благородного человека. Мы с матерью, с П.И. Харакозом, часто вспоминаем о Вашем отце и восхищаемся им.

С глубоким уважением, доцент Л. Шейман.

Будем признательны Вам, если пришлете какой-либо из грозненских некрологов и точные даты жизни Д.Д. Мальсагова. Вместе со списком основных работ мы попытались бы опубликовать эти материалы в других изданиях.

**Евгения Сергеевна (друг семьи) — Л.Д. Мальсаговой
Сочи — Грозный, 17.07.1966**

Дорогая Лидочка!

О Вашем горе я знала. Мне тогда же написала Татуся. Я очень сильно плакала, да и как же не плакать по такому человеку, как Ваш папа. Ну, ничего не поделаешь, пока мы в этом бессильны.

А крепиться надо, потому что жить надо из-за деток, здоровье беречь надо, так как детки Ваши пока еще малолетки, и Вы еще долго и долго нужны им как воздух.

Еще желаю Вам крепкого здоровья.

Сердечный привет всем Вашим родным.

Ваша Евгения Сергеевна.

**П.И. Харакоз — Л.Д. Мальсаговой
Фрунзе — Грозный, 29.11.1968**

Здравствуй, Лида!

Невыразимо благодарен за твое письмо и карточку папы — моего бесценного учителя и друга.

Может быть, и есть еще где-нибудь такие люди, но их так мало, что на оставшемся мне жизненном пути я такого человека больше не встречаю.

Хоть бы раз еще повидать да поговорить бы мне с моим несравненным Дошлуко Доховичем!

Так и не пришлось.

Еще раз сердечное спасибо за дорогую весточку о папе.

Как ты живешь? Что так рано стала болеть?

А как Якуб? Мама жива-здоровая? А Тамара Тонтовна?

Желаю доброго здоровья тебе и всему роду Вашему.

Всего хорошего, П. Харакоз (подпись).

*Дочь Д.Д. Мальсагова Лидия
Мальсагова. Грозный, 1965 г.
Личный архив Л.Д. Мальсаговой*

P.S. Получил письмо от Ахмета Мальсагова, да никак руки не доходят ответить ему: седьмой десяток пошел, а трое еще учатся — работать надо.

П. Харакоз (подпись).

Н.И. Штанько — Я.Д. Мальсагову
Москва — Грозный, 05.05.1975

Дорогой Якуб!

Только что у меня была Мадина (Мадина Крымсултановна Ужахова — внучка Дошлуко Доховича Мальсагова, дочь Лидии Дошлуковны. — *прим. авт.*), я взял у нее Ваш адрес и спешу напомнить о себе.

Черкнули бы мне пару строк — как Вы, Ваши домочадцы поживаете?

Я по-прежнему каждый год собираюсь в Грозный и все не могу вырваться — очень уж работа сейчас у меня не подходящая для разъездов.

Но, может быть, в середине мая выберусь все же в Грозный и, конечно же, постараюсь увидеться с Вами.

Желаю Вам, дорогой Якуб, всего самого доброго.

Ваш старый друг, Н.И. Штанько.

И.М. Базоркин — Л.Д. Мальсаговой
Орджоникидзе — Грозный, 07.10. 1982

Добрый день, дорогая Лида!

Прочитал работу Дошлуко. Как будто говорил с ним, слышал его голос, его логику, аргументы. Было и радостно, и жутко, и одиноко. Все вспомнилось!

Знаю, не эти мысли интересуют тебя. Но ты уж прости за это.

Работа интересная. Как вы опоздали с нею к празднику. Но все равно она нужна. Мысли о связях с Россией хорошо подкреплены историческими материалами.

Но, если бы Дошлуко писал ее сейчас, он сделал бы кое-какие акценты соответственно требованию времени.

Надо, чтоб кто-то знающий этот вопрос по-настоящему просмотрел, поставил бы в нужные места данные, которые послужили бы исходными пунктами в истории нашего присоединения. В работе на 59 странице, наоборот, есть цитата из Грабовского о восстании ингушей против царского правительства в 1782 г., т. е. именно в том году, с которого ныне ведется счет нашего 200-летнего юбилея.

Вторая половина работы несколько рыхловата по теме. Ее можно ужать.

Цитату Грабовского можно опустить без ущерба для темы.

С этим делом справился бы Дахкильгов Шукри. Он знает этот вопрос исчерпывающе, к тому же честный человек.

Этим же качеством владеет историк Музаев (сын Нурдина).

Но, прежде чем отдать ее товарищам — советую перечитать работу, сличить копию с подлинником и отдавать на руки копию, а подлинник хранить у себя.

После правки ее кем-либо, я мог бы с письмами Дошлуко и с этой работой пойти к Власову. Говорить.

Она может получить добро только через него.

На всякий случай адрес Дахкильгова — Грозный, Пугачева, 188, кв. 24 (это 2-й дом от Березки).

Сейчас попытаюсь позвонить тебе и, если ты разрешишь, напишу обо всем Шукри Дахкильгову.

Сожалею, что не было обстановки поговорить с тобою обстоятельно. Обнимаю. До свидания.

Идрис.

*Групповое фото. Справа налево: Х.С. Осмиев, Д.Д. Мальсагов, И.М. Базоркин.
Грозный, 1960 г. Личный архив Л.Д. Мальсаговой*

**Н.В. Мурзабекова — А. Зязиковой
Ростов-на-Дону — Магас, 24.07.2006**

Дорогая Аза!

Сегодня на электронную почту пришло такое вот письмо (см. ниже). Мне кажется, что эта корреспонденция заинтересует и порадует дочь Д.Д. Мальсагова — Лидию Дошлуковну и его внучку Мадину. Обеим от меня большой привет. Обнимаю, Нонна Мирзабекова.

(письмо пришло от Дмитрия Петровича Харакоза (kharakoz@iteb.ru):

Уважаемая госпожа Н.В. Мурзабекова!

Простите, я не знаю Вашего имени-отчества.

Я случайно наскочил в Интернете на Вашу публикацию о Дошлуко Доховиче Мальсагове (Овлур. Ягненок зимнего окога, или кавказский сокол. Ковчег Кавказа, Специальный выпуск, 29.06.2005).

Это имя я слышал в детстве от моего отца, Петра Ивановича Харакоза, между ними, как я знаю, были очень дружеские отношения. У отца хранилась брошюра труда Мальсагова о «Слове...», с дарственной надписью автора. Отец горделиво хвастал тем, что рассказал ему об одной особенности поведения удода — и эта особенность помогла Мальсагову понять одно трудное место в «Слове...» Я теперь не помню, в чем там была суть дела. Постараюсь отыскать эту брошюру, она должна быть у меня.

Я, конечно, почти ничего не знаю о жизни Мальсагова во Фрунзе — я был слишком маленький. Только врезался в память отзыв отца о том, что Дошлуко Дохович был чрезвычайно уважаемым человеком в среде соплеменников, сосланных в Киргизию. К нему приходили, как к вождю, за советом и, как к судьбе, в самых трудных и спорных житейских делах.

Может быть, в отцовском архиве сохранились следы его дружбы с этим удивительным человеком. Если найдется что-нибудь, дам Вам знать.

Благодарю Вас за Вашу статью, от нее повеяло теплом детства.

Всего Вам доброго, Ваш Дмитрий Петрович Харакоз.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ Д.Д. МАЛЬСАГОВА

Хургда вай дерригаш дийша (Станем мы все образованными) // Методический сборник. Орджоникидзе, 1930.

Юкьерча школанна литературан хрестомати. Кхоолаглеи диълаглеи дешара шераш (Хрестоматия по литературе для средней школы. Третий и четвертый годы обучения). Орджоникидзе: Сердало, 1930.

Программа-минимум для учителей чеченских и ингушских школ по родному языку. М.: Наркомпрос РСФСР, 1930.

Нохч-гIалгIай литературан мотт (Чечено-ингушский литературный язык) // Ингушский терминологический сборник. Орджоникидзе, 1931.

Пасынкова язъябча «Тайпа» яхача романах (О романе Пасынкова «Тайпа») // ЦIе сийгаш. Орджоникидзе, 1931.

Этнография ингушей в романе Л. Пасынкова «Тайпа» // Ставропольский государственный архив (Ф. 1260. Оп. 1. Д. 303. Ед.хр. 142).

Перелом. Пьеса в 4-х действиях. Ростов н/Д.: Северный Кавказ, 1931. (В соавторстве с Мальсаговым О.А.)

Перелом. Пьеса в 4-х действиях. Орджоникидзе: Ингушское издательство, 1931. (В соавторстве с Мальсаговым О.А.)

Подстрочный перевод и комментарии к сборнику «Ингушский фольклор» Измайлова З. Орджоникидзе: Ингушское издательство, 1931.

ГIалгIай литература (Ингушская литература) // Ингушский литературный сборник. Орджоникидзе: Сердало, 1931.

Юкьерча школанна литературан хрестомати. ДиълагIагача дешара шера (Хрестоматия по литературе для средней школы. Четвертый год обучения). Орджоникидзе: Сердало, 1931.

«Кердача наькъа тIа» (Диъ ловзарахи итт суртахи латта пьеса) («На новой дороге»). Пьеса в четырех действиях десяти картинах // Ингушский литературный сборник. Орджоникидзе: Сердало, 1931. (В соавторстве с Мальсаговым О.А.)

Ингушская литература // Ингушский литературный сборник. Орджоникидзе: Сердало, 1931.

Искусство трудящихся Ингушетии // Революция и горец. (Журнал). 1931. № 3.

Учебник по русскому языку для ингушских школ. Орджоникидзе: Сердало, 1932.

Современное состояние искусства Ингушетии // Революция и горец. (Журнал). 1932. № 1–2.

ГIалгIай мехка эггара хьалха битаь пхьа (О первом прощении кровной мести среди ингушей) // Ингушский литературный сборник. Орджоникидзе: Сердало, 1932. (Фольклорная запись)

Творчество Т. Бекова. Орджоникидзе: Сердало, 1932. (В соавторстве с Осмиевым Х.С.)

Учебник по русскому языку для ингушских школ. Орджоникидзе: Сердало, 1932.

Ингушская литература и язык // Революция и горец. (Журнал). 1933, № 1-2.

К вопросу об изучении чечено-ингушского фольклора // Революция и горец. (Журнал). 1933, № 3-4.

К вопросу об изучении чечено-ингушского фольклора // Ингушский литературный сборник. Орджоникидзе: Сердало, 1933.

О формах прилагательного в чечено-ингушском языке // Терминологический сборник. Орджоникидзе: Сердало, 1933.

Несколько вопросов ингушской орфографии // Ингушский литературный сборник. Орджоникидзе: Сердало, 1933.

О формах прилагательного в чечено-ингушским языке // Ингушский терминологический сборник. Орджоникидзе: Сердало, 1933.

Поэма «Арам-хи (Армхи)» // Ингушский литературный сборник. Орджоникидзе: Сердало, 1933.

Тохкаргба вай наьна мотт (Исследуем мы свой родной язык) // Ц1е сийгаш (сборник). Орджоникидзе, 1933.

«Ду 1акхайкорах дола илли» (М. Горький «Песнь о Буревестнике») // Орджоникидзе: Сердало, 1933.

Литературан хрестомати (Хрестоматия по литературе). Орджоникидзе: Сердало, 1933. (В соавторстве с Осмиевым Х.С.)

«Керах дола илли (М. Горький «Песнь о Соколе»). Орджоникидзе: Сердало, 1933. (В соавторстве с Аушевым Ф.М.)

Юкьерча школанна литературан хрестомати. Шоллаг1а дакъа. Диълаг1еипхеллаг1еи дешара шераш (Хрестоматия по литературе для средней школы. Вторая часть. Для четвертого и пятого годов обучения). Орджоникидзе: Сердало, 1933.

О едином чечено-ингушском (письменном) языке // Революция и горец. (Журнал). 1933. № 5.

К вопросу об изучении чечено-ингушского фольклора // Революция и горец. (Журнал). 1933. № 6.

К вопросу об изучении чечено-ингушского фольклора // Ингушский литературный сборник. Орджоникидзе: Сердало, 1933.

Десятилетие со дня установления письменности ингушей — победа ленинской национальной политики. Орджоникидзе: Сердало, 1933.

За единый чечено-ингушский литературный язык // Грозненский рабочий. 1934. № 124.

Грамматика чечено-ингушского языка. Грозный: Чечено-ингушское издательство, 1934. (совместн с Мациевым А.Г.)

Г1алг1ай художникий болх (О творчестве ингушских художников) // Сердало. 1934. № 33.

Писатель, литературовед, критик (памяти З.К. Мальсагова) // Грозненский рабочий. 1935. № 79.

«Пепе» (М. Горький, «Пепе») // Хрестоматия по ингушской литературе. Грозный: Чечено-ингушское издательство, 1935. (Перевод Д.Д. Мальсагова)

Звуки ö, ü в ингушском языке // Известия ЧИНИИЯИ. Грозный, 1936.

«Пармера забастовка» (М. Горький, «Забастовка в Парме») // Хрестоматия по ингушской литературе. Грозный: Известия ЧИНИИЯИ. 1936. (Перевод Д.Д. Мальсагова)

Юкьерча школанна IV класса литературан хрестомати. Шоллаг1а дакъа. Кхозла1а тоадаъ арахекар. (Хрестоматия по литературе для 4 класса. Третье издание. Часть II). Грозный: Известия ЧИНИИЯИ. 1936.

Пхьагал-бабрийи Сеска Солсеи. Древнее нартское предание // Школьная хрестоматия по ингушской литературе. Грозный, Чечено-ингушское издательство, 1936. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Цхьа б1арг вампал. Древнее нартское предание // Школьная хрестоматия по ингушской литературе. Грозный, Чечено-ингушское издательство, 1936. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Баьтари Сеска Солсеи. Древнее нартское предание // Школьная хрестоматия по ингушской литературе. Грозный, Чечено-ингушское издательство, 1936. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Литературан хрестомати юкъярча школлашка. 1–2 дакъа. (Хрестоматия по литературе для средней школы). Ч. I–II. Грозный: Чечено-ингушское издательство, 1936.

Нохч-ГалгӀай метта болх — кердача лагӀа та (Работу по чечено-ингушскому языку — на новую ступень) // Ленинхо. (Ленинец). 1937. № 33.

«Борзи Гаьхарги» (И.А. Крылов, «Волк и ягненок») // Хрестоматия по ингушской литературе. Грозный: Чечено-ингушское издательство, 1939. (Перевод Д.Д. Мальсагова)

«Ломи цогали» (И.А. Крылов, «Лев и лисица») // Хрестоматия по ингушской литературе. Грозный: Чечено-ингушское издательство, 1939. (Перевод Д.Д. Мальсагова)

«Даь-да Архипи и Ленькеи» (М. Горький «Дед Архип и Ленька») // Хрестоматия по ингушской литературе. Грозный: Чечено-ингушское издательство, 1939. (Перевод Д.Д. Мальсагова)

«ЦӀокъа ломаца латар» (М.Ю. Лермонтов, отрывок из «Мцыри») // Хрестоматия по ингушской литературе. Грозный: Чечено-ингушское издательство, 1939. (Перевод Д.Д. Мальсагова)

«Денна синош» (Н.В. Гоголь, отрывки из «Мертвых душ») // Хрестоматия по ингушской литературе. Грозный: Чечено-ингушское издательство, 1939. (Перевод Д.Д. Мальсагова)

Первый альманах — орган Союза советских писателей Чечено-Ингушетии // Грозненский рабочий. 1941. № 39.

Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1941.

О сборнике «Чечено-ингушский фольклор» // Грозненский рабочий. 1941. № 40.

О перестройке преподавания русского языка в киргизской школе // Методический сборник Киргизского института педагогики. Фрунзе, 1952.

О преподавании русского языка в киргизской школе. Фрунзе: Кызыл Киргизстан, 1952.

Творчество Джамалдина Яндиева // Грозненский рабочий. 1957. № 110.

Сеска Солсеи Жербабей (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагӀоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Наьрт-орстхой фу хадар (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагӀоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Сеска Солсеи Села ПирӀийи (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагӀоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Пхьагал баьре сесаги наьрт-орстхойи (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагӀоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Ши йоӀи наней Сеска Солсеи (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагӀоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Калой кӀанти Сеска Солсеи (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагӀоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Сеска Солсеи КӀиндий Шоай (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагӀоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Сески Солсеи вӀампали (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагӀоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

Фаьра хьазилыг (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагӀоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)

- Барахой кIанта сесаг (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагIоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)
- Хьамсара Альбика (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагIоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)
- Шира илли (Древнее нартское предание) // Литературный сборник «ДегагIоз». Фрунзе, 1957. (Фольклорная запись Д.Д. Мальсагова)
- Творчество Ахмеда Хамхоева. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство. 1958.
- Творчество Дж. Яндиева. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство. 1958.
- Творчество Х. Муталиева. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство. 1958.
- Творчество Х. Муталиева. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство. 1958.
- Творчество Х. Осмиева. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство. 1958.
- Ингушская литература // БСЭ. 1959.
- Песня славит Родину (О сборнике стихов Дж. Яндиева «Родные горы») // Грозненский рабочий. 1959. № 114.
- О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1959.
- Хрестоматия по ингушскому литературному чтению для шестых классов. Грозный: Чечено-ингушское издательство, 1960.
- Озиев Илеза Ахьмад — общественни деятели йоазонхой (О писателе и общественном деятеле Озиев А.И.) // Литературно-художественный журнал «Лоаман Iуйре» («Утро гор»). 1960. № 2. (В соавторстве с Зязиковым Б.Х.)
- О сборнике стихов Салмана Озиева «Путь счастья» // Грозненский рабочий. 1960. № 107. (В соавторстве с Зязиковым Б.Х.)
- Крупный шаг в нахском языкознании (Статья о работе Дешериева Ю. Д.) // Грозненский рабочий. 1961. № 136.
- «Сердало» хьалхара редактор (О первом редакторе «Сердало» Мальсагове З.К.) // Сердало. 1963. № 89.
- Ингушская литература: Учебное пособие для студентов пединститута. Грозный: Чечено-ингушское издательство, 1964.

Неопубликованные рукописи Д.Д. Мальсагова

- Вайнахские языки.
- Устное творчество чеченцев и ингушей.
- Чечено-ингушская письменность.
- ГалгIайн грамматикан терминологи. (Терминология ингушской грамматики).
- Грамматический род (класс) в вайнахских языках. (Работа начата в начале шестидесятых годов во Фрунзе).
- Проблема грамматического класса.
- О древних русско-нахских связях.
- Чечено-ингушский фольклор.
- Исторические связи чеченцев и ингушей с восточными славянами и Россией.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПОЛУЧАТЕЛЯХ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Абаев Василий Иванович (1900–2001) — советский и российский филолог, языковед-иранист, краевед и этимолог, педагог, доктор филологических наук, профессор.

Абилов Абуталиб Абилович (192–2012) — советский и российский историк, основатель и первый ректор Дагестанского государственного университета, профессор.

Алборов Борис Андреевич (1886–1968) — языковед, поэт, драматург, собиратель и исследователь осетинского фольклора, первый директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, ректор Горского педагогического института

Алироев Ибрагим Юнусович (1934–2013) — российский чеченовед, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, заведующий кафедрой общего языкознания Грозненского университета.

Асанов Николай Александрович (1906–1974) — писатель, поэт.

Ахматова Раиса Солтамурадовна (1928–1992) — чеченская советская поэтесса, председатель Союза писателей Чечено-Ингушской АССР, председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР.

Ахриев Нурдин Гамбердович (1904–1987) — кавказовед, востоковед, педагог, историк, член «Ингушского литературного общества».

Базоркин Идрис Муртузович (1910–1993) — ингушский советский писатель, поэт и драматург, общественный деятель, автор известного романа «Из тьмы веков».

Базоркин Мурад Муртузович (1902–1967) — писатель, автор книги «История происхождения ингушей».

Белхароев Багал-Хаджи (1821–1914) — ингушский религиозный деятель XIX — начала XX в., суфийский шейх кадарийского тариката.

Васильев В. А. (годы жизни не установлены) — в начале сороковых годов профессор Горского педагогического института в г. Ordжоникидзе.

Газигов Бернако Джабраилович — исследователь истории ингушского народа.

Генко Анатолий Несторович (1896–1941) — российский и советский языковед, кавказовед, историк, этнограф, первый исследователь абазин, убыхов, хыналыгцев, цахур.

Горький Максим (1868–1936) — знаменитый русский писатель и драматург, автор произведений на революционную тематику, основоположник социалистического реализма.

Гудзий Николай Калининлович (1887–1965) — российский и советский литературовед, историк литературы, известный своими исследованиями древнерусской литературы.

Далгат Уздиат Башировна (1918–2011) — ученый, педагог, доктор филологических наук, профессор, с 1953 по 2004 г. являлась сотрудником Института мировой литературы им. М. Горького (ИМЛИ) Российской академии наук.

Даурбеков Гази-Магомед Албастович (1904–1974) — один из первых профессиональных ингушских художников, основоположник профессиональной живописи в изобразительном искусстве Ингушетии.

Двинятинов Борис Николаевич (1911–1987) — филолог, историк литературы, педагог, исследователь «Слова о полку Игореве».

Дешериев Юнус Дешериевич (1918–2005) — советский и российский лингвист, кавказовед, доктор филологических наук, почетный академик Академии наук Чеченской Ре-

спублики, автор монографий по бацбийскому, чеченскому, хиналутскому языкам, автор первой в кавказоведении сравнительной исторической грамматики нахских языков, основоположник отечественной социальной лингвистики.

Дешериева Тамара Ивановна (годы жизни не установлены) — сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания Российской академии наук.

Дмитриев Лев Александрович (1921–1993) — советский и российский литературовед, исследователь древнерусской литературы, член-корреспондент АН СССР, член-корреспондент Российской академии наук.

Еремин Игорь Петрович (1904–1963), советский филолог, литературовед, исследователь древнерусской литературы, доктор филологических наук, профессор.

Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) — русский и советский арабист, один из создателей школы советской арабистики, академик Академии наук СССР, автор известного перевода священного Корана на русский язык.

Круглов Андрей Павлович (1907 — после 1941) — известный археолог-кавказовед, внес значительный вклад в изучение Северного Кавказа.

Крупнов Евгений Игнатъевич (1904–1970) — советский археолог, доктор исторических наук, профессор.

Кусикян Иосиф Карапетович (1895–1964) — языковед, сотрудник Института языкознания АН СССР.

Лайпанов Казий Танаевич (1925–2008) — заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской Республики, педагог, профессор, кандидат исторических наук, общественный деятель.

Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999) — советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук, профессор, академик АН СССР, исследователь «Слова о полку Игореве».

Лопухин Михаил Евграфович (год рождения не установлен — 1961) — ученый, педагог, автор работ по изучению русского языка в киргизской школе.

Магометов Александр Амарович (1917–2004) — грузинский лингвист, специалист в области даргинских и лезгинских языков, истории кавказоведения, доктор филологических наук, профессор.

Мальсагов Ахмет Орцхоевич (1933–1999) — ингушский ученый-фольклорист.

Мальсагова Дзабанта Мусиевна (1906–1988) — супруга Д.Д. Мальсагова, дочь Белхароева Муси Батал-Хаджиевича, сына выдающегося религиозного деятеля, суфия, овлия Батал-Хаджи Белхароева.

Мальсагов Заурбек Куразович (1894–1935) — ингушский писатель, революционер, просветитель, ученый, создатель ингушского алфавита на латинской основе.

Мальсагова Лидия Дошлуковна — филолог, профессор Ингушского государственного университета, дочь Дошлуко Доховича Мальсагова.

Мальсагова Мадина Дошлуковна (1924–1945) — дочь Дошлуко Доховича Мальсагова.

Мальсагов Орцхо Артаганович (1898–1961) — выдающийся ингушский просветитель XX в., в 1918 г. избран Военным комиссаром Ингушетии, в 1930 г. организовал первый Ингушский любительский драмтеатр.

Мальсагова Тамара Якубовна — филолог, внучка Дошлуко Доховича Мальсагова.

Мальсагов Якуб Дошлукович (1927–1999) — историк, известный педагог, долгие годы возглавлял среднюю школу № 57 г. Грозного, сын Дошлуко Доховича Мальсагова.

Матюшков И.Н. (годы жизни не установлены) — в 1970-е годы работал методистом Фрунзенского филиала ВЗФЭИ (другие сведения отсутствуют).

Мациев Ахмат Гехаевич (1902–1968) — чеченский лингвист, педагог, один из основоположников чеченской письменности, кандидат филологических наук.

Мещанинов Иван Иванович (1883–1967) — русский советский лингвист, археолог, действительный член Академии наук СССР.

Мещерский Никита Александрович (1906–1987) — советский филолог, специалист по истории русского литературного языка, древнеславянской переводной письменности, древнерусской переводной литературе, исследователь «Слова о полку Игореве».

Микаилов Шихабудин Ильясович (1899–1964) — аварский филолог, лингвист, лексиколог, исследователь аварских диалектов, поэт, доктор филологических наук, профессор.

Мирзабекова Нонна Владимировна — заслуженный деятель культуры Республики Ингушетия, директор издательства «Ковчег» (Ростов-на-Дону).

Музаев Нурдин Джамалдинович (1913–1983) — писатель, поэт, драматург, педагог, переводчик, ученый, кандидат филологических наук.

Назаревский Александр Адрианович (1887–1977) — специалист по древнерусской и украинской литературе, библиограф, доктор филологических наук, профессор.

Немировский Михаил Яковлевич (1883–1965) — языковед и педагог, известный исследователь кавказских языков.

Озиев Салман Исмаилович (1904–2002) — ингушский просветитель, писатель, лингвист.

Оздоева Фируза Гиреевна (1929–2010) — советский, российский филолог, профессор, доктор филологических наук.

Панек Лидия Борисовна (1896–1984) — известный этнограф, сотрудник Института этнографии (Ленинград), с 1950 по 1953 гг. — старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.

Панчвидзе Владимир Николаевич (годы жизни не установлены) — доктор филологических наук, профессор.

Петросян Вартаван Аветович (1895–1968) — советский партийный и государственный деятель, ученый, директор Института языка и письменности народов СССР.

Писарев Сергей Петрович (1902–1979) — историк, библиограф, общественный деятель.

Пожидаев Василий Павлович (1875–1965) — российский этнограф, ведущий специалист по истории и этнографии народов Северного Кавказа, профессор.

Позднеев Александр Владимирович (1891–1975) — литературовед, фольклорист, профессор, исследователь «Слова о полку Игореве».

Путилов Борис Николаевич (1919–1997) — советский и российский фольклорист, путешественник, специалист по мировому эпическому наследию, доктор филологических наук.

Ржига Вячеслав Федорович (1883–1960) — русский советский литературовед, филолог, историк, профессор Московского университета, исследователь «Слова о полку Игореве».

Салмина Мария Алексеевна (1927–2013) — специалист по древнерусской литературе, сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома.

Савченко Алексей Нилович (1907–1987) — советский языковед, специалист в области общего и сравнительного языкознания.

Семёнов Леонид Петрович (1886–1959) — советский литературовед, искусствовед, профессор, заслуженный деятель науки СО АССР, специалист по кавказоведению и лермонтоведению.

Сердюченко Георгий Петрович (1904–1965) — советский филолог, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР.

Супрун Адам Евгеньевич (1928–1999) — советский лингвист, славист, доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор.

Тахо-Годи Нина Петровна (в девичестве Семенова, 1894–1982) — сестра Леонида Петровича Семенова.

Тресков Илья Васильевич (1916–1995) — литературовед, фольклорист, автор книги «Фольклорные связи Северного Кавказа».

Турсунов Даригул Турсунович (1910–1985) — казахский педагог, языковед, доктор педагогических наук.

Харакоз Дмитрий Петрович (1949–2012) — советский и российский биофизик, доктор физико-математических наук, профессор.

Харакоз Петр Иванович (1907–1996) — языковед, методист, профессор, создатель методик преподавания русского языка в киргизской школе.

Хубиев Ислам Абдул-Керимович (Ислам Карачайлы) (1896–1938) — карачаевский писатель-публицист, литературный критик, этнограф, просветитель, общественно-политический деятель, ответственный секретарь журнала «Революция и горец».

Цагаева Анастасия Дзаболаевна (1919–2009) — лингвист, доктор филологических наук.

Чибиров Людвиг Алексеевич — доктор исторических наук, профессор.

Чикобава Арнольд Степанович (1898–1985) — выдающийся советский лингвист, филолог, академик Академии наук Грузинской ССР.

Шейман Лев Аврумович (1924–2005) — советский и киргизский литературовед, пушкинист, методист, специалист по преподаванию русской литературы в школе, этнокультуролог.

Шервинский Сергей Васильевич (1892–1991) — русский советский поэт, переводчик, писатель, искусствовед, входил в состав Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» Союза писателей СССР.

Штанько Николай Иванович (родился 1.05.1919, дата смерти не установлена) — историк, журналист, автор поэмы «Солнце в крови» (поэма написана под псевдонимом Николай Сергеев, посвящена Ханпаше Нурадиловичу Нурадилову, пулеметчику, участнику Великой Отечественной войны, Герою Советского Союза), в восьмидесятые годы — главный редактор отдела писем и фельетонов газеты «Известия».

Яндаров Халид Эттиевич (родился в 1892 г., дата смерти не установлена) — первый чеченский лингвист, автор первой грамматики чеченского языка.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Дошлуко Дохович Мальсагов. Вехи жизни	4
Избранная переписка.....	28
Письма, телеграммы, полученные после смерти Д.Д. Мальсагова	189
Опубликованные работы Д.Д. Мальсагова	199
Сведения об авторах и получателях корреспонденции	203

Научное издание

ДОШЛУКО ДОХОВИЧ МАЛЬСАГОВ

День за днем

Из эпистолярного наследия

Редактор М.А. Ильина
Корректор Л.Г. Амбросенко
Компьютерный макет М.В. Банкович

Подписано в печать 14.07.2018. Формат 70 × 100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Minio Pro.
Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 19.
Тираж экз. Заказ № .

МАЭ РАН
190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в